

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

STUDIA JUVENALIA (SJ)

**Сборник статей молодых ученых
Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН**

Выпуск 3

*Научный редактор
доктор исторических наук И.Л. Жеребцов*

Сыктывкар 2015

УДК 009(066)(470.13)
ББК 72.4 (2 Рос. Ком)

STUDIA JUVENALIA (SJ): Сборник статей молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО Российской АН, 2015. Вып. 3. 144 с.
ISBN 978-5-906394-28-6

Настоящий сборник статей молодых ученых представляет собой издание, охватывающее проблематику различных направлений научного поиска в сфере гуманитарных дисциплин, развивающихся в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. В нем объединены работы, посвященные вопросам изучения истории, культуры, языка и литературы народов Европейского Севера России, преимущественно народа коми и русского старожильского населения Республики Коми.

Издание ориентировано на антропологов, этнографов, языковедов, фольклористов, литературоведов, культурологов, историков, регионоведов, преподавателей, аспирантов, студентов, учащихся школ и читателей, интересующихся проблемами отечественного гуманитарного знания, историей и культурой родного края.

УДК 009(066)(470.13)
ББК 72.4 (2 Рос. Ком)

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), С.А. Попов (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, М.А. Мацук, Д.В. Милохин, А.Г. Мусанов, Д.А. Несанелис, А.А. Попов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Рецензенты

доктор исторических наук О.В. Золотарев
доктор филологических наук А.Н. Ракин

Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике», «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

ISBN 978-5-906394-28-6

© Коллектив авторов, 2015
© Жеребцов И.Л. (науч. ред.), 2015
© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015

ВВЕДЕНИЕ

В 2015 г. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук отметил свое 45-летие. Сегодня – это один из крупнейших центров финно-угроведения и гуманитарного североведения, ведущее исследовательское учреждение Европейского Северо-Востока России в области исторических и филологических наук. Кадровый потенциал Института постоянно пополняется молодыми специалистами, многие из которых прошли обучение в аспирантуре Института и уже имеют ученую степень кандидата наук. Кадровая политика Института нацелена на сохранение исследовательских традиций, сформированных в академическом учреждении, и развитие как устоявшихся, так и новых направлений научных изысканий в регионе.

Настоящий сборник является развитием традиции публикации статей молодых ученых Института, заложенной еще в 1980-е гг. Всего до этого было подготовлено четыре сборника работ, два из которых – депонированы¹. Как и предыдущие издания, он направлен на то, чтобы аспиранты получили первый опыт апробации своих результатов, а исследователи, готовящиеся к защите диссертации, и молодые кандидаты наук – усовершенствовали свои навыки, написания научных работ и их подготовки к публикации. В нем представлены результаты исследований сотрудников в рамках научно-исследовательских тем, осуществляющихся в Институте. Поэтому статьи, помещенные в представленный сборник, не только знакомят читателя с проблематикой исследований научной молодежи, но и дают представление об основных направлениях и степени разработанности ряда фундаментальных проблем, изучающихся в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Авторами анализируется комплекс неопубликованных материалов

¹ Духовная и материальная культура коми: Сборник статей молодых ученых. Сыктывкар, 1989. – Деп. в ИНИОН АН СССР 03.06.89, № 38370; Актуальные проблемы истории Коми АССР: Сборник статей молодых ученых. Сыктывкар, 1990. – Деп. в ИНИОН АН СССР 07.05.90, № 41756; STUDIA JUVENALIA (SJ): Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2003. 232 с.; STUDIA JUVENALIA (SJ): Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. 200 с.

(архивных, этнографических, лингвистических и фольклорных), многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Работы отличаются новым взглядом на традиционные в гуманитарной науке проблемы, а также особым подходом к систематизации и анализу использованных источников.

Структурно сборник состоит из трех разделов. В первом – «Древняя и современная история» – представлены работы по археологии и истории. К анализу особенностей использования деревянных конструкций в погребальном обряде курганных некрополей середины I тыс. н.э. на Европейском Северо-Востоке России обратилась А.Л. Белицкая, уделив особое внимание надмогильным конструкциям – «домикам мертвых». Объектом исследования молодых историков стали вопросы политической и социальной истории, а также источниковедения. Их статьи посвящены региональной истории в рамках общероссийского исторического процесса. Д.В. Вишняковой раскрыты демографические аспекты формирования трудовых ресурсов Коми края в конце XIX – начале XX в. Определению сложных и неоднозначных отношений представителей уездных органов власти с должностными лицами крестьянского волостного правления на материалах Вологодской губернии посвящена статья С.А. Попова. Важный статистический материал о развитии учреждений просвещения в Коми автономной области в первой четверти XX в. приводит А.М. Таскаев, характеризуя их влияние на динамику уровня образования населения. Предметом изучения А.А. Нисковского стали политические причины и последствия реализации Советским правительством административной реформы 1929 г. в Коми автономной области. Анализ различных видов источников (статистических и делопроизводственных материалов, документов личного происхождения и др.) по истории Республики Коми представлен в работах двух авторов. Так, В.Н. Каракчиевым представлен анализ материалов по истории органов исполнительной власти в Коми автономной области в 1920–1930 гг., скомплектованных в фондах центрального и региональных архивов, выявлена проблематика данных источников. В статье А.М. Мацука «Статистические источники первой половины 1980-х гг. о состоянии автомобилизации Коми АССР» проведен сравнительный анализ сохранившиеся в Национальном архиве Республики Коми годовых отчетов предприятий о наличии и работе автотранспорта, выделены их особенности и степень информативности.

Второй раздел предложенного вниманию читателя издания «Этнография и фольклор» включает в себя две исследовательские работы. Статьи, написанные на основе комплекса неопубликованных полевых материалов, посвящены изучению культурных традиций локальных групп населения южных районов Республики Коми – Прилузского и Койгородского. В са-

тье Ю.И. Бойко рассмотрены основные типологические и конструктивные особенности традиционного жилища, выявлены архитектурные традиции, оказавшие влияние на домостроительство лузско-летских коми. П.А. Шахматская анализирует корпус текстов устной прозы, в которой репрезентированы традиционные представления о домовом (его облике, поведении, функциях, среде обитания и проч.), записанных от русского старожильского населения горнозаводских поселений Республики Коми.

Филологический блок «Языкознание и литературоведение» включает в себя лингвистическую и три литературоведческие статьи. Широкоизвестно, что художественные приемы построения текстов в разных культурах и языках, у различных авторов обладают отличительными чертами. Анализу одного из них – аллитерации, которая является наиболее характерной особенностью формы финского эпоса, – посвящена работа Н.А. Ракина «Звуковые повторы в коми переводе “Калевалы” А.И. Туркина». Отметив активное использование в коми тексте звуковых повторов, автор статьи делает вывод, что аллитерация в переводной версии произведения не является структурной (как в оригинале), а остается случайной. Актуальные темы в условиях развивающейся коми литературы исследованы Л.Е. Сурниной, Н.В. Гориновой и А.В. Малевой. Так, Л.Е. Сурнина рассматривает лирику И.А. Куратова с точки зрения ее субъектного строя, что позволяет автору статьи уточнить поэтическую семантику образа коми крестьянина и художественное содержание поэтических произведений поэта. Н.В. Горинова на анализе пространственных характеристик трагикомедии современного коми драматурга А.В. Попова «Ночь, которой никогда не было», выявила аллегоричность пространства трагикомедии, раскрыла его художественные возможности в отображении противоречий современной действительности. А.В. Малева, сопоставляя лирику известных коми поэтов, авторов разных творческих поколений А. Мишариной и А. Ельцовой, выявляет особенности антитетичности их поэтического мышления.

ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.53(470.1)

Остатки деревянных конструкций на курганных могильниках Европейского Северо-Востока

А.Л. Белицкая¹

В публикации рассматривается вопрос об особенностях использования в погребальном обряде курганных некрополей середины I тыс. н.э. Европейского Северо-Востока деревянных конструкций. Их применение в процессе захоронения умершего было характерно для населения, оставившего данные памятники. По месту нахождения сооружения делятся на внутримогильные, надмогильные и надмогильные. Особое внимание уделено надмогильным конструкциям – «домикам мёртвых», традиция возведения которых уходит корнями в ананьинскую эпоху.

Ключевые слова: Курганные могильники, погребальный обряд, деревянные конструкции, домики мёртвых.

Remains of wooden constructions on the kurgan burial mounds of the european north east

A.L. Belitskaya

The issue of wooden constructions' usage pattern in a funeral ceremony of the kurgan necropolises in the middle of the first millennium AD of the European North East is considered in the publication. Their use in the process of burial was peculiar to the population who had left these monuments. According to the location, these constructions can be divided into cemeteries and gravestones. The special attention is paid to gravestone constructions – «mortuary houses» construction of which traditionally originates from Ananyino period.

Key words: Kurgan Burial mounds, funeral rite, wooden constructions, mortuary houses.

¹ **Белицкая Анастасия Леонидовна** – соискатель, младший научный сотрудник сектора изучения культурной адаптации населения циркумполярной зоны Европейского Северо-Востока отдела археологии. Тематика научных исследований – этнокультурные процессы в Северном Приуралье в середине I тыс. н.э., погребальная обрядность курганных могильников (belitskaia522@yandex.ru).

Период II–VII вв. н.э. ознаменовался масштабными событиями, благодаря которым он получил в исторической литературе название эпохи Великого переселения народов. Отголоски мощных миграционных процессов, охвативших Евразию, докатились до Европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ), их отражением в этом регионе стало появление нового типа памятников – курганных могильников. В настоящее время на ЕСВ известно семь курганных некрополей – Вомыньягский, Эжольский, Боргантьельский, Юванаягский, Веслянский I, Шойнаягский, Сэбысьский. Первые шесть расположены в бассейне р. Вычегда, седьмой – в бассейне р. Печора (см. рис.).

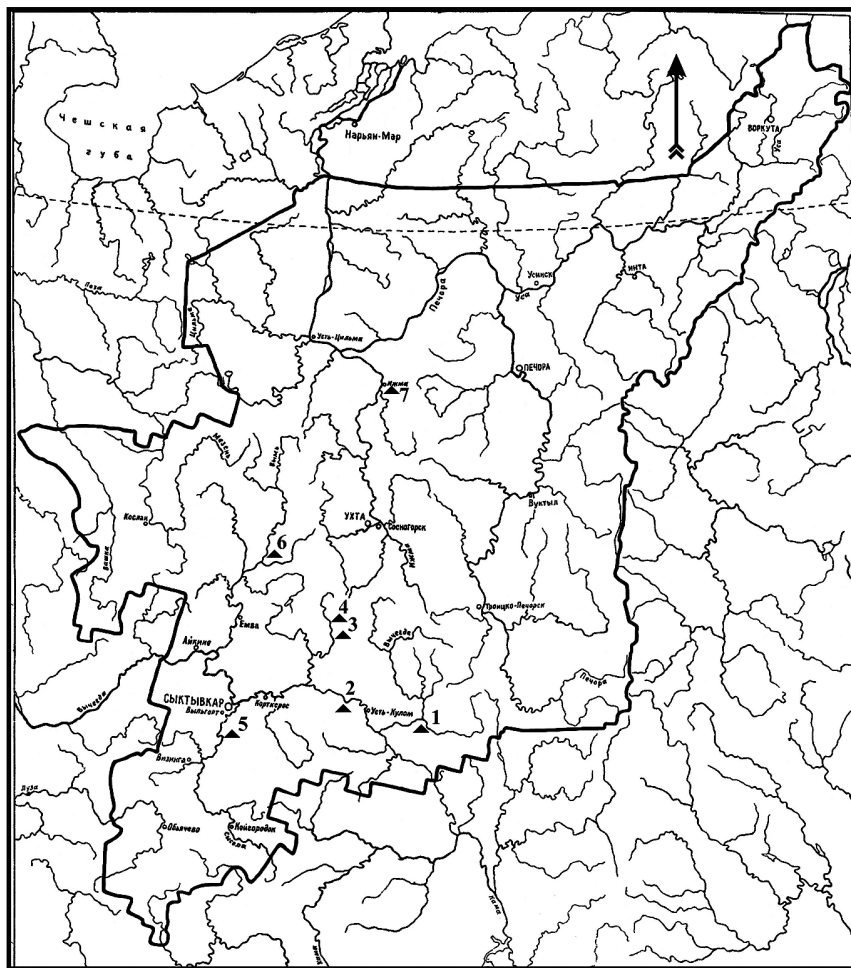
В процессе раскопок исследователями в насыпях курганов, непосредственной близости от них или в могильных ямах найдены остатки деревянных конструкций, сооружение которых было частью погребального обряда населения, оставившего некрополи. В статьях, посвященных отдельным памятникам, и отчетах по итогам раскопок авторы в той или иной степени касались вопроса о них, однако обобщающей работы, посвященной им, до настоящего времени не выходило. В данной публикации предпринята попытка их описания, разделив по функциональной принадлежности на надмогильные, намогильные и внутримогильные сооружения.

Надмогильными считались те сооружения, остатки которых найдены в насыпи, рядом с ней или в околочурганых канавках, намогильными – конструкции, прорезающие насыпь и/или погребение, а также закрывающие погребение на уровне древней поверхности. К внутримогильным относились перекрытия, уложенные на заплечики, и конструкции, расположенные в могильной яме.

Основой послужили материалы шести могильников. Исключение составляет Эжольский, открытый в 2013 г., раскопки которого продолжают. В одном из двух введенных к настоящему времени в научный оборот погребений, на дне были найдены обгоревшие остатки внутримогильной конструкции. В насыпи прослежены остатки сгоревших плах или жердей (Рыбина, 2014. С. 178–179).

Изучение деревянных сооружений курганных могильников ЕСВ осложнено рядом обстоятельств. В силу почвенных особенностей сохранность органических материалов, в том числе и дерева, крайне неудовлетворительна. В большинстве случаев сохранились лишь небольшие фрагменты, не позволяющие установить вид конструкции. Вторая трудность состоит в различной степени сохранности памятников, уровне их изученности и детальности фиксации авторами раскопок.

В целом можно говорить о наличии внутримогильных конструкций на дне, деревянных перекрытий могильных ям и бересты. Поэтому при

Курганные могильники на Европейском Северо-Востоке.

1 – Вомяньягский могильник; 2 – Эжольский могильник; 3 – Борганьельский могильник; 4 – Юваянагский могильник; 5 – Шойнаягский могильник; 6 – Веслянский I могильник; 7 – Сэбысьский могильник.

анализе материала учитывались: наличие тлена, углей или фрагментов дерева и их расположение на дне погребений, в засыпи или на заплечиках, если они фиксировались. Если это было возможно, отмечался вид внутримогильного сооружения. В погребальной камере могли сочетаться деревянные конструкции, расположенные на дне, берестяные перекрытия. Де-

ревянные перекрытия, следы которых прослежены на заплечиках, также отнесены к внутримогильным сооружениям.

Следы надмогильных сооружений усматриваются в столбовых ямах и углистых пятнах, прорезающих насыпь и/или погребение, а также остатках перекрытий, находившихся на уровне древней поверхности, с течением временем попавших в заполнение ямы. Отличия надмогильных и внутримогильных перекрытий, прослеженных в засыпи погребений, в том, что первые обуглены, а вторые сохранились в виде древесного тлена.

На существование надмогильных конструкций могут указывать форма насыпи, остатки дерева в ней или околочурганных канавках. Объяснить нахождение фрагментов жердей в заполнении канавок-оград могильников можно сползанием части насыпи с течением времени.

Материалы **Вомыньягского могильника** опубликованы частично. Количество насыпей в публикациях не указывается, известно о четырех подчурганных погребениях (Археологическая карта, 2014. С. 47). На могильнике изучено одно грунтовое захоронение, хотя Л.И. Ашихмина не исключает, что первоначально оно также было подчурганным, но насыпь могла быть разрушена лесозаготовками (Ашихмина, 2000. С. 139).

Данных о деревянных конструкциях, связанных с подчурганными захоронениями, нет, над грунтовым погребением прослежено надмогильное сооружение. Могильная яма окружена подковообразной канавкой, разомкнутой с севера. По обеим сторонам от входа на площадку сохранились столбовые ямы. Л.И. Ашихмина предполагает, что такие столбы могли быть установлены и с другой стороны, в южной части захоронения, где в ногах умершего зафиксирована еще одна столбовая ямка. Все они имели четырехугольную форму и конусовидное дно. Размеры ям неизвестны.

По внешнему контуру канавки расчищены 24 короткие и узкие полосы, «видимо, являвшиеся концами какого-то сооружения типа юрты». Эти остатки позволили Л.И. Ашихминой предположить «установку в канавке вертикальных опор из жердей, а остатки столбов связать с коновязями, установленными возле «юрты» и внутри нее»¹ (Ашихмина, 2000. С. 140).

На **Юванаягском могильнике** изучено девять курганных насыпей и 23 погребения, из которых два – грунтовые. Можно предположить наличие одной надмогильной конструкции. В канавках, окружающих курган I, содержащий восемь погребений, найдены обгоревшие жерди толщиной 5–10 см, уложенные параллельно насыпи, и бревно, лежавшее перпендикулярно к ней (Ашихмина, 1987. Рис. 4). В насыпи кургана остатки жердей не фиксируются, однако повсеместно встречаются угли.

¹ Подробное описание дано в статье Л.И. Ашихминой «О специфике отдельных погребений древнего населения Северного Приуралья».

В 18 погребениях (78,3 %), в том числе в одном из грунтовых (погр. 2), остатки дерева найдены в могильной яме. В шести случаях (33,3 %¹), фрагменты плах, куски дерева, тлен прослеживаются в заполнении или на заплечиках погребений, в четырех случаях они обуглены. Для погр. 5 кург. I – это остатки надмогильной конструкции, в остальных трех случаях (погр. 1 и 4 кург. I; погр. кург VII) – остатки перекрытия погребальной камеры, которые могли попасть в засыпь в ходе вторичного проникновения в могилу.

На дне погребения остатки дерева найдены в 16 случаях (88,9 %). В двух могилах (12,5 %) от сгоревшей конструкции сохранились только угли, в одном случае (6,3 %) она была интерпретирована как лодка (Ашихмина, 1988. С. 7). В 13 погребениях (81,3 %) следы огня на внутримогильной конструкции не зафиксированы, в пяти сохранность конструкции позволила определить ее вид как колоду (3) и гробовище (2). В одном случае прослежено, что погребальная камера была облицована плахами (6,3 %). Береста зафиксирована в 10 случаях (62,5 %), в девяти из них в нее была завернута внутримогильная конструкция.

На **Борганьёльском могильнике** изучено 25 курганов и 48 захоронений, из которых пять – грунтовые. Остатки обугленных надмогильных сооружений прослежены в трех случаях: в курганах III, VI и XXIV с групповыми захоронениями. Вдоль погр. 4 кург. III на глубине 10 см от поверхности «прослеживаются остатки горелого дерева на длину 1,7 м». Остатки жердей найдены в насыпи кург. VI, под впускным погр. 1, на уровне 30 см от поверхности. В канавках, окружающих кург. VI, на глубине 30–40 см раскопаны обгоревшие куски дерева, лежавшие параллельно насыпи. Вдоль северной стенки погр. 3, кург. XXIV на глубине 10 см сохранились остатки обугленного столба длиной 1,3 м (Ашихмина, 1988. Рис. 26).

Форма насыпей Борганьёльского могильника отличается: более ранние по времени сооружения курганы имеют овальную форму и большие размеры, чем более поздние. 11 курганов из 25 – прямоугольной формы. Можно предположить наличие некой ограды, вроде сруба в один-два венца, которая не позволяла им расползаться со временем.

В курганах XV и XVI, содержавших по одному погребению, сохранились остатки надмогильных конструкций – одиночные углистые пятна диаметром 24–25 см, уходящие на глубину 35 см, конусовидные в сечении. Они прорезали в первом случае погребение, во втором – насыпь, под которой сохранились следы сгоревшего дерева. В 15 случаях (31,3 %) сохранились остатки перекрытий погребальных камер, все они носят следы огня. Еще в одном случае (4,2 %) заполнение могильной ямы было углисто-зольным, что также может указывать на наличие разрушенного перекрытия.

¹ Здесь и далее – от числа ям с остатками деревянных конструкций.

Остатки деревянных внутримогильных конструкций наблюдаются в 25 могильных ямах (52,1 %). Примерно половина из них (13) обуглена. Как и на Юванаягском могильнике, различаются такие виды, как лодка (1), гробовище (4), сруб из плах (2).

Остатки бересты зафиксированы в 20 случаях (52,6 %). Так же, как и на Юванаягском могильнике, в нее была завернута внутримогильная конструкция, за исключением одного случая.

Веслянский I могильник первоначально исследовался как грунтовый. Позднее автором раскопок Э.А. Савельевой было выделено два кургана: курган I, объединил погребения 6 и 7, курган II, образовавшийся от слияния двух соседних насыпей – погребения 8–19. В целом некрополь содержал 27 погребений (Савельева, 1975. С. 21).

Остатки надмогильных сооружений можно предполагать над погребениями обоих курганов: первый с СЗ, ЮЗ и ЮВ сторон окружен ямами с остатками горелого дерева; рядом с погр. 11 кург. II в насыпи обнаружены фрагменты обугленного бревна, лежавшие вдоль его продольной стенки. Возможно, с надмогильными конструкциями может быть связана часть отдельных фрагментов обгоревшего дерева, ориентированных С–Ю и З–В, найденных на площади могильника, однако не исключено, что это остатки костров, которые в большом количестве сохранились на площади памятника.

Остатки перекрытий, находившихся на уровне древней поверхности, можно предполагать в 13 погребениях (48,1 %), однако в шести они были выделены с большой долей условности по углисто-зольному заполнению могильных ям.

Следы внутримогильных конструкций прослеживаются на дне девяти могил (47,4 %), из них пять необожженные. Они представляют собой гробовища или срубы из досок. В 13 погребениях (68,4 %) найдены остатки бересты. В четырех случаях в нее был завернут умерший, в остальных берестой была обернута внутримогильная конструкция.

Шойнаягский могильник сильно разрушен, причем разрушался он дважды – в древности, в период или вскоре после прекращения своего функционирования и современности – искателями «чудских кладов». На нем изучено 16 курганов и 22 погребения, из которых два – грунтовые (Васкул, Овчинников, 1999).

В насыпях курганов Шойнаягского могильника не встречены остатки деревянных надмогильных сооружений. Их наличие можно предполагать в четырех случаях: кург. II и III были окружены ямами с углисто-зольным заполнением, а курганы VI и IX имели прямоугольную форму.

Использование столба в виде намогильного сооружения отмечено в одном случае: в ЮЗ части погребения кургана VII зафиксирована ямка

диаметром 25 см с наклонными стенками и уплощенным дном (Васкул, 1987. С. 19). Еще в двух погребениях (9,1 %) зафиксированы остатки верхних перекрытий погребальных камер.

В шести захоронениях (27,3 %) сохранились остатки внутримогильных сооружений, в двух случаях они были обуглены. Фрагментарность остатков деревянных конструкций, не позволяет установить их вид, можно предполагать, что это были настилы из плах. В отличие от вышеописанных некрополей, на Шойнаягском могильнике не отмечено использование бересты.

Сэбысьский могильник, как и Веслянский I, первоначально исследовался как грунтовый, в процессе изучения автором раскопок А.Л. Багиным, было выделено шесть курганов. Часть из них имеет прямоугольную форму, что может указывать на наличие ограничивающего насыпь сруба в один-два венца. Следы деревянных конструкций в насыпях не фиксируются.

При визуальном осмотре памятника автором раскопок А.Л. Багиным было отмечено 36 овальных впадин (Багин, 2004. С. 5)¹. Часть из них оказалась остатками ям для забора грунта для насыпей, общее количество вскрытых захоронений – 31, однако погребение 20 под курганом 1 было выделено условно (Багин, 2007а. С. 8). В предварительной публикации итогов раскопок могильника указано 30 погребений (Багин, 2007б. С. 107). Из них в трех случаях (10 %) прослежен органический тлен, однако не указывается – это древесный тлен, береста или останки умершего. Достоверно можно говорить об 11 погребениях (36,7 %) с внутримогильными сооружениями, хотя углисто-зольные прослойки отмечены в 17 (56,7 %) могильных ямах. В одном случае (3,3 %) в погребении найдена береста.

Из 11 могильных ям в восьми (72,7 %) остатки деревянных конструкций найдены на дне, три из них обуглены. Ввиду крайне неудовлетворительной сохранности вид внутримогильных сооружений не реконструируется, можно предположить, что это были настилы из плах. В трех случаях (10 %) в засыпи зафиксированы перекрытия, одно – внутримогильное, на заплечиках, еще одно – обгоревшее.

Таким образом, можно отметить, что использование различных деревянных конструкций характерно для погребального обряда всех курганных некрополей ЕСВ. На пяти из них, за исключением Вомыньягского, найдены остатки внутримогильных сооружений, хотя возможно, что в погребениях последнего, о которых нет данных, они также присутствовали.

¹ В статье «К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока» (Российская археология. № 2. 2015) ошибочно указано общее количество – 38 погребений, однако на результаты вычислений это не повлияло, так как использовались данные лишь 19 из них.

Судя по сохранившимся остаткам, на дне погребальной камеры находилась конструкция в виде дощатого сруба или гробовища/колоды, обернутая берестой (за исключением Шойнаягского могильника), над которой было положено перекрытие из плах. Оно могло лежать на заплечиках или на уровне древней поверхности.

Необходимо отметить некоторую вариативность, связанную с использованием деревянных конструкций в погребальном обряде разных памятников. На Юванаягском и Борганъельском могильниках большая часть перекрытий обуглена, а на Веслянском I, Шойнаягском и Сэбысьском – нет. Действию огня подвергались и внутримогильные сооружения, но только на Борганъельском могильнике их количество преобладает над необгоревшими.

На разных памятниках отмечены разные типы внутрипогребальных конструкций: на Веслянском I могильнике это срубы из досок (Савельева, 1975. Рис. 13), на Шойнаягском и Сэбысьском, предположительно, настилы из плах, а на Юванаягском и Борганъельском – гробовища и колоды (Ашихмина 1987. Рис. 24), также прослежены случаи использования лодок (Ашихмина, 1988. Рис. 25).

На Сэбысьском могильнике в отличие от остальных памятников (за исключением Вомыньягского) остатки внутримогильных конструкций зафиксированы в тех погребениях, которые А.Л. Багин относит к грунтовым, в то время как в подкурганных их нет. На курганных могильниках Повычегодя, напротив, следы погребальных конструкций в грунтовых захоронениях единичны. Этот факт может быть связан с локальными отличиями Сэбысьского могильника или с уровнем его исследованности.

В традиционной погребально-поминальной обрядности коми-зырян сохранились некоторые элементы, связанные с использованием внутримогильных конструкций, следы которых встречаются на курганных могильниках ЕСВ. В частности, зафиксирована традиция оборачивания берестой или тканью гроба. Среди видов внутримогильных конструкций, помимо гробов, отмечено использование колод. Колоды использовались также для изготовления лодок-однодеревок (Семёнов, 1992. С. 9–13). Использование лодок в качестве внутримогильной конструкции, также как и ориентировка покойников на воду, размещение могильников у реки восходит к представлениям о семантической «мировой реке» – пути в иной мир. В.А. Семёнов отмечает, что «с символикой последнего путешествия по реке связан и обычай хоронить в гробах-колодах, очевидно, имитировавших лодки, в страну предков» (Семёнов, 1992. С. 39–41).

Еще в процессе исследования памятников Л.И. Ашихмина высказала предположение, что «сохранившиеся части обугленных жердей, лежавших

в определенном порядке, по всей вероятности, свидетельствуют, что это не просто остатки погребального костра, связанного с подготовкой и очищением поверхности. Скорее всего, они являются остатками наземной погребальной конструкции, имитирующей жилище, подожженной и засыпанной до полного окончания горения» (Ашихмина, 1987. С. 4). Изучение следов надмогильных конструкций некрополей позволяет говорить о наличии на курганных могильниках ЕСВ ритуальных построек, которые в научной литературе известны как «домики мертвых».

Возведение «домика мертвых» над захоронением – широко распространенный элемент погребального обряда у разных народов Евразии. Ближайшие аналогии рассматриваемому явлению находятся в зауральских и прикамских памятниках.

Истоки традиции возведения «домиков мертвых» исследователи склонны относить к раннему железному веку. В.В. Мингалёв связывает их использование с верой древнего населения в то, что дух умершего некоторое время еще живет на земле, и относит генезис традиции сооружения «домиков мертвых» в Прикамье к ананьинскому времени. Он отмечает, что она не была специфичной для погребального обряда ананьинских племен верхнего и среднего Прикамья, но надмогильные конструкции имели ряд существенных отличий от «домов мертвых» могильников ананьинской ИКО других регионов (Мингалёв, 1997. С. 32–36). В.С. Патрушев указывает, что на Старшем Ахмыловском могильнике ананьинской культуры на средней Волге найдено 13 сложных погребальных сооружений – «домиков мертвых», возведение которых бытовало в среде марийского населения до этнографической современности (Патрушев, 1986. С. 20).

А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова указывают, что «возведение «домиков мертвых» – этномаркирующий признак для угорских племен верхне- и среднекамского «ананьино». Традиция была принесена в Прикамье в результате взаимодействия угорского населения Западной Сибири при сложении ананьинской культуры. Во второй половине I тыс. н. э. при сложении раннесредневековых культур происходит постоянная подпитка угорских пришельцев из-за Урала, одним из свидетельств пребывания которых было наличие «домиков мертвых» в погребальном обряде ломоватовских племен». Традиция сооружения «домиков мертвых», по их мнению, «исчезает в X в., при переходе к родановской культуре, когда устанавливается единый ритуал погребения в отличие от биобрядности ломоватовской культуры» (Белавин, Крыласова, 1988. С. 132–135).

Л.И. Ашихмина считает, что в погребальном обряде населения, оставившего курганные могильники на ЕСВ, традиция возведения надмогильных конструкций восходит к зауральским корням (Ашихмина,

2000. С. 170–171). Однако следует отметить, что в погребальном обряде и ананьинских племен Прикамья, и зауральских народов «домики мертвых» представляли собой срубные бревенчатые постройки с двускатными крышами, в которые помещались кремированные останки умершего, в то время как на курганных могильниках ЕСВ надмогильные конструкции представляют имитацию каркасно-столбового круглого в плане наземного жилища (по реконструкции Л.И. Ашихминой).

С.Н. Кореньюк, А.Ф. Мельничук и М.Л. Перескоков на основе анализа материалов Мокинского могильника высказали точку зрения, что иноэтническое население, продвинувшееся в середине I тыс. н.э. в Прикамье, переняло обряд возведения «домика мертвых» у местных племен и сочетало его с возведением курганной насыпи (Кореньюк, Мельничук, Перескоков, 2011. С. 79–80). Оставляя открытым вопрос об этнокультурной принадлежности истоков традиции, можно согласиться с вышеуказанными авторами о многокомпонентности истоков данной традиции.

Однако категорически отрицать наличие срубных конструкций на курганных могильниках ЕСВ нельзя. Л.И. Ашихмина отмечала, что высота курганов едва ли была велика в связи с сыпучестью песка. На Борганьёльском могильнике выделяется группа погребений, у которых насыпь едва превышала размеры могилы и могла быть окаймлена какой-то оградкой типа сруба в 1–2 венца, сдерживавшего насыпь и не позволявшего ей расплываться, что указывалось выше. Аналогичную конструкцию можно предположить и на других курганных некрополях ЕСВ.

На курганных могильниках ЕСВ «домики мертвых» сооружались не над всеми погребениями, хотя угли, повсеместно найденные в насыпях курганов, указывают, что, возможно, конструкций было больше. Л.И. Ашихмина, опираясь, в первую очередь, на материалы Вомыньягского могильника, считает сооружение надмогильной конструкции знаком статусности умершего, проводя параллели с погребальной традицией зауральских народов. Она высказала предположение, что погребения вождей не должны были отличаться от погребений рядовых дружинников. Необычность Вомыньягского захоронения, по ее мнению, указывает, что умерший сочетал функции вождя и служителя культа (Ашихмина, 2000. С. 141–142). Однако на курганных могильниках Пovyчегодья, преимущественно, прослежена традиция возведения «домика мертвых» над курганами с парными или групповыми захоронениями: оба кургана на Веслянском I могильнике, три кургана на Борганьёльском могильнике, курган на Юванаягском могильнике, два кургана Шойнаягского могильника. Поэтому с мнением Л.И. Ашихминой о шаманских погребениях едва ли следует согласиться. Вслед за В.В. Мингалёвым можно предположить, что эти постройки носи-

ли коллективно-родовой характер, особенно на раннем этапе функционирования курганных могильников.

Возможно, особыми по статусу являются одиночные погребения, над которыми зафиксированы следы намогильных конструкций – это захоронения под курганами XV и XVI Борганьёльского могильника, погребение кургана VII Шойнаягского могильника, где сохранились углистые столбовые ямы с конусовидным или уплощенным дном. Л.И. Ашихмина соотносит их с ритуальными коновязными столбами-сэргэ, обычай установки которых широко распространен у сибирских народов (Ашихмина, 2000. С. 142). Обычно сэргэ устанавливали при захоронении шамана или при погребении с конем, к тому же установка ритуальных коновязей известна у многих кочевых народов, в жизни которых была велика роль лошади.

В.А. Семёнов при раскопках Варнинского могильника над погребениями начала VI в. обнаружил следы надмогильных сооружений в виде следов от истлевших столбов и кольев. Он выделил несколько видов. «В пределах могилы следы кольев фиксировались на глубине до 50 см, вне могильных пятен на глубине до 30 см. Иногда фиксировались следы 1–2 кольев, в то время как следы остальных, очевидно, забитых на меньшую глубину были разрушены пахотой. Обычное заострение в разрезе кольев оградок свидетельствует о том, что они просто забивались в землю. В то же время у части центральных столбов-памятников отмечались и плоские основания, что указывает на их установку в засыпку могилы. Отсутствие следов ремонта, повторных или сдвоенных следов кольев говорит о том, что подобные сооружения были временными» (Семёнов, 1991. С. 58–60). На курганных могильника ЕСВ зафиксированы столбовые ямки обоих видов как с уплощенным, так и с конусовидным дном.

Таким образом, можно выделить три типа деревянных сооружений на курганных некрополях ЕСВ: наземные постройки, имитирующие каркасно-столбовое жилище, одно- или двухвенечные срубы и памятные или ритуальные коновязные столбы. «Домиками мертвых» являются только каркасные конструкции, строившиеся над групповыми захоронениями. Традиция их сооружения берет начало в прикамских памятниках переходного периода, откуда уже трансформированный обряд был принесен мигрантами в Северное Приуралье, где в дальнейшем продолжил изменяться, вероятно, под влиянием местного населения. Возможно, это документирует переход от постройки каркасной конструкции к одно- или двухвенечной срубной. Вопрос о назначении намогильных конструкций-столбов остается открытым.

Окончательные выводы о характере и причинах традиции возведения на курганных могильниках ЕСВ «домиков мертвых», различиях видов внутримогильных конструкций на памятниках и степени использования

огня можно будет сделать после привлечения данных, полученных при раскопках новых некрополей данного типа на Европейском Северо-Востоке и широкого круга аналогий из памятников других регионов.

Литература

1. Археологическая карта Республики Коми. Сыктывкар, 2014.
2. *Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1987 году. Сыктывкар, 1987 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 387.
3. *Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского археологического отряда в 1988 г. Сыктывкар, 1988а // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 404.
4. *Ашихмина Л.И.* Погребальный обряд курганного могильника Боргангёль. Сыктывкар, 1988б. (Серия препр. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 191).
5. *Ашихмина Л.И.* О специфике отдельных погребений древнего населения Северного Приуралья // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000. С. 139–143.
6. *Багин А.Л.* Отчет о работах Ижемского археологического отряда в 2005 году. Сыктывкар, 2005 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 699.
7. *Багин А.Л.* Отчет о работах Ижемского археологического отряда по раскопкам могильника Сэбысь в Ижемском районе Республики Коми. Сыктывкар, 2007а // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 724.
8. *Багин А.Л.* Первые результаты исследований могильника VI века Сэбысь в среднем Припечорье // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской науч. конф. Сыктывкар, 2007б. С. 107–109.
9. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997. С. 130–139.
10. *Васкул И.О., Овчинников Ф.В.* Шойнаягский могильник // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1999. С. 44–56. (МАЕСВ. Вып. 16).
11. *Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. 2011. № 1 (15). С. 65–80.
12. *Мингалев В.В.* «Дома мертвых» на могильниках ананьинской культуры в Среднем Прикамье // История и культура финно-угорских народов. Глазов, 1997. С. 32–36.
13. *Патрушев В.С.* Из истории финно-угров Поволжья и Приуралья (X–VI вв. до н.э.) // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 18–25.
14. *Рыбина И.Н.* Эжольский курганный могильник – результаты исследований 2014 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар, 2014. Т. XVII. С. 178–179.

15. *Савельева Э.А.* Отчет об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции в 1974 г. Сыктывкар, 1975 // Архив МАЭ ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина». Ф. 2. Д. 2.

16. *Семенов В.А.* Погребальный обряд чепецкого населения в эпоху раннего средневековья (VI–X вв.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С. 56–75.

17. *Семенов В.А.* Традиционная семейная обрядность народов Европейского Северо-Востока. СПб., 1992.

Сокращения

Архив МАЭ ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» – архив Музея археологии и этнографии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

ЕСВ – Европейский Северо-Восток

ИКО – историко-культурная общность

МАЕСВ – материалы по археологии Европейского Северо-Востока

**Демографические факторы формирования
трудовых ресурсов на территории Коми края
(конец XIX – начало XX века)¹**

Д.В. Вишнякова²

В работе рассматриваются демографические аспекты формирования трудовых ресурсов Коми края в конце XIX – начале XX в., выявляются численность населения трудоспособного возраста, структура трудовых ресурсов. А также исследуется влияние процессов рождаемости и смертности на динамику населения и трудовых ресурсов.

Ключевые слова: демография, Коми край, трудовые ресурсы.

**Demographic factors of formation of labour force
in the territory of Komi region
(end of XIX – beginning of XX centuries)**

D. V. Vishnyakova

The paper examines demographic aspects of formation of labour resources of the Komi region in the end of XIX – beginning of XX century, the working-age population, the structure of the labour force. And also explores the impact of processes of fertility and mortality on population dynamics and the labour force.

Key words: demography, Komi region, labor resources.

Экономические процессы в обществе тесно взаимосвязаны с состоянием численности, состава и структуры населения, человеческие и трудовые ресурсы являются основой социально-экономического положения. Модернизационные процессы конца XIX – начала XX в. были многоуровневыми и протекали во всех сферах жизни российского общества. В экономическом развитии

¹ Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

² Вишнякова Дарья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Русского Севера. Тематика научных исследований – историческая демография XIX – начала XX в., Европейского Северо-Востока России, вопросы брачной структуры населения, межэтнических браков, гендерные аспекты матримонильного поведения (vishnyakova_dari@mail.ru).

страны центральной проблемой являлся вопрос преобразования деятельности крестьянских хозяйств, составляющих основу аграрного производства страны. Определяющим фактором экономической устойчивости этих хозяйств служила обеспеченность трудовыми ресурсами, рабочей силой.

Методологические предпосылки исследования процесса воспроизводства трудовых ресурсов предполагают установление содержания отдельных категорий. В научной литературе на сегодняшний день нет четкого подхода к определению и сущности таких понятий, как «трудовые ресурсы», «трудовой потенциал», «рабочая сила». Неоднозначность трактовки содержания этих терминов объясняется тем, что многие ученые рассматривают их с различных позиций. Понятие «трудовые ресурсы» было впервые сформулировано в 1922 г. академиком С.Г. Струмилиным (Струмилин, 1964). В рамках промышленной социологии в 20-х гг. XX в. трудовые ресурсы рассматривались как планово-учетная единица и отождествлялись с количеством лиц, занятых в экономике. В настоящее время сложились два подхода к определению сущности рабочей силы: первый – это классическое определение, которое дали К. Маркс и Ф. Энгельс, его придерживаются большинство ученых; второй подход используется современными авторами для обозначения «экономически активного населения» и под «рабочей силой» понимается не способность к труду, а человеческие ресурсы для труда (Колобова, Ларионцева, 2006. С. 57).

В связи с различиями в понимании термина «трудовые ресурсы» приведем определение этой категории, данное в Демографическом энциклопедическом словаре: «Трудовые ресурсы, часть населения страны, обладающая необходимым физическим развитием, умственными способностями и знаниями для работы в народном хозяйстве. Численность трудовых ресурсов характеризует потенциальную массу живого труда, или «запас» рабочей силы, которым располагает общество для удовлетворения своих потребностей» (Демографический энциклопедический словарь, 1985. С. 480). В настоящее время в состав трудовых ресурсов входят: население в трудоспособном возрасте, кроме неработающих инвалидов первой и второй групп и неработающих лиц, получающих пенсии на льготных условиях; работающие подростки и работающие лица пенсионного возраста. Трудовые ресурсы – это трудоспособная часть населения, обладающая физическими и интеллектуальными способностями к трудовой деятельности, способная производить материальные блага или оказывать услуги. Трудоспособное население выступает как часть населения, ограниченная определенными возрастными границами.

Существуют различные аспекты изучения проблемы трудовых ресурсов: экономические, демографические, социологические, статистические.

Демографический аспект отражает зависимость трудовых ресурсов от воспроизводства населения и учитывает такие его характеристики, как пол, возраст, место жительства и др. Вопросы воспроизводства населения и трудовых ресурсов, в частности, механизм взаимосвязи экономических и демографических процессов довольно подробно проанализированы в трудах советских и российских ученых экономистов, демографов, социологов. Теоретические вопросы демографической политики исследованы в трудах А.И. Антонова (Антонов, 1980), Д.И. Валентя (Валентей, 1990. С. 138–148), А.Г. Вишневского (Вишневский, 1982), Р.Е. Дарского (Дарский, 1977), А.Я. Кваши (Кваша, 1974), А.Я. Боярского (Боярский, Кваша и др., 1980) и др. исследователей. Демографическим основам формирования и использования трудовых ресурсов дан анализ в работах А.И. Рофе (Рофе, 2010), Г.Г. Руденко, Б.Ч. Муртозаева (Руденко, Муртозаев, 2004), А.Б. Соскиева (Соскиев, 1978) и др.

Исследованию проблемы трудовых ресурсов конца XIX – начала XX в. посвящен ряд работ В.А. Погребинской (Погребинская, 2008, 2009), О.Б. Вахромеевой (Вахромеева, 2009), В.П. Пашина, С.В. Богданова (Пашин, Богданов 2003), А.В. Перепелицына (Перепелицын, 2007) и др. В региональной историографии Коми затрагивались вопросы обеспеченности крестьянских хозяйств рабочей силой и трудовыми ресурсами в целом. Эта проблема рассматривалась в трудах Л.Н. Рума (Итоги экономического исследования, 1903. Т. 1), В.Ф. Попова (Попов, 1906. Т. 1) и ряда др. авторов¹. Изучение численности трудоспособного населения Европейского Севера России и, в частности, Усть-Сысольского уезда в конце XIX – начале XX в. проводилось Д.И. Пинаевским (Пинаевский, 1997, 1999).

В настоящее время вопросы состояния трудовых ресурсов, рабочей силы и трудового потенциала Коми края в обозначенный период относятся к числу малоизученных: не в полной мере исследованы численность трудоспособного населения региона, взаимосвязь воспроизводства населения и воспроизводства трудовых ресурсов, влияние миграций на численность трудовых ресурсов. В данной работе предполагается изучение демографических аспектов формирования трудовых ресурсов Коми края в конце XIX – начале XX в. В соответствии с этим поставлены следующие задачи: выявить особенности формирования трудового потенциала, численность населения трудоспособного возраста, определить влияние рождаемости и смертности на динамику населения и трудовых ресурсов, определить структуру трудовых ресурсов.

Основными источниками для проведения исследования послужили материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., подворные об-

¹ Например, Описание волостей Печорского уезда с приложением статистических таблиц (исследование 1903 г.) Б.М., Б.Г. [Рукопись] / Библиотека Коми НЦ УрО РАН.

следования начала XX в. и посемейные списки волостных правлений. Перепись 1897 г. позволяет установить численность населения, его состав, соотношение городского и сельского населения, определить возрастную-половую структуру населения и др. В работе были также привлечены материалы подворных обследований Коми края, проводившихся в начале XX в. Сами экспедиционные работы были обусловлены новым государственным курсом аграрной политики и направлены на изучение возможностей колонизации территорий края. В 1901 г. под руководством Л.Н. Рума началась экспедиция по обследованию южных волостей Усть-Сысольского уезда (Борисовской, Кочергинской, Ношульской, Шиловской, Уркинской и Киберской), а затем, в 1902 г., и волостей на верхней Вычегде (Помоздинской, Усть-Куломской и Усть-Немской) (Итоги экономического исследования, 1903. Т. 1). В 1903 г. управляющим казенной палатой Архангельской губернии А.П. Ушаковым была организована экспедиция в Печорский уезд, где также были проведены комплексные исследования: рассматривались Пустозерская, Красноборская, Усть-Кожвинская и Усть-Цилемская волости Печорского края (Печорский край, 1904. Ч. 1; 1905. Ч. 2; Описание волостей, [Рукопись]). Подворные обследования осуществлялись и в последующие годы, так в исследовании нами были использованы данные подворного обследования Деревянской волости за 1905 г., проведенного В.Ф. Поповым (Попов, 1906. Т. 1). В имеющихся материалах содержатся сведения о численности населения, количественном составе семей, распределении населения по различным группам трудоспособных и нетрудоспособных возрастов, о количестве нетрудоспособных, населенности дворов, обеспеченности рабочей силой домохозяйств.

Еще одним источником при проведении данного исследования послужили посемейные списки волостных правлений. Списки были введены в официальный документооборот в 1858 г., представляли они из себя документы, фиксирующие состав семьи, велись в рамках административного учёта населения дореволюционной России казенными палатами и волостными правлениями. Посемейные списки располагают информацией о составе и структуре семьи, половозрастной структуре населения той или иной волости, обеспеченности дворов работоспособными членами хозяйства.

При рассмотрении вопросов воспроизводства населения и трудовых ресурсов были привлечены материалы Центрального Статистического комитета Российской империи (далее – ЦСК), содержащие различные статистические сведения, в том числе и данные о естественном движении населения. Используемый комплекс источников обладает достаточной степенью информативности и объективности, что позволяет проанализировать

влияние демографических факторов на формирование трудовых ресурсов на территории Европейского Северо-Востока России в изучаемый период.

Показатели общей динамики численности сельского населения в рассматриваемый период по отдельным уездам представлены в табл. 1. За изучаемое время наблюдался положительный прирост численности жителей края. Исходя из приведенных данных в табл. 1, количество сельских жителей Усть-Сысольского уезда с 1890 по 1913 г. увеличилось на 55,3 %, Яренского уезда – на 52,4 %. Численность Печорского уезда выросла в 1914 г. по отношению к 1893 г. на 64,2 %. По Вологодской губернии прирост жителей с 1885 по 1913 г. выглядел следующим образом: население увеличилось с 1885 по 1897 г. на 11,9 %, с 1897 по 1914 г. – на 30,5 %. В Архангельской губернии прирост жителей равнялся с 1885 по 1897 г. 9,7 %, с 1897 по 1914 г. – 39,6 %. Что же касается общероссийских масштабов, то в среднем население по Европейской России выросло с 1885 по 1897 г. на 14,3 %, с 1897 по 1914 г. – на 36,7 %, с 1863 по 1914 г. – на 108,8 % (Рашин, 1956. С. 45).

Таблица 1

*Динамика численности сельского населения Коми
края в конце XIX – начале XX в., чел.*

Уезды Годы	Усть-Сысольский			Яренский			Печорский		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1890/1893 ¹	36514	39298	75812	19624	20865	40489	13774	15181	28955
1905/1906	50377	53109	103486	25385	26527	51912	20985	21552	40237
1913/1914	58190	59545	117735	30294	31405	61699	23183	24373	47556

Таблица составлена по: Статистика Российской империи. Т. 15. Вып. 7: Волости и гмины 1890 г. Вологодская губерния. СПб., 1890. С. 8–11; ГААО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 159. Л. 18; Д. 198. Л. 5; Оп. 2. Д. 332. Л. 27 об.–28; ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 414. Л. 37 об., 41 об.; Памятная книжка Вологодской губернии на 1914 г. Вологда, 1914. С. 146–147.

Темпы прироста различных уездов и губерний довольно широко варьировались и были неравномерными. Д.И. Пинаевский отнес Печорский уезд Архангельской губернии к району с высоким уровнем прироста населения. Высокий уровень динамики населения в этих районах обеспечивался за счет значительного притока пришлого населения, осваивавшего новые территории по рекам Уса, Колва, Ижма, средняя Печора. Усть-Сысольский и Яренский уезды были отнесены им к району со средним уровнем прироста населения на Европейском Севере России, где уве-

¹ Через косую черту поставлен год, за который приводятся данные по Печорскому уезду.

личение населения происходило главным образом за счет естественного прироста (Пинаевский, 2002. С. 13). Основное место в хозяйстве населения Печорского уезда занимало оленеводство и промыслы (охота, рыболовство). Данные занятия обеспечивали высокий уровень жизни местного населения, переселенческое движение из южных районов Коми края способствовало более быстрому росту численности жителей Печорского уезда. Темпы прироста населения по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам в сравнении с Печорским были несколько меньшими, что было связано с миграционным оттоком некоторой части жителей этих уездов в другие районы.

В табл. 2 приведены данные динамики численности городского населения Коми края в изучаемый период. Степень прироста городского населения была сопоставима с интенсивностью прироста сельского населения региона. С 1897 по 1913 г. количество жителей г. Усть-Сысольска увеличилось на 40,4 %, г. Яренска – на 43,7 %. Удельный вес городского населения в составе населения Усть-Сысольского уезда в 1905 г. равнялся 4,5 %, в 1910 и 1913 гг. – 5,1 %. Доля городского населения в Яренском уезде была еще более низкой: в 1905 г. – 2,1 %, в 1910 г. и 1913 г. – 2,3 %. В Печорском уезде горожан не было вообще. В целом общая численность городского населения, безусловно, росла, как за счет естественного прироста, так и за счет механического, миграций сельских жителей в уездные города. Одновременно с этим наблюдался и небольшой рост удельного веса горожан в составе всего населения. В целом на динамику населения значительное влияние оказывало развитие социально-экономических условий, складывающихся в пореформенный период. В научной литературе

Таблица 2

***Динамика численности городского населения
Коми края в конце XIX – начале XX в., чел.***

Города Годы	Усть-сысольск			Яренск		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1897	2103	2361	4464	487	506	993
1905	2268	2595	4863	593	535	1128
1910	3091	3043	6134	722	718	1440
1913	3145	3123	6268	674	753	1427

Таблица составлена по: ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 414. Л. 37 об., 41 об.; Ежегодник (календарь-справочник) Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1911. С. 25; Памятная книжка Вологодской губернии на 1914 г. Вологда, 1914. С. 146–147.

неоднократно отмечалось, что воспроизводство населения имеет не только демографический, но также экономический и социальный аспекты. Оно определяет формирование трудовых ресурсов, освоение территорий, состояние производительных сил. Процессы воспроизводства ресурсов для

труда подразделяются на фазы или стадии. Среди них фаза формирования ресурсов для труда, фаза их распределения и фаза использования. Фаза производства представляет появление новых ресурсов для труда на основе воспроизводства населения, рождения людей, достижения ими трудоспособного возраста. Фаза распределения и перераспределения состоит в первичном распределении ресурсов для труда по видам работ, роду деятельности, предприятиям, районам. Фаза использования экономически активного населения состоит в его функционировании в экономике в целом (Рофе, 2010. С. 135–136).

Соотношение уровней рождаемости, смертности и продолжительности жизни влияет также и на состав населения – преобладание молодых, зрелых или старших возрастов. Основным источником пополнения экономически активного населения является молодежь, вступающая в трудоспособный возраст. Численность этой категории населения зависит от режима его воспроизводства, уровня брачности и рождаемости, а также от величины детской смертности.

Таблица 3

*Динамика общих коэффициентов рождаемости
по Коми краю в конце XIX – начале XX в., ‰*

Годы \ Уезды	Усть-Сысольский	Яренский	Печорский
1890/1891 ¹	46,1	45,1	45,1
1897	54,3	50,5	45,8
1905	42,5	40,7	37,6
1910	47,2	44,9	41,3
1914	— ²	—	41,2

Таблица составлена и подсчитана по: Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 г. Архангельск, 1912; Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 г. Архангельск, 1915; Статистика Российской империи. Т. 15. Вып. 7: Волости и гмины 1890 г. Вологодская губерния. СПб., 1890; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1897, 1905, 1910 г. Т. 50, 84, 93. СПб., Петроград, 1900, 1914, 1916.

Данные табл. 3 свидетельствуют, что уровень рождаемости на протяжении исследуемого периода, несмотря на некоторые колебания, в пределах от 37,6 до 54,3 ‰, оставался достаточно высоким. Коэффициент смертности (табл. 4) также был подвержен колебаниям, от 23 до 35,5 ‰. В целом же в трех обозначенных уездах уровень смертности имел высокие показатели, демонстрируя лишь некоторую тенденцию к снижению в Печорском уезде.

¹ Через косую черту дан год, за который приводятся сведения по Печорскому уезду.

² Нет сведений.

По нашим подсчетам коэффициент естественного прироста населения на Европейском Северо-Востоке России в изучаемый период колебался от 9 до 18 ‰. По Вологодской губернии уровень естественного прироста составлял от 12 до 18, по Архангельской – от 15 до 16,2 ‰ (Пинаевский, 2002. С. 8). Высокие показатели естественного прироста обеспечивали довольно быстрый темп роста численности населения.

Таблица 4

**Динамика общих коэффициентов смертности по Коми краю
в конце XIX – начале XX в., ‰**

Годы \ Уезды	Усть-Сысольский	Яренский	Печорский
1890/1891	30,4	31,6	26,3
1897	27,0	25,7	27,0
1905	33,5	27,9	26,4
1910	31,0	30,8	23,0
1914	—*	—	23,0

Таблица составлена и подсчитана по тем же источникам, что и табл. 3.

Таблица 5

**Состав умерших по возрасту на территории
Коми края в конце XIX – начале XX в., ‰**

Возраст умерших	1897 г.	1905 г.	1910 г.
15–19	1,9	1,5	1,4
20–24	2,6	2,2	1,5
25–29	2,4	1,7	1,5
30–34	1,9	1,5	1,6
35–39	2,2	1,5	1,4
40–44	1,8	1,4	1,5
45–49	2,4	1,8	1,7
50–54	2,1	2,2	1,8
55–59	3,0	2,1	1,9
60–64	4,1	2,6	2,2
65–69	4,2	2,7	2,4
70–74	4,8	3,1	2,5
75 и старше	5,8	5,2	4,4
Итого	100,0	100,0	100,0

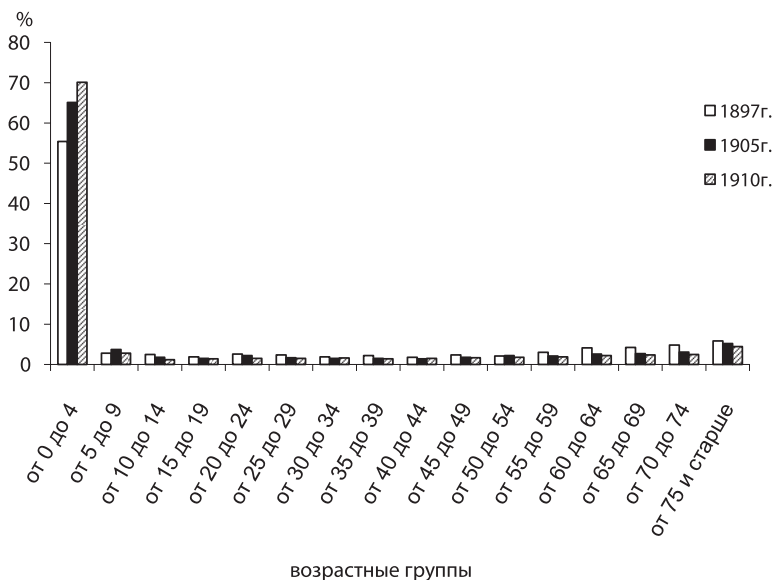
Таблица составлена и подсчитана по: Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1897, 1905, 1910 г. Т. 50, 84, 93. СПб., Петроград, 1900, 1914, 1916.

Огромное влияние на уровень общей смертности оказывала детская и младенческая смертность. Высокая детская смертность была характерна

* Через косую черту дан год, за который приводятся сведения по Печорскому уезду.

для многих народов Российской империи и была обусловлена бытовыми и социально-экономическими факторами. Показатели возрастной дифференциации смертности в процентном соотношении представлены в табл. 5 и на рисунке. В целом доля детских смертей была значительно больше, чем в старших возрастных группах, т.е. наибольший процент смертей приходился на нетрудоспособный возраст.

Подавляющее число умерших по всем трем уездам приходилось на возрастные группы 0–4 лет. За изучаемый период произошел ряд перемен в распределении долей умерших по возрастам. Обратившись к графику, представленному на рисунке, мы можем проследить изменения в возрастных показателях смертности в конце XIX – начале XX в. С 1897 по 1910 г. концентрация смертности в детском возрасте еще более усилилась, причем основную долю среди умерших составляли дети в возрасте до года. Доля умерших в возрасте до пяти лет возросла с 55,4 до 70,1 %.

*Возрастной состав умерших в конце XIX – начале XX в.
на территории Коми края.*

Данное изменение было связано с перераспределением удельного веса умерших в других возрастных группах. Процент умерших в возрасте 5–9 лет несколько увеличился в 1905 г. и в 1910 г. вновь снизился до уровня 1897 г. Во всех других, более старших возрастных группах, произош-

ло плавное уменьшение показателей смертности. Приведенные данные демонстрируют происходившее в изучаемый период перераспределение удельного веса умерших из старших возрастных групп в младшие, что вело к увеличению доли младенческих и детских смертей в возрасте до пяти лет в общем числе смертей. Таким образом, смертность взрослого населения, несмотря на отдельные колебания, постепенно снижалась, в то время как детская смертность оставалась стабильно высокой.

В целом следует отметить, что в изучаемый период на Европейском Северо-Востоке России господствовал традиционный тип воспроизводства населения, для которого была характерна высокая смертность и высокая рождаемость. Режим расширенного воспроизводства обеспечивал высокий уровень естественного прироста, что в свою очередь обеспечивало, несмотря на высокий процент смертности в нетрудоспособных возрастах, непрерывное возобновление трудовых ресурсов.

Устойчивость крестьянских домохозяйств и их трудовой потенциал формировались в значительной степени за счет обеспеченности рабочей силой и находились в тесной зависимости от состава и размеров семьи. Как отмечает С.В. Голикова, производственная функция крестьянского хозяйства и воспроизводственная функция крестьянской семьи выступали продолжением одна другой (Голикова, 2005. С. 188). Таким образом, демографическое развитие выступало важным фактором деятельности домохозяйств, определяло многие хозяйственные параметры. Так принципы общинного землепользования обуславливали зависимость размеров обрабатываемой земли от состава и структуры семей, т.е. постоянные переделы земельных фондов общин по количеству «едоков» или количеству лиц мужского пола в семье.

Каждое крестьянское хозяйство имело свой количественный состав и структуру. В табл. 6 представлены показатели населенности крестьянского двора в целом по уездам Коми края. Как свидетельствуют материалы табл. 6, наблюдалась тенденция уменьшения численного состава двора, что было связано с усилением процесса семейных разделов и выделением из больших патриархальных семей малых, нуклеарных (родители и дети). В крестьянском хозяйстве в производстве участвовали не только основные работники трудоспособного возраста, но и малолетние и пожилые лица. Включенность, занятость всех членов семьи являлись основной стратегией функционирования двора. Труд женщин, детей, подростков и пожилых играл важную роль в крестьянском хозяйстве, основывающимся на половозрастном разделении труда, однако основная хозяйственная нагрузка лежала на работнике-мужчине трудоспособного возраста. Глава хозяйства выполнял функции организатора хозяйства, потеря работника мужчины подрывала основы экономического благополучия крестьянского двора.

В связи с этим важное значение в хозяйственном положении семьи имело наличие в ее составе работников-мужчин.

Таблица 6

**Средняя численность двора по Коми краю в начале XX в.
(среднестатистическое количество чел. на двор)**

Уезд	Усть-Сысольский				Яренский			
	1890 г.	1900 г.	1905 г.	1914 г.	1884 г.	1900 г.	1906 г.	1913 г.
Кол-во чел. на 1 двор	6,9	6,8	6,5	6,0	8,2	7,9	5,9	5,7

Таблица составлена и подсчитана по: НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–616; Д. 335. Л. 1–717; Д. 336. Л. 1–698; Д. 343. Л. 1–757; Д. 353. Л. 1–862; Ф. 231. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–347; Д. 76. Л. 1–509; Д. 79. Л. 1–494; Д. 83. Л. 1–315.

Таблица 7

Распределение рабочих сил по домохозяйствам Коми края в начале XX в., %

Волости	Год обследования	Домохозяйства			
		Без работника-мужчины	С одним работником-муж.	С двумя работниками-муж.	С тремя и более работниками-муж.
Печорская	1903	13,2	62,1	18,5	6,2
Деревянская	1905	9,0	64,3	19,5	6,9
Вильгортская	1904	10,5	50,8	25,7	13,0
Кажимская	1914	9,8	62,7	19,6	7,8
Княжпогостская	1912, 1913	4,2	61,7	23,4	10,7

Таблица составлена и подсчитана по: НАРК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 103. Л. 187; Ф. 230. Оп. 1. Д. 461. Л. 56; Д. 462. Л. 17; Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда. Пермь, 1903. Т. 1; Описание волостей Печорского уезда с приложением статистических таблиц (исследование 1903 г.) Б.М., Б.Г. [Рукопись] / Библиотека Коми НЦ УрО РАН; Попов В.Ф. Материалы по статистике Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Земельно-хозяйственное описание Деревянской волости (результаты произведенного летом 1905 г. подворно-поселенного обследования волости). Вологда, 1906. Т. 1.

Как показывают данные табл. 7, наибольшую долю (50–60 %) составляли дворы, располагающие одним работником-мужчиной, в 20–25 % хозяйств насчитывалось двое работников-мужчин, на дворы с тремя и более работниками мужчинами приходилось 6–13 %, и 4–13 % – на те хозяйства, в которых вообще отсутствовали работники-мужчины, т.е. мужчины трудоспособного возраста (18–59 лет). Для сравнения можно привести данные исследователей по некоторым губерниям Российской империи: в начале XX в. по Вологодской губернии из 20 тыс. крестьянских хозяйств, обследо-

ванных земствами, 56 % имели одного работника, 7 % – более трех работников, 10 % – ни одного (Просвирина, 1986. С. 121). В Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. домохозяйства с одним работником-мужчиной составляли 59–66 %, с двумя – 18–24 %, с тремя и более – 5–9 %, без работника-мужчины – 8–11 % (Пьянков, 2009. С. 33).

Одной из характеристик состава населения также являются показатели демографической нагрузки. Для их подсчета в демографической науке принято применять коэффициенты общей нагрузки, нагрузки детьми и нагрузки пожилыми. Данный показатель выводится путем соотношения числа лиц нетрудоспособного возраста на 1000 (или 100) человек трудоспособного. На основании материалов Переписи 1897 г., на 100 человек трудоспособного возраста приходилось нетрудоспособного населения по Усть-Сысольскому уезду 124 чел., из которых 106 чел. были лица моложе рабочего возраста и 18 – пожилых, по Яренскому уезду – 113 чел. (96 детей и 17 пожилых), по Печорскому уезду – 110 чел. (90 детей и 20 пожилых). По г. Усть-Сысольску на 100 лиц в рабочем возрасте доводилось 120 в нерабочих возрастах (96 детей и 24 пожилых), по г. Яренску – 89 чел. (68 детей и 21 пожилой). По данным начала XX в., коэффициент демографической нагрузки по Верхневыхгодским волостям составил 109 чел. на 100 лиц трудоспособного возраста, по Деревянской волости – 118, по Кажимской – 111 (94 ребенка и 17 пожилых), Княжпогостской – 95 (80 детей и 15 пожилых), по Печорским волостям – 101 (83 ребенка и 18 пожилых) (Вишнякова, 2013. С. 45).

В среднем по Российской империи в 1897 г. на 100 человек трудоспособного возраста приходилось 95 нетрудоспособного, нагрузка детьми составляла 77 чел., пожилыми – 18 (Первая Всеобщая перепись, 1905). Как следует из приведенных данных, в Коми крае во всех его уездах демографическая нагрузка превышала общероссийские показатели. В изучаемый период население характеризовалось традиционным (аграрным) типом воспроизводства, для которого была свойственна высокая рождаемость. Общая демографическая нагрузка на этой стадии находилась на очень высоком уровне и почти полностью определялась нагрузкой детьми. С одной стороны, наличие значительного удельного веса детского и молодого населения обеспечивало поддержание и воспроизводство численности трудоспособных возрастов, а с другой – большое количество иждивенцев, при достаточно низкой производительности труда, являлось одной из основных причин бедности населения.

Основную часть трудовых ресурсов составляло население трудоспособных возрастов. Сложившаяся возрастная структура населения, с одной стороны, имела положительные тенденции. Показатель прогрессивности

возрастной структуры (отношение численности населения моложе трудоспособного возраста к численности населения старше трудоспособного возраста) свидетельствовал о «растущем населении» и благоприятных условиях для замещения лиц трудоспособных возрастов, переходящих в следующую категорию. Однако высокая демографическая нагрузка имела отрицательные последствия для социально-экономического положения населения Коми края в исследуемый период.

Численность трудовых ресурсов увеличивалась примерно пропорционально увеличению общей численности населения, однако эффективность трудовых ресурсов находилась на низком уровне. Большая часть трудовых ресурсов была занята в личном хозяйстве. Недостаток собственных хлебов, нарастающее малоземелье, аграрное и промышленное перенаселение приводили к некоторому оттоку рабочей силы, участию в отхожих промыслах. Однако, как отмечают исследователи, развитие заводских поселков и лесозаготовительных промыслов в XIX – первой четверти XX в. привели к формированию рынка рабочей силы, что содействовало уменьшению оттока незанятого трудоспособного населения за пределы края (Жеребцов, Рожкин, 2005. С. 61–62). Высокий уровень естественного прироста обеспечивал довольно быстрый количественный рост населения в целом, а также возобновление трудовых ресурсов. Основная часть трудоспособного населения относилась к группе молодых трудоспособных возрастов до 40 лет, что также являлось благоприятным фактором трудовой структуры населения. Все население трудоспособного возраста на территории Коми края в конце XIX в. насчитывало 45,7 % от общей численности жителей, лица моложе рабочего возраста составляли 45,8 %, а старше него – 8,5 % (Вишнякова, 2013. С. 44).

Тем не менее высокий прирост населения в сочетании с низкими темпами модернизации приводил к росту избытка рабочих рук. Решение проблемы занятости трудоспособного населения, роста производительности труда, материального благополучия населения были связаны с дальнейшими экономическими и культурными преобразованиями: развитием грамотности среди населения, внедрением прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсификацией хозяйства, расширением производства.

Литература

1. Антонов А.И. Социология рождаемости: теоретические и методологические проблемы. М., 1980.
2. Боярский А.Я., Кваша А.Я., Валентей Д.И. Основы демографии. М., 1980.
3. Валентей Д.И. О системе демографических наук // Экономика. Демография. Статистика. М., 1990. С. 138–148.
4. Вахромеева О.Б. Женщины в системе трудовых ресурсов России на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2009.

5. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982.
6. Вишнякова Д.В. Трудовая структура населения коми края в конце XIX – начале XX века // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления, влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона». Сыктывкар, 2013. С. 40–49. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72).
7. Голикова С.В. Демографический потенциал крестьянского хозяйства Зауралья (на примере Баклановской волости Шадринского уезда конца XVIII века) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2005. № 6. С. 188–193.
8. Дарский Р.Е. Естественное движение населения. М., 1977.
9. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М., 1985.
10. Ежегодник (календарь-справочник) Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1911.
11. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005.
12. Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда. Пермь, 1903. Т. 1.
13. Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.
14. Колобова А.И., Ларионцева А.М. Некоторые теоретические положения трудовых ресурсов и трудового потенциала // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2006. № 5 (25). С. 53–59.
15. Описание волостей Печорского уезда с приложением статистических таблиц (исследование 1903 г.) Б.М., Б.Г. [Рукопись] / Библиотека Коми НЦ УрО РАН.
16. Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 г. Архангельск, 1912.
17. Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 г. Архангельск, 1915.
18. Памятная книжка Вологодской губернии на 1914 г. Вологда, 1914.
19. Пашин В.П., Богданов С.В. От «коммунарий» к безработице: государство и трудовые ресурсы в России (конец XIX –конец XX вв.): в 2 т. Курск, 2003.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. I: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, СПб., 1905.
21. Перепелицын А.В. Обеспеченность трудовыми ресурсами крестьянских хозяйств центрального Черноземья в пореформенный период // Научные ведомости. 2007. № 1 (32). С. 59–62.
22. Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. СПб., 1904. Ч. 1.
23. Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, произведенное С.В. Мартыновым. Ч. 2. СПб., 1905.
24. Пинаевский Д.И. Трудоспособное население Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. Сыктывкар, 1997. С. 94–96.

25. Пинаевский Д.И. Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... к. и. н.: 07.00.02. Сыктывкар, 1999.
26. Пинаевский Д.И. Демографические процессы на Европейском Севере России в XVIII в. – начале XX в. Сыктывкар, 2002.
27. Погребинская В.А. Демография и индустриализация на рубеже XIX и XX вв. Динамика и демографическая структура населения как фактор начала индустриализации России (последняя треть XIX – начало XX века) // Российское предпринимательство. 2008. № 10 (1). С. 52–56.
28. Погребинская В.А. Институциональные особенности начала индустриализации России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.): Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01. М., 2009.
29. Попов В.Ф. Материалы по статистике Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Земельно-хозяйственное описание Деревянской волости (результаты произведенного летом 1905 г. подворно-поселенного обследования волости). Т. 1. Вологда, 1906.
30. Посвирина Г.И. Сельское народонаселение и крестьянская семья на Севере в начале XX века // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период): Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1986. С. 115–121.
31. Пьянков С.А. Структур населения крестьянского двора Пермской губернии по данным земских переписей конца XIX – начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 30–35.
32. Рашин А.Г. Население России за сто лет (1811–1913 гг.). М., 1956.
33. Рофе А.И. Экономика труда. М., 2010.
34. Руденко Г.Г., Муртозаев Б.Ч. Формирование рынков труда: Учебное пособие. М., 2004.
35. Соскиев А.Б. Воспроизводство и использование трудовых ресурсов сельского хозяйства. М., 1978.
36. Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1897 г. Т. 50. СПб., 1900.
37. Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1905 г. Т. 84. Петроград, 1914.
38. Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1910 г. Т. 93. Петроград, 1916.
39. Статистика Российской империи. Т. 15. Вып. 7: Волости и гмины 1890 г. Вологодская губерния. СПб., 1890.
40. Струмилин С.Г. Бюджет времени рабочих в 1923–1924 гг.// Струмилин С.Г. Избранные произведения: в 5 т. М., 1964. Т. 3: Проблемы экономики труда.

Сокращения

ГААО – Государственный архив Архангельской области
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
НАРК – Национальный архив Республики Коми

**Взаимоотношения органов крестьянского самоуправления
с представителями уездной власти Вологодской губернии
во второй половине XIX – начале XX века**

С.А. Попов²

Представлены результаты исследования принципов взаимодействия старшин и старост с уездной властью, сложившихся в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрены формы их контактирования, раскрыты положительные и отрицательные стороны данного сотрудничества. Сделан вывод о том, что должностные лица волостного правления находились под контролем со стороны уездных начальников, который развивался в направлении ужесточения.

Ключевые слова: Вологодская губерния, крестьянское самоуправление, волостное правление, уездная власть.

**The relationship of the peasant self-government
and district administration in Vologda province
in the second half of XIX – the beginning of XX century**

S.A. Popov

The results of research of the interaction's principles between the officer and village headmen to district authorities, developed in the Vologda province in the second half of the XIX – the beginning of XX centuries. It considered forms of contact and disclosed positive and negative aspects of this cooperation. It also concluded that the township board officials were under the control of the district chiefs, which developed in the direction of tightening.

Key words: Vologda province, peasant self-government, township Board, County government.

Деятельность любой управленческой и общественной системы базируется на четком выстраивании определенных взаимоотношений между ее

¹ Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

² **Попов Сергей Александрович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора отечественной истории. Тематика научных исследований – крестьянская община на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX в.; развитие крестьянского самоуправления и правовой культуры сельского населения (hiys84@rambler.ru).

структурными подразделениями, не являлась исключением и преобразованная в результате реформ 1860-х гг. система крестьянского самоуправления в Вологодской губернии. Организация в северной деревне вертикали власти (село – волость) включала в себя как сотрудничество внутри каждого уровня и нижестоящей инстанции с вышестоящей, так и определенный уровень подчиненности. Старшина, возглавлявший крестьянский аппарат самоуправления, регулировал деятельность сельских обществ в административной, хозяйственной и полицейской части. Осуществлялось это посредством направления старосте поручений и предписаний, которые поступали от представителей уездной администрации: мировых посредников, земских начальников, станowych приставов, уездных лесничих и т.д. (НАРК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 15. Л. 111; Д. 20. Л. 2; Д. 25. Л. 5; ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 21). В конце 1906 г. старшина Богоявленской волости Усть-Сысольского уезда выслал старосте Слободского сельского общества документ. В нем он напоминал о необходимости проведения выборов на будущее трехлетие 1907–1910 гг. «для охранения крестьянских дач полесовщика, пожарного старосты и кандидатов к ним по 2 человека каждому» (НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 517. Л. 4). Подобное сотрудничество представителей волостной и сельской власти являлось общероссийской практикой (Бирюков, 1999. С. 45).

Подчеркнем, что организованная в пореформенной деревне двухуровневая система самоуправления строилась на координации деятельности сельских должностных лиц со стороны волостной администрации. «Староста в своем обществе – власть, собственно, вполне самостоятельная и от волостного правления его зависимость должна выражаться только своевременным представлением разных сведений и донесений об исполнении приговоров сельских и селенных сходов, – отмечали крестьяне Спасской и Шевденицкой волостей Тотемского уезда. – Но так как в старосты выбираются часто люди малограмотные, а иногда совсем безграмотные, то этим самым они становятся в необходимость обо всем справляться в правлении и только точно исполнять его приказания, чтобы дело не стояло...» (Русские крестьяне, 2008. Ч. 4. С. 84). Подобную картину взаимоотношений представителей общественного самоуправления рисовали жители целого ряда волостей Грязовецкого и Кадниковского уездов. Они указывали, что зачастую староста во всем подчинялся земскому начальнику, волостному правлению и старшине и исполнял без уклонения все их распоряжения (Русские крестьяне, 2007. Ч. 2. С. 60, 173, 397, 677).

Данная практика контактирования двух инстанций общественной власти существовала и до отмены крепостного права, являясь естественным явлением в государственной концепции построения системы управления земледельцами. Так, 4 февраля 1852 г. волостной голова Вильгортской

волости Усть-Сысольского уезда Лазарь Юшков направил Богоявленскому сельскому старшине предписание с просьбой объявить крестьянам о начавшемся наборе в постоянную лесную стражу в Сольвычегодское лесничество (НАРК. Ф. 89. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–3 об.).

Воспринимаясь в качестве низшей ступени государственного управления на местах, общественные органы рассматривались бюрократическим аппаратом власти в качестве связующего звена между крестьянством и административными учреждениями. Поэтому вполне очевидно, что эффективность деятельности государственного управления в деревне во многом зависела от уровня организации системы крестьянского самоуправления и непосредственного функционирования ее органов. Для этого уездной администрации необходимо было осуществлять постоянный контроль над их работой, который реализовывался в процессе двухстороннего контакта волостных и сельских должностных лиц, главным образом, с мировыми посредниками (с 1889 г. – земскими начальниками). С.А. Трушков справедливо считает, что установление жёсткого надзора за деятельностью органов крестьянского самоуправления являлось важнейшей государственной задачей (Трушков, 2011, С. 70). Согласно ст. 63 и 85 Общего Положения представители сельской власти должны были беспрекословно исполнять все правомочные требования мирового посредника и всех установленных законом властей по предметам их ведомства (ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 63, 85).

Обладая правом самостоятельного устройства системы управления своим обществом путем выбора должностных лиц и посещения общих собраний, на практике крестьяне реализовывали его под непосредственным руководством региональных представителей государственной власти, что выражалось в следующих основных формах: 1) разрешение созывать общие собрания домохозяев, в частности волости; 2) проверка и утверждение приговоров крестьянских сходов; 3) одобрение кандидатов, избранных сельским населением на службу. Остановимся более подробно на каждом из выделенных направлений.

Оповещение крестьян о предстоящем сходе находилось в компетенции старшин и старост. Но если последние распоряжались этим правом свободно, то первые не обладали самостоятельностью в вопросе определения времени сбора волостного схода. Одним из ярких тому подтверждений является предписание мирового посредника второго участка Тотемского уезда от 7 августа 1866 г. В нем старшине Пятовской волости была указана дата созыва – 9 августа и время – в 7 часов утра (ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 57).

На практике старшина обязан был не только получать у вышестоящего начальника разрешение на созыв выборных десятидворных в правлении,

но и согласовывать с ним тематику выносившихся на обсуждение вопросов. В феврале 1867 г. мировой посредник первого участка Усть-Сысольского уезда Товиев потребовал от старшины Богоявленской волости немедленно выслать ему сведения о времени общего сбора участников и перечень планирующихся к обсуждению тем (НАРК. Ф. 279. Оп. 1. Д. 11. Л. 12).

Волостной сход собирался только с разрешения уездного начальства, а также в случае поступивших от него предписаний. Об этом указывалось в значительном количестве постановлений общих собраний домохозяев. Среди них приговор от 20 сентября 1888 г. Пятовской волости Тотемского уезда. В преамбуле документа писарь отметил: «...сход, собранный с разрешения Тотемского уездного по крестьянским делам присутствия...» (ГАВО. Ф. 750. Оп. 2. Д. 5. Л. 21).

Одной из целей введения обязательного требования оповещения уездных должностных лиц о запланированном волостном собрании являлась возможность его посещения ими. Необходимо отметить, что как мировые посредники, так и земские начальники нередко присутствовали на подобных мероприятиях. Их приезд, во-первых, дисциплинировал крестьян, которые в подобные дни всегда появлялись в правлении трезвыми и в чистой одежде, а во-вторых – положительно сказывался на ходе заседания: оно проходило спокойно, без ругани и выпивки.

Необходимое требование признания решения крестьянского схода законным – его одобрение уездным чиновником – было направлено на предотвращение неправомочной деятельности сходов, которыми принимались заключения, не подлежащие их ведению. Данная практика контроля существовала на протяжении всего исследованного исторического периода. Выражалась она в проверке каждого приговора мировыми посредниками (с 1889 г. – земскими начальниками) и чиновниками по крестьянским делам, которая завершалась либо их утверждением, либо отменой. Как правило, внимание уделялось анализу формальной стороны составления решения общего собрания и его соответствия нормам Общего Положения. Однако это значительно ограничивало самостоятельность земледельцев, так как теперь они должны были больше внимания обращать на соответствие принятого положения законодательным нормам, а уж потом на собственные желания и интересы.

В 1887 г. чиновник по крестьянским делам А.Ф. Арсеньев после ознакомления с приговором крестьян Богоявленского сельского общества от 10 декабря признал его недействительным, сославшись на примечание три ст. 51 Общего Положения. В частности, на сходе было принято решение о найме на 1888 г. на должность волостного писаря крестьянина А.Ф. Ожегова и о переводе волостного правления в другое помещение. Однако эти

вопросы входили в компетенцию волостного схода, так как Богоявленская волость состояла из двух сельских обществ (Волости и важнейшие селения, 1885. С. 230), и они не были первоначально включены в перечень проблем, вынесенных на рассмотрение (НАРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 309. Л. 43).

Признание приговора незаконным не было личной прерогативой представителя уездной администрации. После вынесения отрицательного «вердикта», он направлял его вместе с предписанием в уездный съезд, который на административном заседании выносил окончательное решение. В этом видится стремление государства, с одной стороны, оградить крестьян от злоупотреблений со стороны уездных должностных лиц, а с другой – минимизировать ошибки в деятельности самих чиновников. В мае 1895 г. земский начальник шестого участка Вологодского уезда отменил приговор сельского схода Чернятинского общества Богородской волости от 28 января, где был избран на должность старосты крестьянин Колегов. Свое решение он обосновал преждевременностью новых выборов, так как срок службы действующего старосты Молодцова ещё не истек. Данное решение было пересмотрено Вологодским уездным съездом 22 апреля, который постановил: «Преждевременный выбор крестьянина Колегова в сельские старосты Чернятинского общества признать не правильным и приговор от 28 января отменить» (ГАВО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 52. Л. 14 об.).

Деятельность уездной администрации не ограничивалась только аннулированием незаконных приговоров, она всё чаще начинала вклиниваться во внутренние дела общины, что выражалось в навязывании сходам своего мнения в решении внутриобщинных проблем. Нередко постановления принимались не в результате коллективного обсуждения, а по поручению уездного должностного лица. Данная тенденция особенно усилилась с введением института земских начальников. На это, в частности, указывали крестьяне Заднесельской волости Кадниковского уезда в конце 1890-х гг.: «С введением земских начальников стало обычным явлением, что сельские и волостные сходы своими приговорами только оформляют, так сказать, волю начальника» (Русские крестьяне, 2007. Ч. 2. С. 676). Именно поэтому Г.А. Евреинов, отметив существование коллегиального состава волостного схода лишь на бумаге, считал, что «крестьяне как сословие в этой второй инстанции своего сословного управления решительно не нуждаются» (Евреинов, 1904. С. 122).

Апогеем зависимости органов крестьянского самоуправления от представителей уездной администрации стало предоставленное последним право утверждения выбранных обществом в должности лиц, что также являлось ярким проявлением стремления правительственного аппарата включить общинную структуру самоуправления в иерархию го-

сударственной структуры управления. Обращает на себя внимание факт, что это положение касалось не только руководящих постов волости, а всех выборных должностей. Если административный состав сельской власти утверждался уездными начальниками, то остальные выборные (лесничие, сотские, десятские и т.д.) – представителями учреждений, к введению которых они относились. Приведем несколько примеров, подтверждающих высказанный тезис. В августе 1866 г. мировой посредник второго участка Тотемского уезда одобрил выбор сельских старост по обществам Пятовской волости (ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 68 об.). 10 мая 1874 г. лесничий Усть-Сысольского лесничества направил в Киберское волостное правление реестр лиц, утвержденных Управлением государственных имуществ в полесовщики и пожарные старосты, а также кандидатов к ним на трехлетие: 1874–1876 гг. (НАРК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 25. Л. 5–6 об.). 14 января 1883 г. пристав первого стана Усть-Сысольского уезда затребовал от старшины Киберско-Спасской волости, чтобы ему выслали список избранных обществом полицейских сотских и десятских с копией приговора для последующего утверждения их в должности (НАРК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 29. Л. 40 об.).

Подводя промежуточный вывод, отметим, что во второй половине XIX – начале XX в. крестьянские исполнительные органы находились под постоянным контролем представителей губернской власти. Н.М. Дружинин, исследовав взаимоотношения мировых посредников со старшинами и старостами в годы становления в сельской местности аппарата самоуправления, раскритиковал их поведение в отношении общественных должностных лиц. «По старой крепостной привычке, – пишет автор, – мировые посредники предпочитали отдавать беспрекословные приказы старостам и старшинам, которые по закону зависели от них и должны были подчиняться их распоряжениям» (Дружинин, 1978. С. 42). В свою очередь, А.А. Александров считает, что волостные и сельские общественные органы находились под надзором не мировых посредников, а помещиков, которые посредством первых руководили сельским обществом (Александров, 1996. С. 84).

В последующем наблюдалось ужесточение контроля над деятельностью сельских начальников со стороны представителей уездной администрации. Старшина нес ответственность не только перед обществом, но и земским начальником за всё, что происходило в деревне. За плохое (с официальной точки зрения) выполнение служебных обязанностей крестьянские должностные лица могли подвергаться штрафу до пяти руб., непродолжительному аресту до семи дней и суду (ПСЗРИ. Собр. 2. СПб., 1863. Т. 36. Отд.1. № 36657. Ст. 125). В 1911 г. волостной старшина Петряковского правления был дважды оштрафован земским начальником седьмого участка Кадниковского уезда на 9 руб. 50 коп. «за не наблюдение

по приведению в исправность пожарных машин», а старшина и писарь Сиземского общества Вологодского уезда были оштрафованы на два и один руб. соответственно за «медленное исполнение распоряжения» земского начальника (ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2787. Л. 1–2; Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 30).

Уездные начальники весьма активно пользовались правом наказания нерадивого «подчиненного». В 1866 г. мировой посредник второго участка Тотемского уезда, воспользовавшись нормой ст. 122 Общего Положения, отстранил от занимаемой должности старшину, мотивируя свое решение следующим образом: «как совершенно не исполняющий своей прямой обязанности». На его место он предложил «допустить» кандидата удаленного старшины – крестьянина Алексей Васильевича Юркина (ГАВО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 68). Увольнение с должности крестьян, не справлявшихся с обязанностями, являлось крайней мерой борьбы представителей уездной администрации с малой эффективностью функционирования органов местного самоуправления. Как правило, применялись такие методы воздействия, как приглашение в уездное правление для дачи объяснений, вынесение предупреждения, наложение штрафов, заключение под арест и т.д. В июне 1862 г. мировой посредник третьего участка Грязовецкого уезда приговорил старшину Ново-Никольской волости к аресту на пять суток. Причиной этому послужили неоднократно поступающие от крестьян волости жалобы на невыполнение им своих обязанностей и постоянное пьянство, а также безответственное отношение с его стороны к указаниям вышестоящего уездного начальника (ГАВО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–4 об.).

Это были не единичные случаи. В 1880 г. в Вологодской губернии было удалено от должности 18 волостных старшин, 36 сельских старост; подвергнуто выговорам, замечаниям и штрафам 167 старшин, 249 старост (Обзор Вологодской губернии за 1880 г., 1881. С. 39). В начале XX в. только по ст. 61 и 62 Положения «О земских участковых начальниках» (ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1891. Т. 9. № 6196) было вынесено несколько тысяч наказаний. Так, в 1900 г. по ст. 61 было зафиксировано 2815 случаев, а по ст. 62–1626; в 1901 г. – 1692 и 1699 фактов соответственно (Обзор Вологодской губернии за 1900 г., 1901. С. 56; Обзор Вологодской губернии за 1901 г., 1902. С. 94).

Итак, органы крестьянского самоуправления находились под постоянной «опекой» представителей уездной администрации и зависели от них. Проявлялось это не только в процессе избрания на службу, но и в повседневной деятельности. В 1898 г., обратившись к проблеме взаимоотношений земского начальника с руководителями Ново-Никольской волости Грязовецкого уезда, корреспондент «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева Ф.А. Гудков отметил, что вышестоящий чин «бдительно следит за надлежащим исполнением своих обязанностей должностными лицами

сельскообщественного и волостного управления», и навещает волостные правления по нескольку раз в месяц (Русские крестьяне, 2007. Ч. 2. С. 53).

Посещение уездными начальниками крестьянских правлений с целью проверки эффективности работы органов самоуправления и исполнения ими распоряжений вышестоящего начальства было обычным явлением. В начале XX в. Вологодское губернское присутствие «рекомендовало» земским начальникам «ревизии подведомственных им волостных правлений и волостных судов производить не менее двух раз, а ревизии сельских управлений не менее раза в год» (ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 80). Завершались они составлением акта, в который вносились сведения: 1) о должностном лице; 2) о текущем состоянии делопроизводства – ведении следующих книг: приговоров, учёта мирского запасного капитала и мирских сумм; 3) о ведении противопожарной, податной и продовольственной деятельности. В конце акта ревизии составлялось общее заключение инспектирующего, в котором излагались выявленные нарушения и давались рекомендации по их устранению (НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 121; Ф. 40. Оп. 1. Д. 598; ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49).

В частности, после осмотра 15 ноября 1911 г. Важкурского сельского управления Небдинской волости Усть-Сысольского уезда земский начальник первого участка В.Н. Городецкий постановил: «Вменить Важкурскому сельскому управлению в обязанность: а) составить расписание тех противопожарных снарядов, которые каждый домохозяин обязан иметь у себя и являться с ним на пожар, каковое расписание представить на рассмотрение и утверждение схода; б) подворную книгу за каждый текущий год заполнять статистическими сведениями на срок не позднее 1 декабря. Сельскому старосте вменить в обязанность: пересмотреть список домохозяев, имеющих право голоса на сходе и представить таковой на рассмотрение и утверждение схода. Сельскому писарю Артемьеву вменить в обязанность: более основательно ознакомиться с Общим Положением о крестьянах, с поstateйными к оному разъяснениями и действующими циркулярами, знакомя с тем же и сельского старосту» (НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 121. Л. 6). Копии подобных актов направлялись начальниками в губернское присутствие для утверждения и в сельское общество для принятия к действию и выполнения пожеланий начальства. Анализ комплекса данных материалов позволяет судить о серьезном отношении земских начальников к подобным мероприятиям. Как правило, их замечания являлись обоснованными и были направлены на повышение эффективности как организации, так и функционирования системы крестьянского самоуправления.

Нередко подобный визит представителей уездной администрации заканчивался перестановками в рядах сельской администрации, а так-

же увольнением служащего крестьянина. Столь кардинальные меры, как и в предыдущем случае, были направлены на установление порядка в управленческой структуре и стабильной деятельности института самоуправления. 15 мая 1883 г. чиновник по крестьянским делам Усть-Сысольского уезда уволил писаря Киберской волости Куликова ввиду того, что он допускал «неисправности» в делопроизводстве и являлся малограмотным. На его место он назначил писаря Богоявленской волости Михаила Никифорова (НАРК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 29. Л. 42). В марте 1908 г. земский начальник седьмого участка Кадниковского уезда после ревизии Шапшенского волостного правления выявил факт растраты мирских средств на сумму 398 руб. 98 коп. Так как старшина скрылся, не предоставив никаких объяснений, было принято решение об отстранении его от должности, которое 23 марта было одобрено административным присутствием уездного съезда (ГАВО. Ф. 82. Оп. 2. Д. 6. Л. 31–31 об.).

Общественные органы самоуправления в лице волостных старшин и сельских старост всё чаще становились исполнителями волеизъявления правительственного аппарата и губернской администрации. Впрочем, это было характерно для многих регионов страны (Вронский, 2001. С. 68; Территория и власть, 2012. С. 96). М.В. Нежина, изучив функционирование местной администрации в Приморском крае, к основной цели деятельности волостных и сельских учреждений относила не соблюдение интересов избравшего их общества, а исполнение приказаний начальства (Нежина, 2007. С. 43). Крестьянские начальники обязаны были докладывать о выполнении предписания вышестоящему должностному лицу, что, в свою очередь, усложняло процедуру делопроизводства. На каждый документ, поступивший в правление, старшина и староста должны были отвечать (НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 94. Л. 196–197; Ф. 54. Оп. 3. Д. 29. Л. 76–76 об.; Ф. 72. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–2 об.).

Органы крестьянского самоуправления находились под постоянным наблюдением представителей уездной администрации, которое зачастую сводилось к всестороннему контролю. В то же время уездные власти заботились о повышении работоспособности общественных должностных лиц и их благосостоянии. Они уделяли пристальное внимание повышению правовой грамотности сельского общества, направляя в правления различные сборники постановлений и законов. Земские начальники разъясняли сельским обывателям, находившимся на службе, непонятные для них нормы Общего Положения и постановлений правительства как при личной встрече, так и через представителей местного самоуправления.

Зная о тяжелом материальном положении крестьянских избранников, понимая, что нередко им приходится исполнять служебные обязанности

в ущерб собственному хозяйству, земские начальники противились желанию сельских обществ уменьшить тем размер жалованья. Существующая проблема была замечена губернской администрацией. 19 января 1916 г. руководитель Вологодской губернии в циркуляре за № 495 предложил «земским начальникам обратить самое серьезное внимание на необходимость всемерной заботы о материальном обеспечении волостных писарей тех волостей, в которых оклады содержания по местным условиям представляются явно недостаточными. При этом им поручалось на ближайших волостных сходах, посвященных составлению сметы мирских расходов, лично разъяснять домохозяевам о целесообразности повышения данных сумм» (ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3456. Л. 5). В итоге волостные должностные лица получали жалованье значительно выше, чем члены сельского правления.

Одним из аргументов в подтверждение того, что выстроенный в пореформенный период принцип взаимоотношений органов крестьянского самоуправления с уездной властью был, в том числе, направлен на повышение уровня организации системы самоуправления в северной деревне, является ответ губернского совещания Редакционной комиссии МВД по пересмотру законодательства о крестьянах, данный на предложение заменить выборность — назначением. «Отказаться от замещения должностных лиц по выбору и перейти к назначению их правительственною властью нежелательно и неудобно, — высказывались участники совещания, — т.к. лица, назначаемые Правительством, неизбежно будут стоять вне интересов общественной жизни, а служебные нарушения, причиняющие имущественный ущерб, не будут гарантированы и общество не будет являться ответственным за лицо, не им избранное» (Свод заключений, 1897. Т. 1. С. 710).

Итак, во второй половине XIX — начале XX в. взаимоотношения представителей крестьянского самоуправления с уездной администрацией строились на подчинении нижестоящей инстанции управления вышестоящей, что являлось естественным. Выступавшие связующим звеном в вертикали государственного управления крестьянством выборные должностные лица и сходы находились под контролем со стороны уездных начальников, который при этом развивался в направлении ужесточения. В результате волостные и сельские руководители, с одной стороны, становились исполнителями волеизъявления своего начальства, а с другой — они должны были представлять и реализовывать интересы сельского общества.

Литература

1. Александров А.А. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX в.: сборник статей / Отв. ред. Н.П. Лигенко. Ижевск, 1996. С. 82–140.

2. *Бирюков А.В.* Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861–1900 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 1999.
3. Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1885. Вып. 6: Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера.
4. *Вронский О.Г.* Государственная власть России и крестьянская община, рубеж XIX–XX вв. – 1917 г.: по материалам губерний земледельческого центра страны: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2001.
5. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978.
6. *Евреинов Г.А.* Крестьянский вопрос в его современной постановке. 2-е изд. СПб., 1904.
7. *Нежина М.В.* Система самоуправления в Приамурском крае: исторический опыт формирования: вторая половина 50-х XIX – начало XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2007.
8. Обзор Вологодской губернии за 1880 г. Вологда, 1881.
9. Обзор Вологодской губернии за 1900 г. Вологда, 1901.
10. Обзор Вологодской губернии за 1901 г. Вологда, 1902.
11. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5: Вологодская губерния: в 4 ч. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды.
12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2008. Т. 5: Вологодская губерния: в 4 ч. Ч. 4: Тотемский, Усть-Сысольский, Устюгский и Яренский уезды.
13. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1: Сельское и волостное управление (Вопросы 1–25).
14. Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства / Отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2012.
15. Трушков С.А. Специфика деятельности мировых посредников в Вятской губернии (1861–1874 гг.) // Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение (к 150-летию отмены крепостного права в России). Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Киров, 19–20 мая 2011 г.). Киров, 2011. С. 67–71.

Сокращения

ГАВО – Государственный архив Вологодской области
МВД – Министерство внутренних дел
НАРК – Национальный архив Республики Коми
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

**Школы и библиотеки Коми автономной области,
их влияние на уровень грамотности населения
по данным Всесоюзной переписи 1926 года¹**

А.М. Таскаев²

В 1926 г. была проведена Всесоюзная перепись населения. По данным переписи можно сравнить показатели образовательных учреждений по уездам Коми автономной области, рассчитать и сравнить показатели грамотности по уездам, рассчитать общий уровень грамотности населения. С помощью полученных сведений можно проследить динамику показателя грамотности населения в Коми автономной области в данный период.

Ключевые слова: Всесоюзная перепись 1926 г., уровень грамотности населения, образовательные учреждения, школы и библиотеки.

**Schools and libraries of Komi Autonomous region,
its influence on the population's literacy level
according to All-Union census 1926**

A.M. Taskaev

In 1926 All-Union census was conducted in USSR. According to the census data we can compare educational institutions' indexes in counties of Komi Autonomous region, calculate and compare literacy rates of counties, calculate the population's overall level of literacy. With this information we can trace the dynamics of the population's literacy rate in Komi Autonomous region in that period.

Key words: All-Union census 1926, the population's literacy level, educational institutions, schools and libraries.

Коми государственность ведет свою историю с момента принятия ВЦИКом декрета «Об автономной области Коми (Зырян)» 22 августа 1921 г. Автономная область Коми (Зырян) была образована как часть РСФСР с административным центром в г. Усть-Сысольске. Декретом ВЦИК «Об административном делении автономной области Коми» от 2 мая 1922 г.

¹ Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

² **Таскаев Александр Михайлович** – аспирант, младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Русского Севера. Тематика научных исследований – переписи населения, социально-экономические процессы в Коми (amtaskaev@mail.ru).

устанавливались границы Коми автономии с точным перечислением всех входивших в нее волостей. Коми Автономная область состояла из четырех уездов: Усть-Сысольский из 28 волостей с центром в г. Усть-Сысольске, Усть-Куломский из 16 волостей с центром в с. Усть-Кулом, Усть-Вымский из 21 волости с центром в с. Усть-Вымь, Печорский из 25 волостей с центром в с. Ижма. На момент проведения Всесоюзной переписи 1926 г. Коми автономная область состояла из четырех уездов: Сысольский (Усть-Сысольский уезд был переименован в 1926 г.) из 28 волостей, Усть-Куломский из 28 волостей, Усть-Вымский из 21 волости и Ижмо-Печорский из 20 волостей.

3 сентября 1926 г. было издано постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР о производстве в декабре 1926 г. Всесоюзной переписи населения. При переписи 1926 г. было принято следующее понимание грамотности: «умеющими читать считаются разбирающие печатные слова, хотя бы по слогам, умеющими писать – кто может подписать свою фамилию». В циркулярном порядке ЦСУ было разъяснено, что «лица, умеющие подписать свою фамилию, не умея читать, должны быть записаны как вовсе неграмотные» (Воробьев, 1938. С. 33).

Далее представлена таблица, характеризующая уезды Коми автономной области по уровню грамотности (табл. 1).

Таблица 1

Грамотность населения Коми автономной области по уездам в 1926 г.

Уезд	Грамотность	Оба пола, всего	Доля в уезде
Сысольский	Грамотные	33502	45,77 %
	Неграмотные	37521	51,14 %
	Грамотность не указана	2266	3,09 %
Усть-Куломский	Грамотные	19151	33,98 %
	Неграмотные	37173	65,96 %
	Грамотность не указана	29	0,06 %
Усть-Вымский	Грамотные	20114	42,86 %
	Неграмотные	26787	57,08 %
	Грамотность не указана	30	0,06 %
Ижмо-Печорский	Грамотные	9070	29,52 %
	Неграмотные	21596	70,29 %
	Грамотность не указана	56	0,19 %
Всего	Грамотные	81837	39,48 %
	Неграмотные	123077	59,37 %
	Грамотность не указана	2381	1,15 %

Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 413. Л. 1–84; Д. 439. Л. 1–84.

По данным переписи 1926 г. в Коми автономной области проживало 207314 чел. Из них грамотными были 81837 чел. (39,47 %), неграмотными – 123077 (59,37 %). Наибольший удельный вес среди числа грамотных людей имел Сысольский уезд (33502 чел. или 40,94 % от числа грамотных в Коми автономной области), далее Усть-Вымский (20114 чел. или 24,58 %), Усть-Куломский (19151 чел. или 23,4 %) и Ижмо-Печорский (9070 чел. или 11,08 %). Наибольший удельный вес среди неграмотного населения имели Сысольский уезд (37521 чел. или 30,49 %) и Усть-Куломский уезд (37173 чел. или 30,2 %), далее шли Усть-Вымский уезд (26787 чел. или 21,76 %) и Ижмо-Печорский уезд (21596 чел. или 17,55 %).

Представленные ниже табл. 2 и 3 показывают динамику количества школ, в них работников и их учащихся по уездам Коми автономной области в период с 1924 по 1927 г.

Таблица 2

Количество школ в уездах Коми автономной области 1924–1925 гг.

Уезд	1924 г.			1925 г.		
	Школы	Работники школ	Учащиеся	Школы	Работники школ	Учащиеся
Сысольский	59	158	5170	75	188	6066
Усть-Куломский	57	100	2828	67	117	3427
Усть-Вымский	58	123	3191	63	128	4025
Ижмо-Печорский	26	50	1577	31	53	1833
Итого	200	431	12766	236	486	15351

Составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 442. Л. 58–61.

Таблица 3

Количество школ в уездах Коми автономной области 1926–1927 гг.

Уезд	Школы	Работники школ	Учащиеся	Школы	Работники школ	Учащиеся
Сысольский	100	224	7388	99	240	7214
Усть-Куломский	94	152	4499	97	166	4433
Усть-Вымский	78	139	4561	82	149	4566
Ижмо-Печорский	42	76	2325	44	87	2403
Итого	314	591	18773	322	642	18616

Составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 442. Л. 58–61.

В период 1924–1926 гг. общее количество школ увеличилось на 114 (в 1,57 раз), количество работников – на 160 чел. (в 1,37 раз), учащихся – на 6007 чел. (в 1,47 раз). Количество школ в Сысольском уезде увеличи-

лось на 41 (в 1,69 раз), количество работников – на 66 чел. (в 1,42 раз), количество учащихся выросло на 2218 чел. (в 1,43 раз). Количество школ в Усть-Куломском уезде увеличилось на 37 (в 1,65 раз), количество работников – на 52 чел. (в 1,52 раз), учащихся – на 1671 чел. (в 1,59 раз). Количество школ в Усть-Вымском уезде увеличилось на 20 (в 1,34 раз), работников – на 16 чел. (в 1,13 раз), учащихся – на 1370 чел. (в 1,43 раз). Количество школ в Ижмо-Печорском уезде увеличилось на 16 (в 1,61 раз), работников – на 26 чел. (в 1,52 раз), учащихся – на 748 чел. (в 1,47 раз). В абсолютном выражении наибольший рост количества школ, работников и учащихся происходил в Сысольском уезде. В процентном выражении наибольший рост количества школ зафиксирован в Сысольском уезде – на 69 %, наибольший рост количества работников школ зафиксирован в Усть-Куломском и Ижмо-Печорском уездах – на 52 %, наибольший рост количества учащихся зафиксирован в Усть-Куломском уезде – на 59 %. Рассматривая период 1926–1927 гг., следует отметить, что показатели отличаются не так значительно в процентном выражении.

Согласно данным 1926 г., при практически равном количестве школ в Сысольском и Усть-Куломском уездах (100 и 94 школы соответственно) количество учащихся в этих школах сильно отличалось (в среднем 74 ученика в каждой школе Сысольского уезда против 48 учеников в школах Усть-Куломского уезда). Школы Усть-Вымского и Ижмо-Печорского (78 школ со средним показателем 58 учащихся в Усть-Вымском уезде и 42 школы со средним показателем 55 учащихся в Ижмо-Печорском) уездов также имели в среднем большее количество учеников, чем школы Усть-Куломского уезда.

Далее представлены таблицы, показывающие количество библиотек в уездах Коми автономной области в 1926–1927 гг. (табл. 4, 5).

Таблица 4

Количество библиотек в уездах Коми автономной области в 1926 г.

Уезды	Центральные библиотеки		При избах-читальнях	
	Количество	Посетители	Количество	Посетители
Сысольский	2	2694	25	4262
в т. ч. г. Усть-Сысольск	1	2098	–	–
в т. ч. п. Кажим, Ньючим	–	–	2	409
Усть-Куломский	1	488	26	2250
Усть-Вымский	1	276	20	3042
Ижмо-Печорский	1	313	11	978
Итого	5	3771	82	10532

Составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 442. Л. 65–66.

Таблица 5

Количество библиотек в уездах Коми автономной области в 1927 г.

Уезды	Центральные библиотеки		При избах-читальнях	
	Количество	Посетители	Количество	Посетители
Сысольский	2	3646	25	5246
в т. ч. г. Усть-Сысольск	1	2876	–	–
в т. ч. п. Кажим, Ньючим	–	–	2	382
Усть-Куломский	1	543	26	3350
Усть-Вымский	1	275	18	2786
Ижмо-Печорский	1	364	18	959
Итого	5	4828	87	12341

Составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 442. Л. 65–66.

Избы-читальни получили большое распространение в 1920-х гг. в рамках проведения культурной революции и являлись одной из форм ликвидации безграмотности, а также политической пропаганды (Большая советская энциклопедия, 1972. Т. 10. С. 50). Здесь читались лекции, проводились беседы, велась пропаганда книги, силами художественной самодеятельности ставились концерты и спектакли (Кузнецов, 1999. С. 228).

Всего в 1926 г. в Коми автономной области было пять центральных библиотек: две в Сысольском уезде и по одной в остальных уездах. В Сысольском уезде (в частности, в г. Усть-Сысольске) постоянных членов библиотек и изб-читален было больше, чем в других уездах (6956 в Сысольском против 2738 в Усть-Куломском, 3318 в Усть-Вымском, 1291 в Ижмо-Печорском). Количество центральных библиотек в период 1926–1927 гг. не изменилось, количество посетителей центральных библиотек выросло на 1057 чел. (в 1,28 раз), количество библиотек при избах-читальнях увеличилось на пять (в 1,06 раз), посетителей изб-читален – на 1809 чел. (в 1,17 раз). Все представленные выше показатели сыграли немаловажную роль в грамотности населения.

Рассмотрим далее показатели грамотности населения по материалам переписей 1920 и 1926 гг. (табл. 6).

Таблица 6

Грамотность населения Коми автономной области в 1920 и 1926 гг.

Категория	1920 г.		1926 г.	
	Жителей	Доля грамотных	Жителей	Доля грамотных
Мужчины	77876	43,1 %	94531	53,73 %
Женщины	102741	18 %	112783	27,54 %
Оба пола	180617	28,3 %	207314	39,48 %

Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 1623. Л. 2.

Сравнивая показатели грамотности населения автономной области Коми, следует отметить, что доля грамотных мужчин в 1926 г. по сравнению с 1920 г. увеличилась в 1,25 раза, доля грамотных женщин – в 1,53 раза, доля общего числа грамотных жителей – в 1,4 раза. Показатели грамотного населения по СССР составляли: процент грамотных среди мужчин – 71,5, среди женщин – 42,7, среди обоих полов – 56,6 (Народное образование, 1971. С. 21). Сравнивая эти данные с показателями по Коми автономной области, следует отметить, что доля грамотных среди мужчин по СССР была выше в 1,33 раза, чем аналогичный показатель по Коми автономной области. Показатель грамотных среди женщин был выше в 1,55 раза, а среди обоих полов – выше в 1,43 раза.

Таким образом, можно говорить о том, что Всесоюзная перепись населения дает возможность изучить такой важный социально-демографический аспект, как уровень грамотности населения. При росте количества школ в период 1924–1926 гг. с 200 до 314 (увеличение на 57 %), росте количества учащихся с 12766 до 18773 чел. (увеличение на 40 %) показатель грамотности населения в период 1920–1926 гг. вырос с 28,3 до 39,48 % среди обоих полов. Количество школ и библиотек (в том числе при избах-читальнях) является одной из причин низкого или высокого уровня грамотности населения. Так, в Ижмо-Печорском уезде при наименьшем по Коми автономной области количестве школ (42) и библиотек (одна центральная и 11 при избах-читальнях) был в 1926 г. самый низкий показатель уровня грамотности среди уездов Коми автономной области – 29,52 %. А в Сысольском уезде при наибольшем количестве школ (100) и библиотек (две центральные и 25 при избах-читальнях) был наивысший показатель уровня грамотности среди уездов Коми автономной области по материалам Всесоюзной переписи 1926 г. – 45,77 %, однако этот показатель был ниже уровня грамотности населения по СССР – 56,6 %. Можно сказать, что ситуация в вопросе грамотности Коми автономной области улучшилась с 1920 к 1926 г., но показатель грамотности населения был ниже, чем аналогичный по СССР.

Литература

1. Изба-читальня // Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 50.
2. Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткий обзор организации и производства. М., 1938.
3. Кузнецов В.В. «Земля Рубцовская: События. Факты. Люди: краеведческие очерки». Рубцовск, 1999.
4. Народное образование, наука и культура СССР. Статистический сборник. М., 1971.

Особенности реализации советской административной реформы 1929 года в Коми автономной области¹

А.А. Нисковский²

В работе на материалах Коми автономной области рассмотрена советская административная реформа 1929 г. Проанализирован ход указанной реформы и ее особенности в регионе. В качестве основного итога выявлена ликвидация волостных съездов Советов как неконтролируемого коммунистической партией органа власти.

Ключевые слова: Административная реформа 1929 г., Коми автономная область, модернизация, коллективизация, волостные съезды Советов.

Features of the soviet administrative reform in 1929 in Komi autonomous oblast

A.A. Niskovski

In the work on the materials of the Komi Autonomous oblast considered the Soviet administrative reform of 1929. Analyzed the progress of this reform and its peculiarities in the region. As the main result revealed the elimination of volost congresses of Soviets, uncontrolled by the Communist party.

Key words: Administrative reform in 1929, Komi Autonomous oblast, modernization, collectivization, volost congresses of Soviets.

Административная реформа 1929 г. в СССР выступает характерным событием истории советского государства и является предметом множества исследований отечественных историков. В историографии подробно исследованы ее ход и основные итоги. Тем не менее политические причины и последствия указанной реформы рассмотрены не в достаточной степени, особенно на региональном материале.

Во второй половине 1920-х гг. главные экономические задачи восстановительного периода в СССР были практически решены. На первый

¹ Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15–15–6–47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

² **Нисковский Антон Анатольевич** – младший научный сотрудник сектора отечественной истории. Тематика научных исследований – модернизационные процессы на территории Европейского Севера, индустриализация, вклад системы ГУЛАГ в развитие Республики Коми (vanryu@yandex.ru).

план выдвигалась проблема перестройки экономики и социально-культурной сферы на основе социалистической идеологической парадигмы. Важнейшей задачей стало проведение индустриализации всей страны в кратчайшие сроки. Развитие индустрии требовало огромных капиталовложений. СССР, являясь единственным в мире социалистическим государством, не мог рассчитывать на традиционные пути инвестирования капитала в промышленность и изнутри, и извне страны. Необходимо было найти пути решения проблемы только внутренними ресурсами страны. Решением вопроса стало проведение общегосударственной политико-экономической акции – коллективизации, и непосредственно связанным с ней раскулачиванием.

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) объявил о начале коллективизации в деревне, т.е., по существу, полномасштабной модернизации сельского хозяйства. Главной задачей было провозглашено «объединение и преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы» (КПСС в резолюциях, 1983. С. 475). На начальном этапе важнейшей составной частью курса на коллективизацию являлась политика притеснения кулачества. На государственном уровне рекомендовалось лишать кулаков права голоса в сельских обществах, так как при решении вопросов сельской жизни они во многих случаях оказывали большее влияние на членов обществ, чем сельские и волостные Советы (КПСС в резолюциях, 1983. С. 486–487).

В Коми автономной области эта реформа затронула большую часть населения, так как подавляющее большинство 220-тысячного населения проживало в сельской местности и их основным занятием было сельское хозяйство (по переписи 1926 г. в г. Усть-Сысольске проживало 8420 чел., а по области в целом 225 тыс. чел.) (Список населенных мест, 1930. С. 106–107).

Провести модернизацию сельского хозяйства и раскулачивание было возможно только при определенных условиях: а) наличии хорошо отлаженного и регулируемого административного аппарата в лице органов Советской власти для практического осуществления мероприятий; б) опоре на широкие социальные слои в деревне, т.е. получение поддержки, пусть номинальной, со стороны подавляющего большинства крестьян; в) демонстрации преимущества коллективных форм организации труда в сельском хозяйстве, а значит наличия материальной базы для поддержки со стороны государства и др.

Накануне коллективизации слабым звеном в системе органов государственной власти выступали волостные съезды Советов. Волостные съезды и волостные исполнительные комитеты не могли стать полноценной опорой

в силу своей непредсказуемой позиции по отношению к политике советского государства, из-за реальной близости к крестьянским массам, а также в силу легитимности их власти на местах. Состав сельских органов власти далеко не всегда соответствовал представлениям партии о пролетарском государстве. Так, в выборах 1926–1927 гг. по данным трех уездов Коми АО кулачество сумело провести своих кандидатов на 11 волостных съездах Советов (Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). П-1. Оп. 2. Д. 600. Л. 11). Вопросы, поднимаемые и обсуждаемые на волостных съездах, достаточно адекватно отражали проблемы местной жизни и реакцию волостного крестьянства на партийно-советскую политику в деревне. Уездное и областное руководство в той или иной форме вынуждено было реагировать на требования делегатов «из сельской глубинки» в силу особенностей политики новой власти. Волостные съезды сыграли свою позитивную роль в укреплении государственной власти в лице Советов, но в условиях постепенного усиления тоталитаризма в стране могли стать серьезной помехой в осуществлении жесткого курса на социалистическую модернизацию экономики за счет урезания социально-политических гарантий и снижения жизненного уровня народа. Коммунистическая партия, даже в тесном союзе с бедняцко-батрацеской частью крестьянства, не могла полностью обеспечить лояльность низовых институтов государственной власти и революционное разрешение вопросов коллективизации, раскулачивания и др. На наш взгляд, именно административная реформа 1929 г. в значительной мере способствовала решению задач коллективизации в деревне и аккумуляции материальных и людских ресурсов для индустриализации страны в кратчайшие сроки.

Прямо ликвидировать систему волостных съездов Советов не представлялось возможным, так как это могло подорвать доверие крестьянства к коммунистической партии. Но вопрос надо было как-то решить, ведь волостные съезды Советов, как выразители интересов крестьянских обществ, могли потенциально возглавить недовольных политикой раскулачивания, причем на законной основе. Поэтому необходимо было найти удобный предлог для их ликвидации. Им и стала административная реформа.

Накануне административной реформы политическая ситуация в стране постепенно менялась, позиции партии в деревне становились все слабее, несмотря на различные проводимые мероприятия для укрепления партийных позиций.

К концу 1920-х гг. в Коми АО областная и уездные партийные организации почти полностью сконцентрировали соответствующие экономические рычаги управления в своих руках. В то же время необходимо отметить очень слабое влияние коммунистической партии в деревне: большинство

коммунистов работало в различных районных или областных учреждениях, проживали в райцентрах, а деревенские и сельские партийные организации были весьма слабыми в политическом и идеологическом плане. По данным партийной переписи, в январе 1927 г. из 1299 членов и кандидатов в члены партии Коми АО в деревенских ячейках насчитывалось 729 чел. (56,1 %), ячейки имелись только в 64 волостях из 96 (Всесоюзная партийная перепись..., 1927. С. 6, 52). Поэтому первоочередной задачей для областного партийно-советского руководства стала задача поиска союзников в проведении коллективизации. Этими союзниками могли стать только бедняцко-батрацкие слои деревни. Именно бедняцкие собрания сыграли огромную роль в формировании нужных для партии низовых органов власти. Их роль можно сравнить с ролью комитетов бедноты в установлении советской власти в 1918 г. Коми обком ВКП(б) уделял большое внимание бедняцким собраниям в периоды перевыборной кампании. В ноябре 1927 г. обком отправил секретную директиву всем укомам партии в связи с перевыборной кампанией 1927–1928 гг., в которой говорилось, что «партийные ячейки на местах должны ставить своей целью выдвижения в составы выборных органов лиц из состава беспартийного актива, особенно бедноты...» (НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 600. Л. 2 об.-3).

Во второй половине 1920-х гг. значительно выросла политическая активность коми крестьянства, особенно среди зажиточно-середняцкой части. Низовые органы Советской власти – волостные съезды и волисполкомы – начали уходить из-под влияния партии, пытаться осуществлять политику в интересах большинства жителей своих волостей. В состав делегатов волостных съездов и волисполкомов все чаще выбирались люди, в определенной степени противостоящие некоторым мероприятиям Советской власти. Так, в 1925 г., по данным Коми обкома ВКП(б), избрание коммунистов на волостных съездах в органы власти составило (по неполным данным): в Сысольском уезде из 27 коммунистов уезда избрано в состав волисполкомов – 5, в Усть-Куломском уезде из 273 коммунистов избрано в волисполкомы – 16; в Усть-Вымском уезде из 45 коммунистов избрано в волисполкомы – 4. Слабо были представлены бедняцко-батрацкие слои крестьянства (НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 433. Л. 66).

Подобное положение в какой-то мере исправили новая избирательная инструкция от 28 сентября 1926 г. и Постановление ЦК ВКП(б) «О перевыборах в Советы», принятое 30 декабря 1926 г. В последнем документе жестко указывалось на необходимость улучшить партийное руководство избирательной кампанией и не допускать враждебные элементы в Советы. В итоге в короткие сроки удалось резко изменить состав низовых органов Советской власти. Например, в Усть-Вымском уезде в ходе избирательной

кампании 1925–1926 гг. в числе делегатов волостных съездов было выбрано 22,5 % безлошадных и освобожденных от сельскохозяйственного налога. После перевыборной кампании 1926–1927 гг. их оказалось 56,3 %, в составе волисполкомов 54,5 %, президиумах волисполкомов 55 %, председателей волисполкомов 53 % (НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 600. Л. 48).

Но говорить об окончательном переломе в формировании послушных низовых органов власти и стабилизации механизма этого формирования было рано. Так, в 1927 г. по Усть-Вымскому уезду отмечен провал списков кандидатур от бедняцких собраний на волостные съезды. Выставленные списки кандидатов отвергались середняками и даже беднотой, не присутствовавшей на бедняцких собраниях, так как выставление списков рассматривалось населением как навязывание, отсутствие демократии выборов, командование со стороны партийных ячеек (НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 600. Л. 44). Подобное явление наблюдалось и в других уездах области (НАРК. П-446. Оп. 1. Д. 213. Л. 17).

Также можно говорить о такой тенденции, как увеличение, пусть и незначительное, делегатов волостных съездов Советов из числа беспартийных, а значит и о некотором падении авторитета коммунистической партии в коми деревне: 1926 г. – 84,3 %, 1927 г. – 84,5, 1928 г. – 87 % (НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 600. Л. 14; П-353. Оп. 1. Д. 120. Л. 62).

Недостаток социальной опоры для проведения коллективизации в деревне требовал скорейшего проведения ряда необходимых мероприятий (раскола крестьянства по политическому, социальному и экономическому принципу), среди которых: создание групп бедноты с широкими полномочиями, зачастую подменявших Советы и избиркомы; политика лишения избирательных прав кулаков, зажиточных, «подкулачников»; раскол середняков на «лучших середняков» и остальных; кадровая политика в отношении состава низовых исполкомов. Все эти мероприятия были бы недостаточно эффективны при существовавшей до 1929 г. государственно-административной системе власти и управления.

Провозглашение курса на коренное социально-экономическое переустройство деревни вызвало необходимость внесения изменений в систему государственной власти и управления на местах. В 1929 г. в Коми автономной области, как и на всей территории СССР, была проведена реформа системы административно-хозяйственного управления с декларируемой целью – приближение власти к массам. Седьмой областной съезд Советов, проходивший в марте 1929 г., принял решение о внутриобластном районировании Коми области, причем необходимо отметить тот факт, что на уездных съездах Советов, проведенных в феврале этого же года, вопросы районирования и включения Коми АО в состав Северного края

даже не ставились. Это в определенной мере свидетельствовало о навязывании административной реформы сверху. Вместо уездов и волостей были образованы районы и сельсоветы. Одновременно с ликвидацией волостей была уничтожена система низовых съездов Советов – волостных, пожалуй, наиболее демократического звена в системе государственного управления РСФСР.

Об уровне реальной демократичности волостных органов советской власти можно судить по следующим фактам: 16 января 1927 г. на Лоемском волостном съезде при выборах было предложено несколько списков, главный из которых был составлен на предвыборном собрании бедноты. Съезд решительно отверг выборы по спискам. При обсуждении кандидатур в волостной исполком было выставлено 26 кандидатов (на три места) (НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 600. Л. 84 об.). В 1925 г. на Летском волостном съезде в Совет были избраны шесть человек, все зажиточные (позднее, после ссылок за нарушение Конституции, выборы были отменены) (НАРК. П-1. Оп. 2. Д. 536. Л. 6). В 1926 г. в ряде районов Печорского уезда при проведении волостных съездов (Кривомежное, Оксино, Никитцы, Виска и Пустозерск) выставленные от имени партийных ячеек и бедняцкого совещания кандидатуры практически полностью проваливались (НАРК. П-446. Оп. 1. Д. 213. Л. 18). В октябре 1927 г. на Лоемском волостном съезде Советов из 73 делегатов было 47 % зажиточных и всего четыре коммуниста (НАРК. П-353. Оп. 1. Д. 126. Л. 13).

Осенью 1929 г. проведение реформы административного управления в Коми АО было завершено. Вместо существовавшей системы уездов и волостей были созданы новые административно-территориальные единицы – районы и сельсоветы. Районирование позволило разукрупнить уездные органы власти и управления в области: вместо четырех уездов созданы девять районов, вместо 96 волостей были образованы 134 сельсовета и один поселковый совет. Таким образом был усилен контроль над исполнением директивных указаний сверху.

Следующим шагом стало создание социально-политических условий для контроля над результатами выборов в новые низовые органы власти – сельские Советы, на районные и областные съезды, а следственно, и формирование органов власти и управления, абсолютно поддерживающих политическую позицию коммунистической партии. С этой целью на первое место среди избирателей в каждой избирательной кампании начали выдвигаться политически лояльные элементы и социально близкие по своему положению к главной опоре советского государства – пролетариату – слои сельского населения: батраки, бедняки и женщины. 3 мая 1929 г. Президиум Коми Областного Исполнительного комитета принял постановление

по вопросам перевыборной кампании. В нем ставились конкретные задачи перед местными органами советской власти, советским активом деревни: добиться большего участия рабочих, батраков и беднячества; увеличения числа женщин в составе всех Советов не менее чем до 30 % (НАРК. Р-592. Оп. 1. Д. 21. Л. 99).

В указаниях облисполкома о проведении отчетно-выборной кампании Советов от 16 мая 1929 г., отправленных всем уездным исполкомам и Усть-Сысольскому городскому совету, говорилось, что главная их обязанность – тщательно провести перевыборную кампанию, чтобы создать крепкие работоспособные Советы из рабочих, батраков, бедняков и лучшей части середняков, что не должно быть ни одного избирательного участка, где бы не проводилось женского и бедняцкого собрания (НАРК. Р-91. Оп. 1. Д. 17. Л. 1). Вновь были повторены задачи выборов: в каждом совете должны быть представлены батраки, причем их процентное количество должно быть не ниже, чем процент бедняцких хозяйств села; а женщин – не менее 30 %. Чтобы не допустить в сельсоветы «кулаков и их подпевал, растратчиков, пьяниц и т.д.», требовалось предварительно обсуждать всех кандидатов на собраниях женского и советского актива села, на женских и бедняцких собраниях. Решения же, принятые на общих избирательных собраниях граждан, должны были стать итогом всей предыдущей проведенной работы, в результате которой утверждались заранее подготовленные постановления: о членах сельсовета и его президиума, о наказе избирателей, о делегатах на районный съезд, об организации секций при сельских советах (НАРК. Р-91. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–3).

В июле 1929 г. в Коми автономной области прошли первые районные съезды Советов, на которых были избраны районные органы власти – райисполкомы. Делегаты съездов единогласно санкционировали проведение коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Восьмой областной съезд Советов, прошедший в августе 1929 г., окончательно придал легитимность политике раскулачивания деревни в Коми АО.

В 1930 г. были сформулированы главные задачи низовых Советов. 25 января постановлением Президиума ЦИК СССР сельсоветы были нацелены на руководство колхозным движением и ликвидацию кулачества как класса. Там, где Советы не могли этого делать, предлагалось провести перевыборы (История КПСС, 1970. С. 57). 13 октября 1930 г. ВЦИК утвердил основные положения о районных съездах Советов и райисполкомах. В них особо отмечено, что одна из важнейших задач районных съездов Советов – «неуклонное проведение политики наступления на капиталистические элементы города и деревни и ликвидация кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации» (Очерки по истории...,

1949. С. 208). В положении о советских съездах была выдвинута конкретная четко сформулированная политическая задача. Тогда же была в основном решена задача формирования нужного социально-политического руководства сельсоветов, в том числе в Коми АО. Так, из 16 председателей сельсоветов Усть-Вымского района было 13 бедняков, два середняка и один рабочий; из них девять коммунистов и комсомольцев (НАРК. Р-7. Оп. 1. Д. 340. Л. 81).

Таким образом, завершение административной реформы, ликвидация системы волостных съездов Советов позволили уже в конце 1929 – начале 1930 гг. легитимно перейти в масштабах страны и области от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации его как класса, замены кулацкого производства колхозным и совхозным. Самая демократическая ветвь Советской власти в Коми крае, волостные съезды Советов, просуществовав чуть более 10 лет и сыграв свою историческую роль в укреплении позиций Советской власти, была уничтожена в результате административной реформы 1929 г.

Литература

1. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. М., 1927. Вып. 1.
2. История КПСС. М., 1970. Т. 4. Кн. 2.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2.
4. Очерки по истории органов Советской государственной власти. М., 1949.
5. Список населенных мест Коми области. Сыктывкар, 1930.

**Обзор источников по исследованию деятельности
органов исполнительной власти
Коми автономной области в 1921–1937-х годах**

В.Н. Каракчиев¹

В статье рассмотрены делопроизводственные материалы, отчеты органов власти, воспоминания, периодическая печать, сборники документов, которые дают возможность получить знания о функционировании органов власти в коми регионе в указанный период. Исследованы фонды архивов Сыктывкара, Архангельска и Москвы.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, Коми автономная область.

**The survey of sources on research of activity
of executive authorities
of the Komi Autonomous region in the 1921–1937**

V.N. Karakchiev

The article examines office work materials, government reports, reminiscences, periodicals, collections of documents, which give the opportunity to gain knowledge about the functioning of government agencies in Komi in the specified period. The archive funds of Syktывkar, Archangelsk and Moscow have been examined.

Key words: executive authorities, the Komi Autonomous Region.

Исследование деятельности органов исполнительной власти Коми автономной области является актуальной задачей для получения знаний об историческом опыте государственного строительства в регионе в 1920–1930-е гг.

Органы исполнительной власти советского образца в Коми автономной области были образованы в 1921 г. В июне 1921 г. Президиумом ВЦИК был утвержден Коми областной революционный комитет (облревком), ставший высшим временным распорядительным и исполнительным органом власти. На районном уровне были сформированы районные революционные комитеты (райревкомы). 21 августа 1921 г. была организована Коми автономная область. В декабре 1921 г. на уездных съездах советов

¹ Каракчиев Владислав Николаевич – младший научный сотрудник сектора отечественной истории. Тематика научных исследований – история органов исполнительной власти в Коми автономной области в 1920–1930-х гг. (karakchiev.vlad@yandex.ru).

райревкомы были преобразованы в уездные исполнительные комитеты (уисполкомы). 22–29 января 1922 г. состоявшийся I Коми областной съезд Советов вместо облревкома утвердил облизполком – первый легитимный орган государственной власти и управления Коми АО. В связи с реформированием административно-территориального деления в стране и образованием в 1929 г. Северного края состоялась реорганизация административно-структурных единиц. Вместо уисполкомов были образованы районные исполнительные комитеты (райисполкомы), а функции волизполкомов стали выполнять исполнительные комитеты сельских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В декабре 1936 г. Коми АО была преобразована в Коми АССР, а в июне 1937 г. в связи с принятием Конституции Коми АССР высшим распорядительным и исполнительным органом власти стал Совет народных Комиссаров Коми АССР. Исполнительные комитеты сельских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов стали называться исполнительными комитетами сельских Советов депутатов трудящихся.

Источниковедческая база по указанной теме достаточно широка. Она включает в себя делопроизводственные материалы, воспоминания, издания периодической печати и другие материалы архивов (НАРК, ГАРФ, ГАО, КРГА ОПДФ, архив Национального музея РК). Наиболее ценным источником являются отчеты Коми ОИК, юбилейные сборники, периодическая печать 1920–1930 гг., а также воспоминания председателей Коми ОИК и сборники документов.

Основной материал по данной теме находится в Национальном архиве РК.

К важнейшим источникам по деятельности органов исполнительной власти относятся делопроизводственные материалы (приказы, протоколы, планы, переписка, постановления высших и местных органов власти). Они содержатся в документах фонда Коми областного революционного комитета (НАРК. Ф. Р-1), а также в материалах фондов райревкомов (Усть-Вымского (НАРК. Ф. Р-2), Усть-Сысольского (НАРК. Ф. Р-161), Усть-Куломского (НАРК. Ф. Р-513), Ижмо-Печорского (НАРК. Ф. Р-609), Удорского (НАРК. Ф. Р-737) и Прилузского райревкомов (НАРК. Ф. Р-816)).

Данные этих фондов позволяют исследовать вопросы создания аппарата власти советского образца в регионе, образования Коми АО, установления ее границ с соседними регионами, а также изучить личные дела представителей областного аппарата власти и работу отделов, рассмотреть решения экономических проблем, проанализировать деятельность местных органов власти. Эти документы интересны тем, что в них отражены

мероприятия революционных комитетов по внедрению советской власти на местах.

Большое количество делопроизводственного материала содержится в фонде «Исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми АО» (Коми облисполком) (НАРК. Ф. Р-3). Фонд содержит богатейший материал по указанной теме, включающей в себя широкий спектр документов. К делопроизводственным документам, помимо перечисленных выше, относятся декреты, доклады, распоряжения, протоколы, циркуляры Коми ОИК, ВЦИК, СНК РСФСР, НКВД и др., а также материалы съездов Советов (областных, районных, уездных, волостных) за 1922–1937 гг. Он является одним из самых крупных фондов, в котором отложились материалы о создании Коми АО, формировании областного аппарата власти, деятельности по развитию региона в политической, экономической, культурной сферах и т.д. Важнейшими источниками являются отчеты Коми ОИК, материалы обследования ВИК и УИК, документы о развитии образования, здравоохранения, культуры, спорта и т.д. В этом фонде находится большое количество документов, дающих информацию о периоде раскулачивания, создании спецпоселков, образованию лагерей на территории Коми АО.

На уровне уездных органов исполнительной власти делопроизводственные материалы (постановления и протоколы УИК; резолюции уездных съездов Советов; отчеты низовых органов власти) за 1920-е гг. содержатся в фондах Усть-Куломского (НАРК. Ф. Р-6), Усть-Вымского (НАРК. Ф. Р-7), Ижмо-Печорского (НАРК. Ф. Р-8) и Сысольского (НАРК. Ф. Р-9) уисполкомов. В материалах фондов имеются сведения об экономическом положении уездов, информация о личном составе служащих и т.д., датированные 1922–1929 гг. Документы позволяют проанализировать состояние уездов 1920-х гг., изучить пути решения местными органами власти наиболее актуальных проблем, возникающих перед ними, рассмотреть тенденцию экономического и культурного развития. Именно этот период характеризуется индустриальным развитием региона, достаточно быстрым повышением уровня образования, здравоохранения и т.д.

Делопроизводственные материалы содержатся в фондах волисполкомов, существовавших на территории Коми АО в 1918–1929 гг. Документы позволяют проанализировать экономическое и культурное положение волостей (развитие сельского хозяйства, строительство школ, больниц, дорог и т.д.) за 1918–1929 гг. На данный момент документы мало изучены, следовательно, требуется работа по их анализу.

После образования Северного края и проведения административно-территориальных изменений в 1929 г. вместо уисполкомов стали функцио-

нирывать райисполкомы: Прилузский (НАРК. Ф. Р-90), Сыктывдинский (НАРК. Ф. Р-91), Удорский (НАРК. Ф. Р-92), Усть-Вымский (НАРК. Ф. Р-93), Усть-Цилемский (НАРК. Ф. Р-94), Сторожевский (НАРК. Ф. Р-514), Усть-Куломский (НАРК. Ф. Р-592), Ижемский (НАРК. Ф. Р-629) и Троицко-Печорский (НАРК. Ф. Р-1523).

Фонды содержат большое количество делопроизводственных материалов. Архивные данные позволяют проанализировать экономическое положение районов, проследить повышение развития уровня образования, здравоохранения, культуры и т.д. в 1930-е гг. В материалах имеются документы о выявлении кулацких хозяйств, развитии промышленности, чистке партийного и советского аппарата т.д. Представляют интерес материалы об организации спецпоселков в районах Коми АО, сотрудничество районного управления с лагерным начальством НКВД, развертывание раскулачиваний и т.д.

Делопроизводственные материалы содержатся в фондах исполнительных комитетов сельских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Документы позволяют проанализировать развитие сельского хозяйства, лесозаготовок, культуры и т.д.

Делопроизводственные материалы о влиянии партии на органы власти содержатся в фондах: «Фракция ВКП(б) облисполкома» (КРГА ОПДФ. Ф. 366) и «Ячейки ВКП(б) отдела внутреннего управления Коми облисполкома» (КРГА ОПДФ. Ф. 299). На районном уровне это были первичные партийные организации Ижемского (КРГА ОПДФ. Ф. 662), Прилузского (КРГА ОПДФ. Ф. 408), Сторожевского (КРГА ОПДФ. Ф. 166), Сыктывдинского (КРГА ОПДФ. Ф. 7), Сысольского (КРГА ОПДФ. Ф. 588), Удорского (КРГА ОПДФ. Ф. 261), Усть-Вымского (КРГА ОПДФ. Ф. 514), Усть-Куломского (КРГА ОПДФ. Ф. 212), Усть-Усинского (КРГА ОПДФ. Ф. 443), Усть-Цилемского (КРГА ОПДФ. Ф. 452) райисполкомов. В материалах фондов находятся решения бюро о работе фракции, сведения о результатах чистки аппарата, переписка с областным управлением НКВД и т.д. Документы позволяют проследить влияние через фракцию ОИК Коми Обкома на Коми ОИК, изучить сведения о проведении агитмассовой работы, взаимодействие с лагерным начальством ГУЛАГа и т.д.

Немаловажный интерес по указанной теме представляют фонды Государственного архива Российской Федерации: «Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (ГАРФ. Ф. Р-1235) и «Комиссия Всероссийского центрального исполнительного комитета по районированию РСФСР» (ГАРФ. Ф. Р-6984). В них содержатся делопроизводственные материалы о взаимоотношениях руководства Коми АО и Архангельской области, экономическом состоянии Коми АО, районировании РСФСР и т.д. Документы

о взаимодействии Коми ОИК с краевыми органами исполнительной власти, подготовке и проведении районирования, развитии промышленности находятся в фондах Государственного архива Архангельской области: «Северный краевой исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов» (1929–1936 гг. (ГААО. Ф. Р-621) и «Временный организационный комитет ВЦИК по Северному краю» (ГААО. Ф. Р-2325). В материалах этих фондов рассмотрены вопросы, связанные с вхождением Коми АО в Северный край, решением важнейших задач во взаимоотношениях региональных властей и Москвы в 1930-е гг., а также развитием промышленности.

Важным источником информации о деятельности региональных исполнительных властей являются воспоминания председателей Коми ОИК (Тараканов, 1992). В фондах Национального музея содержатся воспоминания И.Г. Коюшева, в которых он описывает свою работу на разных должностях в Коми АО, включая деятельность в ОИК в 1929–1930 гг. и 1933–1935 гг. (Архив Национального музея КП 11407/49.22, 1986). Документальную повесть о непростых годах в заключении пишет председатель Коми ОИК с 1930 по 1933 г. Ф.Г. Тараканов. В ней он рассказывает о нелегкой доле репрессированного, испытавшего на себе все невзгоды невинно осужденного заключенного (Каракчиев, 2011. С. 59).

Интерес представляют опубликованные отчеты Коми облисполкома за 1920-е гг. (Отчет Коми ОИК, 1924; Отчет ОИК, 1925; Отчет ОИК, 1927; Отчет о работе, 1929). За период его работы было выпущено четыре отчета, тираж которых варьировался от 800 до 1250 экз. В этих изданиях подведены итоги работы региональных исполнительных органов власти в политической, экономической и культурной сферах (решение вопроса с границами региона, развитие промышленности, образования, здравоохранения, культуры, сельского хозяйства и т.д.). В отчетах имеется богатый аналитический материал (таблицы, схемы, планы). Отчетный материал был включен и в юбилейные сборники, посвященные 5-, 10- и 15-летию Коми АО, а также 10-летию Октябрьской революции (Додзса, 1926; Коми область, 1927; Десять лет, 1931; Коми область, 1931; 15 лет Коми АО, 1936; Коми областълон, 1936).

Решение важнейших задач, поставленных съездами областных Советов перед Коми ОИК, как, например, преобразование Коми области в республику, внутриобластное районирование, развитие промышленности выпускались Коми ОИК отдельными изданиями (К вопросу о преобразовании, 1926; Развитие целлюлозно-бумажной промышленности, 1928; Проект внутриобластного районирования, 1929; От Коми АО к Коми АССР, 1936). В этих публикациях рассматривались наиболее актуальные аспекты, связанные с обоснованием подъема статуса региона, целесообразности районирования и экономического развития Коми АО. Информация была пред-

назначена для широкого круга читателей. Коми ОИК и РИК издавали резолюции Коми обкома ВКП(б) и материалы к перевыборам советов (Резолюция 5-го Коми областного съезда, 1926; Резолюция 8-го областного съезда, 1929; Справочник по перевыборам Советов, 1930; К перевыборам Советов (от IX к X областному съезду), 1934; К перевыборам Советов (от II к III районному съезду), 1934).

Постановления органов власти публиковались и в периодической печати: газетах и журналах. Коми областная газета «Югд туй» («Светлый путь»), а с 1930 г. издававшиеся газеты «За новый север» и «Вөр лэдзысь» («Лесной рабочий») являлись органом облисполкома и обкома Коми АО. Они сыграли большую роль в просвещении коми народа и внесли значительный вклад в сохранение и развитие коми языка и литературы. В 1924 г. Коми ОИК и Общество изучения Коми края начали выпускать экономико-краеведческий журнал «Коми му», который ежемесячно издавался на коми и русском языках. Его тираж доходил до 1200 экз. Этнографические, фольклорные, литературные материалы журнала являются ценнейшим источником для исследователей, краеведов и историков.

В сборниках документов «Образование Коми автономной области» (Образование Коми АО, 1970), «Деятельность Советов Коми АССР (1917–1985)», 1988), а также «Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. 1: Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.)» (Органы исполнительной власти, 2006) опубликованы постановления, письма, резолюции, положения органов исполнительной власти. Наиболее широко представлены материалы в последнем из них, документы которых опубликованы впервые. В этом сборнике находятся документы, связанные как с политико-экономическим, так и социально-культурным развитием Коми АО. Также в нем представлены биографии всех председателей Коми ОИК.

Таким образом, комплекс источников достаточно обширен. Большую часть составляют делопроизводственные материалы. Основной материал о деятельности местных органов исполнительной власти представлен в фондах Национального архива Республики Коми. В Коми республиканском государственном архиве общественно-политических движений и формирований находятся документы взаимодействия Коми Обкома партии и Коми ОИК. В ГАРФе и ГАО сохранились материалы о районировании РСФСР, информация об экономическом состоянии Коми АО, взаимоотношениях центральных и местных органов власти. Юбилейные сборники, отчеты Коми ОИК, сборники документов, а также воспоминания председателей Коми облисполкома являются важным источником для исследования функционирования органов исполнительной власти в регионе.

Литература

1. 15 лет Коми автономной области: Итоги хозяйственного, социально-культурного и советского строительства. 1921–1936. Сыктывкар, 1936.
2. Воспоминания И.Г. Коюшева «Сквозь строй жизни» // Архив Национального музея, КП 11407/49.22, 1986.
3. Десять лет социалистического строительства автономной области Коми с 1921–1931 гг.: Материал к отчету облисполкома автономной области Коми перед правительством о состоянии советского, хозяйственного и культурного строительства за 10 лет. Сыктывкар, 1931.
4. Деятельность Советов Коми АССР: Сборник документов, 1917–1985. Сыктывкар, 1988.
5. Додза И. Коми автономия 5 во тыригкежлӧ. Сыктывдин-кар, 1926.
6. К вопросу о преобразовании Коми автономной области в Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику с включением в ее состав Нижней-Печоры: доклад Коми областного исполнительного комитета / РСФСР, Коми (Зырянская) автономная область. Усть-Сысольск, 1926.
7. К перевыборам Советов: (От II к III районному съезду), 1930–1934 / Сыктывдинский районный исполнительный комитет Коми автономной области. Сыктывкар, 1934.
8. К перевыборам Советов: (от IX к X областному съезду), 1931–1934 / Коми областной исполнительный комитет. Сыктывкар, 1934.
9. *Каракчиев В.Н.* Развертывание политических репрессий против руководителей Коми облисполкома в 1930-х гг. // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность (Материалы I Международной научной конференции). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. С. 58–60.
10. Коми область в борьбе за социализм: Сборник статей к 10-летию Коми автономии. Сыктывкар, 1931.
11. Коми область к 10-летию Октябрьской революции: юбилейный сборник. Усть-Сысольск, 1927.
12. Коми областълӧн 15 вося юбилей кузя ВКП(б) Коми обкомлӧн, облисполкомлӧн да облпрофсоветлӧн шыӧдчӧм. Сыктывкар, 1936. [Обращение Коми обкома (ВКП(б), облисполкома и облпрофсовета в связи с 15-летним юбилеем области Коми]. Ко всем рабочим, работницам, колхозникам и колхозницам, инженерам и техникам, врачам и педагогам, ко всем работникам науки и техники, искусства, профсоюзникам, комсомольцам и юным пионерам.
13. Образование Коми автономной области: сборник документов. Сыктывкар, 1970.
14. Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1: Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.).
15. От Коми автономной области к Коми АССР: (к XI областному съезду Советов) / Коми областной исполнительный комитет. Сыктывкар, 1936.
16. Отчет Коми областного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: рабочим и крестьянам области / Коми

область. Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Исполнительный комитет. Усть-Сысольск, 1924.

17. Отчет о работе Коми облисполкома за 1926–27 и 1927–28 годы / Коми автономная область, областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Усть-Сысольск, 1929.

18. Отчет областного исполнительного комитета автономной области Коми за 1925/26 хозяйственный год / Коми автономная область, областной исполнительный комитет. Усть-Сысольск, 1927.

19. Отчет областного исполнительного комитета автономной области Коми за 1924–25 хозяйственный год / РСФСР, Коми областной исполнительный комитет. Усть-Сысольск, 1925.

20. Проект внутриобластного районирования Коми автономной области. Усть-Сысольск, 1929.

21. Развитие целлюлозно-бумажной промышленности в автономной области Коми (зырян). М., 1928.

22. Резолюции 5-го Коми областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, состоявшегося 27 января – 4 февраля 1926 г. в г. Усть-Сысольск / РСФСР, Коми автономная область. Усть-Сысольск, 1926.

23. Резолюции 8-го областного съезда Советов Коми автономной области: (3–7 августа 1929 г.) / Коми автономная область. Сыктывкар, 1929.

24. Справочник по перевыборам Советов в 1930–31 г. / Коми автономная область, исполнительный комитет советов. Сыктывкар, 1930.

25. *Тараканов Ф.Г.* Без вины над пропастью: документальная повесть. Сыктывкар, 1992.

Сокращения

ВИК, волисполком – Волостной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ГАОО – Государственный архив Архангельской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Коми АО – Коми автономная область

Коми Обком – Коми областной комитет

КРГА ОПДФ – Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований

НАРК – Национальный архив Республики Коми

Облревком – областной революционный комитет

ОИК, ОБИК, облисполком – областной исполнительный комитет, исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области

РИК, районный исполнительный комитет – исполнительный комитет районных Советов депутатов трудящихся

УИК, уисполком – уездный исполнительный комитет, исполнительный комитет уездных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Статистические источники первой половины 1980-х годов о состоянии автомобилизации Коми АССР¹

А.М. Мацук²

Среди архивных источников наиболее информативными в вопросе исследования истории автомобилизации Коми АССР первой половины 1980-х гг. являются статистические источники. В статье приведены подробный обзор и сравнение данных источников, в которых содержится информация о состоянии автомобильной техники автохозяйств республики.

Ключевые слова: статистические источники, автомобилизация, Коми АССР, 1980-е гг.

Statistical sources the first half of the 1980s on the state of motorization of the Komi ASSR

A.M. Matsuk

Among of archival sources in the issue of research into the history of motorization of the Komi ASSR first half of the 1980s the most informative are statistical sources. The paper presents a detailed review and comparison of these sources, which provide information on the status of vehicles fleets of the republic.

Key words: statistical sources, motorization, Komi ASSR, the 1980s.

Среди различных архивных источников по истории автомобилизации Коми АССР одними из наиболее информативных являются статистические источники о состоянии автомобильной техники в различных автохозяйствах республики (годовые отчеты предприятий о наличии и работе автотранспорта). В ходе исследования процесса автомобилизации Коми АССР нами были выявлены и использованы данные источники за 1980-е гг. Благодаря работе с ними, в представленной статье мы имеем возможность

¹ Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

² **Мацук Александр Михайлович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России. Тематика научных исследований – история СССР и России в XX в., вопросы истории культуры, политической и экономической истории (almatsuk@gmail.com).

провести описание и сравнение исследуемых статистических источников за период 1980–1986 гг. При подготовке данной статьи нами были использованы годовые отчеты предприятий о наличии и работе автотранспорта, находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Коми, фонде Р-140: Статистическое управление Коми АССР (Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-140. Оп. 4. Д. 909–916, 6184–6206).

Статистические источники о состоянии автомобилизации Коми АССР представлены специальными формами, заполняемыми в каждом конкретном автохозяйстве республики. Данные формы представлены частично в виде таблиц, частично в виде полей, подлежащих заполнению. Формы, заполняемые руководителями автохозяйства, отпечатаны на листах бумаги формата А3 (с 1986 г. – А4), средней толщины, имеют определенную структуру, т.е. разделы, графы, поля, с машинописным текстом и свободным местом для заполнения чернилами. Во многих формах присутствуют исправления информации, как правило, сделанные чернилами другого цвета, что свидетельствует о проверке предоставленных в отчетных формах данных.

Статистические формы подшиты по годам в несколько дел. Каждое дело может содержать от 100 до 200 с лишним листов. Группировка материалов в делах построена по принципу принадлежности предприятий и организаций, имеющих свой автопарк, к тому или иному министерству или ведомству. Чаще всего дела за конкретный год начинаются с отчетов предприятий Министерства энергетики и электрификации СССР, а заканчиваются отчетами о состоянии автомобильной техники местных Советов (сельских и поселковых). Всего в исследованных нами делах за период 1980-х гг. сконцентрированы данные о состоянии автопарка около 1250 предприятий и организаций за конкретный год.

Кроме того, следует отметить, что если в начале 1980-х гг. статистическая форма располагалась на одном листе (две страницы) и общее количество листов в подшивке за год составляло порядка 1250 (или около восьми томов), то с середины 1980-х гг. форма занимает уже четыре листа (восемь страниц), формат меняется с А3 на А4, общее количество листов составляет порядка 6000, а число томов за год увеличивается до 20 с лишним. Все это наглядно демонстрирует, какой огромный пласт дел приходится фронтально просматривать исследователю, чтобы выявить необходимую информацию по определенной проблеме.

Содержание статистических форм за 1980 и 1986 г. отличаются друг от друга, начиная от заголовка и заканчивая некоторыми нюансами содержания. Остановимся на этих моментах подробнее.

Заголовок статистической формы в 1980 г. содержал название предприятия, адрес и само заглавие: «Отчет о наличии автомобилей, гаражей

и персонала на 1 января 19__ г.», в 1986 г. заглавие было изменено на «Отчет о наличии и работе автотранспорта».

Отчетная форма образца 1980 г. состоит из шести основных разделов, описывающих типы автомобилей, наличие дополнительных технических средств, наличие гаражей, количество персонала автохозяйства и т.п.: I. Наличие автомобилей. Подразделы: 1. Грузовые автомобили; 2. Легковые автомобили; 3. Пикапы и фургоны на шасси легковых автомобилей; 4. Автобусы; 5. Специальные автомобили; II. Наличие автоприцепов и полуприцепов; III. Гаражи; IV. Персонал автохозяйства; V. Группировка грузовых автомобилей, в зависимости от времени их нахождения в эксплуатации и общего пробега (строки 125–129); VI. Наличие автомобильных дорог не общего пользования, находящихся на балансе предприятия (организации) на 1 января 19__ г. (строка 130). В конце формы представлена справочная информация: «Из общего итога грузовых автомобилей (стр. 50): (стр. 131) сдано в аренду грузовых автомобилей (списочное число) – ... ед.; (стр. 132) их грузоподъемность».

Форма образца 1986 г. состоит уже из девяти разделов, причем раздел № 4 не именован и не заполнен (возможно, резервный): I. Наличие автомобилей, автоприцепов и полуприцепов на 1 января 1987 г.; II. Списание автомобилей и автошин за 1986 г.; III. Капитальный ремонт автомобилей и агрегатов за 1986 г.; Раздел IV; V. Персонал автохозяйства на 1 января 1987 г.; VI. Группировка грузовых автомобилей в зависимости от времени нахождения в эксплуатации и пробега на 1 января 1987 г.; VII. Наличие автомобильных дорог необщего пользования, находящихся на балансе предприятия (организации) на 1 января 1987 г.; VIII. Работа и использование автобусов, легковых служебных, легковых специальных и специальных автомобилей за 1986 г.; IX. Работа и использование грузовых автомобилей и автоприцепов за 1986 г. Информации о гаражах в данной форме уже нет.

Лицевая сторона листа отчетной формы образца 1980 г. представлена в виде таблицы, содержащей Раздел I (наличие автомобилей) и состоящей из шести столбцов на лицевой стороне листа (сама таблица делится на три столбца, которые продублированы на второй половине лицевой стороны листа формы, для удобства размещения информации):

Тип и марка автомобилей	Списочное число автомобилей	В том числе технически исправных (на ходу)
-------------------------	--------------------------------	---

Раздел I состоит из пяти подразделов по типам автомобилей, причем каждый подраздел содержит несколько отдельно нумерованных строк (по маркам автомобилей, грузоподъемности и т.п.). Таким образом, Раздел I состоит из 110 строк.

Прочие разделы отчетной формы образца 1980 г. представлены на оборотной стороне листа, каждый в отдельной ячейке общей таблицы.

В отчетной форме образца 1986 г. информация представлена как в виде таблиц, так и в обычном текстовом виде. Например, Раздел I (наличие автомобилей) в 1986 г. представлен в виде таблицы: семь столбцов – тип автомобиля; код; код; списочное число автомобилей, единиц; в том числе технически исправных (на ходу); общая грузоподъемность, тонн, до 0,1, вместимость (мест); контрольная сумма (графы 1–4). В конце Раздела I представлена информация по автоприцепам и полуприцепам вне таблицы, вписанная в строчку.

Следующие Разделы формы (со II по VII) также представлены в обычном текстовом виде, однако заканчивается форма Разделами VIII и IX, вновь в виде таблиц:

Раздел VIII – по горизонтали (восемь столбцов или граф): без названия (А); единицы измерения (Б); код строки (1); автобусы (2); легковые служебные а/м (3); легковые спец. а/м (4); спец. а/м (без легковых спец.) (5); контрольная сумма (6);

по вертикали: Автомобиле(автобусо)-дней пребывания в хозяйстве (сумма строк 802–804) – всего (тыс.); в том числе: в работе (стр. 802); в ремонте и ожидании его (стр. 803); в простоях в исправном состоянии (включая выходные и праздничные дни) (стр. 804); Автобусо-место-дней в хозяйстве – всего (стр. 810); Общий пробег автомобилей (автобусов) (тыс. км) (стр. 812); в том числе бензиновых (стр. 814); Время пребывания в наряде – всего (тыс. часов) (стр. 830); Перевезено пассажиров (тыс. чел.) (стр. 840); выполнено пассажиро-километров – всего (тыс. пасс. км.) (стр. 850); в том числе бензиновыми (стр. 853); Валовой доход (выручка) от эксплуатации автобусов (тыс. руб.) (стр. 860); Расход топлива на пробег автомобилей (автобусов): бензина: по норме (тыс. л.) (стр. 870); фактически (стр. 871); дизтоплива: по норме (стр. 875); фактически (стр. 875); Расходы на эксплуатацию автомобилей (автобусов) (тыс. руб.) (стр. 880).

Раздел IX. – по горизонтали (восемь столбцов или граф): без названия (А); единицы измерения (Б); код строки (1); все грузовые а/м (включая пикапы и фургоны на шасси легковых а/м), работающие по сдельному и повременному тарифу (2); из общего итога графы 2 – автомобили: работающие по сдельному тарифу (включая привлеченные на уборку урожая) (3); привлеченные на уборку урожая (4); автоприцепы бортовые, самосвальные, цистерны, фургоны (5); контрольная сумма (графы 1–5) (6).

по вертикали: (А) Использование автомобилей: Автомобиле(прицепо)-дней пребывания в хозяйстве (сумма стр. 902–904) всего (тыс.) (стр. 901); в том числе: в работе (стр. 902); в ремонте и ожидании его (стр. 903);

в простоях в исправном состоянии (сумма стр. 905–908) – всего (стр. 904); из них: из-за отсутствия шин (стр. 905); из-за отсутствия водителей (стр. 906); в связи с выходными и праздничными днями водителей (стр. 907); по прочим причинам (стр. 908); Автомобиле(прицепо)-тонно дней в хозяйстве (стр. 910); Автомобиле(прицепо)-тонно дней в работе (стр. 911); Общий пробег а/м – всего (тыс. км) (стр. 912); в том числе бортовых (стр. 913); из общего пробега (строки 912) пробег бензиновых (стр. 914); дизельных (стр. 915); газобаллонных: на сжиженном газе (стр. 916); на сжатом природном газе (стр. 917); пробег с грузом – всего (стр. 920); в том числе бортовых (стр. 921). (А) Работа автомобилей: время пребывания в наряде – всего (тыс. час.) (стр. 930); в том числе: в движении (стр. 931); в простоях под погрузкой-разгрузкой (стр. 932); перевезено грузов (включая автоприцепами) – всего (тыс. тонн) (стр. 940); в том числе: самосвалами (стр. 941); автомобилями, работающими по междугородным путевым листам (стр. 942); Выполнено тонно-километров (грузооборот), включая автоприцепами (тыс. тонно-км.) (стр. 950); в том числе: самосвалами (стр. 951); автомобилями, работающими по междугородным путевым листам (стр. 952); Из общего грузооборота (строки 950) выполнено: бензиновыми а/м (стр. 953); дизельными а/м (стр. 954); газобаллонными: на сжиженном газе (стр. 955); на сжатом природном газе (стр. 956); Расход топлива на пробег автомобилей: сжатого газа: по норме (тыс. м3) (стр. 957); фактически (стр. 958); сжиженного газа: по норме (тыс. л.) (стр. 959); фактически (стр. 960); бензина: по норме (стр. 970); фактически (стр. 971); дизтоплива: по норме (стр. 975); фактически (стр. 976).

С точки зрения информативной репрезентативности данного источника можно сказать, что если данные о наличии определенного количества автомобилей и автомобильных прицепов абсолютно соответствуют действительности, то, например, данные о грузоподъемности, расходе топлива и иных аспектах, связанных с работой автотранспорта, во-первых, содержат округленные цифры и, во-вторых, иногда не вполне точно подсчитаны. Именно эти данные, в подавляющем большинстве случаев перепроверялись статистическими работниками и корректировались ими. Что касается сведений о наличии персонала водителей и ремонтных рабочих, то тут учитывались не физические лица, а ставки, занятые работниками. В 1986 г. в графе «ремонтные рабочие» стали учитываться и так называемые вспомогательные рабочие гаражей. Все указанное усложняет работу с данным видом источника.

Таким образом, используя рассмотренные в данной статье статистические формы, исследователь получает огромный пласт информации по проблеме автомобилизации Коми АССР (и не только, так статистичес-

кие формы были государственным стандартом). Кроме того, так как данные формы видоизменялись со временем, возможно получение не только новых аспектов информации по проблеме, но и понимание приоритетов государственной политики в той или иной сфере процесса автомобилизации, что позволяет проследить сам ход данного процесса с различных сторон.

УДК 39:728(=511.132)

Традиционное жилище лузско-летских коми: типология и конструктивные особенности

Ю.И. Бойко¹

В статье на основе полевого и архивного материала рассмотрены типология и конструктивные особенности жилища. Выявлены основные архитектурные традиции, оказавшие влияние на домостроительство лузско-летских коми.

Ключевые слова: традиционное жилище, локальные традиции домостроительства.

Traditional accommodation Luzsky-Letskyh Komi: types and features

Y.I. Boyko

On the basis of field and archival material the article describes the basic types and design features of the traditional home of the southern group of the Komi. The basic architectural traditions, and the Mid North Russian, influenced the fellowship Luzsky-Letskiy Komi.

Key words: traditional accommodation, local traditions dispensation.

Лузско-летские коми проживают в бассейнах рек Лузы и Летки в юго-западной части Республики Коми (в современном административном делении – Прилузский район Республики Коми) и являются самой южной группой коми-зырян.

По отношению к основной этнической территории коми-зырян Прилузье является периферийным и представляет собой зону контактного проживания коми и русского населения (с западной и южной окраин). Следует также отметить, что летские коми в силу административного деления,

¹ **Бойко Юлия Ивановна** – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии. Тематика научных исследований – традиционная обрядность коми, локальные традиции, локальная идентичность (boyko_yulia@mail.ru).

по которому до 1929 г. большая часть населенных пунктов входила в состав Вятской губернии, долгое время были отделены от основной массы коми-зырян и развивались в тесных контактах с русскими (История Коми, 2011. Т. 2. С. 269). Все это во многом определило специфику основных культурных компонентов, в том числе традиционного домостроительства лузско-летских коми.

В данной статье предпринимается попытка рассмотрения типологических и конструктивных особенностей традиционного жилища, сформировавшихся к концу XIX – первой половины XX в., выявления основных архитектурных традиций, оказавших влияние на Прилузье. Источниками для подготовки статьи послужили полевые материалы автора и архивные данные, среди которых особую ценность представляют труды А.К. Супинского, хранящиеся в научном архиве МАЭ РАН (Супинский, 1935). А.К. Супинским был собран богатый материал по традиционному жилищу, хозяйственным и промысловым постройкам, строительной обрядности; сделаны зарисовки, что позволило значительно расширить имеющиеся сведения по домостроительству и типологии домов лузско-летских коми.

Из распространенных на территории Прилузского района типов жилищ к наиболее архаичному относится дом-четырёхстенок, в основе которого лежит более простая в изготовлении клеть из четырех бревен (рис. 1). Передний фасад такого дома обычно имеет три-четыре окна; вход в избу оформляется сбоку через крыльцо, часто находящееся под одной крышей с улицем – пристройкой к боковому фасаду дома под односкатной кры-

Рис. 1. Дом-четырёхстенок под крышей с залобком. д. Прокопьевка.

Рис. 2. Изда-двойня. с. Объячево.

Рис. 3 Изда-двойня с. Чермухова.

шей. Жилая часть соединяется с хозяйственным двором сенями, связь дома с двором обычно однорядная, также встречается глаголеобразная, не зафиксированная больше нигде у коми-зырян (Чудова, 2013. С. 59). Кровли жилищ, как правило, двускатные с залобком. Дом-четырёхстенок является характерной особенностью домостроительства летских коми,

отмечающих: *«Всякие дома раньше строились, но большинство однокомнатные. У нас так, а те, кто севернее живут, лучше строили. Мы относились к вятским, строиться-то нечем было, бедно жили... Строили дома такие же как у вятских»* (ПМА: Рутов Н.Я., 1927 г.р. с. Слудка, Прилузский район). Наблюдателями крестьянского быта во второй половине XIX в. отмечались отличия летских построек от соседнего русского населения: *«Дома Орловских пермяков (летских коми. – Ю.Б.) строятся ныне довольно высокие, одноэтажные, вышиною от нижних бревен и завалины до верхних, на которых лежит крыша, от трех и до четырех сажен. Старые дома гораздо ниже, но в сравнении с русскими избами тоже старинной постройки – выше»* (Косарев, 1863. С. 25); *«Постройка пермяков (летских коми. – Ю.Б.) несколько отличалась от постройки русских: избы большие, высокие, мрачные на вид, внутри почти темные, но большею частью некурные»* (М., 1882).

Старым типом дома является изба-двойня, представляющая собой два самостоятельных сруба (одна изба – летняя, другая – зимняя), поставленных почти вплотную одна к другой и находящихся или под одной крышей (двускатной, двускатной с залобком), или под односкатными крышами, образующими общее двускатное покрытие (рис. 2, 3). В настоящее время данный тип жилища в Прилузье встречается довольно редко и в основном зафиксирован на территории Лузского бассейна (преимущественно Читяевского, Объячевского, Ношульского сельских поселений). А.К. Супинским при описании избы-двойни, отмечалось, что *«скаты их крыш нередко не соприкасаются. Зачастую же бывает наоборот – скаты крыш настолько близко подходят друг к другу своими приподнятыми козырьками, что их объединяют, а иногда делают для двух изб один общий фронтон из бревен»* (Супинский, 1935. С. 39–40). Общие для двух изб сени пристраиваются сзади и соединяют жилую часть с хозяйственным двором.

У южных коми еще в начале XX в. были зафиксированы многоизбные дома, состоящие из четного количества отдельных изб (срубов), поставленных по мере увеличения большой семьи, ведущей общее хозяйство, связанное с земледелием (Супинский, 1935. С. 1–9, 23–28; Белицер, 1958. С. 181). В материалах А.К. Супинского содержатся подробные сведения об устройстве многокамерного дома: *«С переднего фасада через низкое крыльцо попадали в сени, связывавшие избы и выходившие с задней стороны на мост, который соединял жилые помещения с двором, представлявшим собой отдельную двухъярусную постройку. Сени располагались посередине всего комплекса, отделяя две избы от двух других. Двери всех изб выходили в сени. Односкатные крыши изб вместе образовывали общую двускатную кровлю. Каждая изба была жилой, обитали в ней родственные, но разделенные семьи»* (Супинский, 1935. С. 25).

Рис. 4. Дом сысольско-вычегодского типа (трехраздельный). с. Прокопьевка

У летских коми возводились дома, по основным признакам относящиеся к типу сысольско-вычегодского дома-комплекса (Шургин, 2009. С. 19–28, 34): зимняя и летняя избы представляют собой отдельные четырехстенные срубы, стоящие на расстоянии один от другого, в промежутке между которыми устроены сени (рис. 4). Жилая и хозяйственная половины (трехстенный сруб хозяйственной половины дома вплотную примыкает к торцевым стенам избы), каждая в отдельности, покрыты на один скат.

Разновидность «связи» представляет дом, состоящий из двух самостоятельных срубов, находящихся под отдельной крышей (двускатной, двускатной с залобком) и соединяющихся сенями (рис. 5). Нередко избы стоят перпендикулярно друг другу, когда зимняя изба обращена передним фасадом на юг, а летняя – на восток. Двор, расположенный за зимней половиной, имеет однорядную или Г-образную связь с жилой постройкой.

У лузских коми (села Спаспору́б, Зану́лье, Объячево) зафиксированы летние пятистенки и избы-двойни, соединенные сенями с боковой зимовкой, представлявшей собой четырехстенный сруб, передний фасад которого обычно имел три окна.

К отдельному типу относится шестистенок с заулком (дом со средней горницей), состоящий из зимней и летней изб, разделенных средней холодной горницей (рис. 6). Горница меньшая по размерам, чем зимняя и летняя избы, соединяется проходом только с одной из них и служит дополнительной комнатой, либо подсобным помещением. Общие для изб сени пристраиваются сзади и соединяют жилую часть с хозяйственным двором. Считается что, данный тип жилища сложился из модификаций (за счет

«раздвижки» двух капитальных стен) избы-двойни, которая, в свою очередь, представляет собой продукт видоизменений четырехстенной избы-клетки (Шургин, 2009. С. 40).

Рис. 5. Дом-связь с Г-образным расположением двора. с. Слудка.

Рис. 6. Дом-шестистенок с заулком. с. Объячево.

К распространенному типу относятся дома – пятистенки (четырехстенок, разделенный пятой капитальной стеной) и шестистенки (четырехстенок, разделенный на четыре части двумя капитальными стенами, пересекающимися под прямым углом). В них вместо одной комнаты с помощью дополнительных капитальных стен делают несколько. Для данных построек характерны двух, трех и четырехскатные крыши. Связь жилого помещения с двором однорядная.

Своеобразным вариантом пятистенка являются дома с мезонином, представляющим собой летний тип комнаты без печи (рис. 7). Встречаются дома, где светелка выгорожена в подкрышном пространстве, с прорубленным на улицу окном. Практика возведения домов с мезонином, по мнению исследователей, не является типичным для домостроительства коми-зырян, и связана с влиянием севернорусских традиций (Чудова, Чудов, 2013. С. 62).

Рис. 7. Дом с мезонином. с. Ношуль

При характеристике внутренней планировки жилища первостепенное значение уделяется расположению в ней духовой печи (широко известной как русская) и ориентации ее устья. Как правило, печь (*пõжасян пач* ‘печь для выпекания’) была расположена у двери и устьем обращена к окнам фасадной стороны дома (северносреднерусская внутренняя планировочная структура). Угол по диагонали от печи, в котором располагались обеденный стол, лавки, являлся парадной частью избы, здесь же находились иконы. Внутри избы вдоль стен устраивались неподвижные лавки, разделяе-

мые на мужскую и женскую (мужской считалась лавка, располагавшаяся ближе к входной двери). В задней части жилища, от печи до боковой стены, укрепляли под потолком деревянный настил – полати.

По данным М.С. Косарева: «Внутренность пермяцкой избы сходна с внутренностью русской избы. В переднем углу узкий продолговатый стол, а над ним, на прикрепленных к стенам узеньких дощечках... несколько деревянных небольших икон. По стенам над окнами тянутся полки, куда кладется все... от рукавиц и шапки до хозяйственной утвари. На пол-аршина или несколько от пола, вокруг стен лавки. С правой стороны от входа в избу или с левой, смотря опять по тому на которой стороне от ворот крыльцо – огромная печь, сделанная из битой белой глины, от нее к противоположной стене идут полати. Внизу, рядом с печью, голбец» (Косарев, 1863. С. 16).

У лужских коми исключение составляют пятистенки, в которых перегород сделан не вдоль, а поперек дома. В таких домах печь стоит направо или налево от входа и устьем повернута к боковой стене дома. Красный угол располагался по диагонали от устья печи у боковой стенки. Печь, таким образом, делила помещение на кухню и прихожую. Данный тип планировки совпадает с западнорусской планировкой избы (Лукьянченко, 1997. С. 123).

У летских коми для однокамерных домов также характерен западнорусский тип планировки избы (печь, расположенная в одном из углов комнаты у входной двери, устьем направлена не к передней, а к боковой стене дома). В конце 50-х гг. XX в. этнографами Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым в четырехстенках было зафиксировано изменение места расположения печи: «в старых избах печь стояла в одном из углов комнаты, прилежащих к выходу ... помещение было сплошным без перегородок. В новом строительстве печь передвигают на середину помещения и от нее идут несколько перегородок» (Лашук, Жеребцов, 1960. С. 76). Очевидно, что такая планировочная структура позволяла выгораживать на площади избы от двух до четырех помещений и при этом отапливать их одной печью.

Составляющей частью жилища является крыльцо, устраиваемое перед наружной дверью, ведущей в сени. Встречается крыльцо двух типов: в виде небольшой дощатой площадки перед входной дверью с одной-двумя ступенями, оно сочетается с внутренней лестницей в сенях, а также крыльцо с лестницей. Оба типа бывают открытыми и крытыми: с односкатным навесом или двускатной крышей. Крытое крыльцо может быть открыто по бокам, имея лишь столбики-колонки, поддерживавшие крышу и перила.

Крыши домов, как правило, были тесовые двускатные или четырехскатные, опирающиеся на самцы и курицы или на стропила. Для формирования самцовой кровли продольные стены, составляющие остов крыши, укреплялись между бревнами фронтона, которые укорачиваясь сверху, об-

разовывали треугольник фронтона. В последний, верхний венец с двух боковых сторон дома врубались «курицы», которые изготавливались из комлевой части деревьев. В середине XX в. самцовую кровлю стали вытеснять стропильные конструкции крыши, позволившие более экономично расходовать строительный материал.

На Летке возводились дома-четырёхстенки под крышей, с переднего фасада которой делался так называемый залобок – третий скат, идущий до половины или двух третей высоты крыши, а оставшееся треугольное пространство зашивалось досками и в нем устраивалось чердачное окно. Е.Э. Бломквист относит крышу с залобком к переходным вариантам между двускатной и четырёхскатной (Бломквист, 1956. С. 97).

А.К. Супинским у летских коми были зафиксированы, встречавшиеся на жилых и хозяйственных постройках, крыши односкатные и полусферической формы: на сруб по длине и по линии центра укладывалось толстое бревно, перекинутые же через это бревно доски выгибались, а концы их прижимались жердями (Супинский, 1935. С. 34, 43, 44).

Жилой дом чаще всего находился под одной крышей с двухъярусным двором, верхний этаж которого состоял из сарая, в котором хранили сено, ткацкие принадлежности, хозяйственный инвентарь, и повети, имеющей один-два люка, для того чтобы спускать корм скоту. Воз сена завозили лошадьёю прямо на сеновал по взвозу зоз. Нижний этаж являлся собственно двором, в котором были конюшня *стая* и хлев, состоящий из помещений для коров *карта*, для мелкого скота *гид*. В передней части этого двора, примыкавшей к дому и остававшейся свободной, имелись ворота, через которые выпускался скот. Имеющиеся архивные данные позволяют говорить также о дворе как о постройке под двускатной крышей, стоящей отдельно от дома (многокамерного или четырёхстенка) (Супинский, 1935. С. 1–9, 23–28, 33–35).

Примечательно, что у лузско-летских коми в единый комплекс объединяли не только жилой дом с двухъярусным скотным двором, но и особую пристройку под односкатной крышей – *улич* на Летке, *стая*, *санник* на Лузе. Эту пристройку ставили обычно к боковой стене дома или двухъярусного двора, в передней стороне находились двухстворчатые ворота и одна или две (по обе стороны ворот) калитки, через которые по мосткам проходили к обычному высокому крыльцу, располагавшемуся внутри *улич*. Данная пристройка прикрывала от снега и дождя, находящиеся здесь колодец, погреб, связывала с жилым домом отдельно стоящий амбар. В случае оформления двора Г-образной формы *улич* пристраивали в угол, образованный двором и домом (рис. 8).

Рис. 8. Дом-четырёхстенок с Г-образным расположением двора. с. Прокопьевка.

В планировке такого севернорусского типа дома-двора с пристроенным сбоку, под односкатной кровлей хозяйственным двором с воротами и калиткой, соединяются два типа связей избы и двора, северная и средне-русская (Семенова, 1998. С. 130).

Таким образом, к концу XIX – первой половине XX в. в домостроительстве самой южной группы коми сформировался ряд определенных типологических и конструктивных особенностей, связанных с влиянием двух архитектурных традиций. С влиянием севернорусских традиций связываются особенности домостроительства лузских коми, для которых характерны большие дома под двускатной крышей, состоящие из нескольких комнат. Они представлены следующими типами: дома-двойни, пятистенки, шестистенки, шестистенки с заулком, дома с мезонином. На Летке распространены небольшие по размерам дома-четырёхстенки, состоящие из одной избы с сениями, покрытые двускатными крышами с залобком; нередко имеющие глаголеобразную связь с хозяйственным двором. Типологически они близки постройкам центральных и северных районов Вятского региона.

В настоящее время локальные черты традиционного жилища все более стираются. Новые дома в основном строятся по типу пятистенков либо уже не по традиционным образцам. При возведении или ремонте домов устанавливаются пластиковые окна; самцовая конструкция крыши и двускатная с залобком заменяются двускатной стропильной, при этом в качестве кровельного материала используется железо, шифер, металлические профилированные листы. Жилище традиционного типа претерпело изменения во внутренней планировке: появились встроенные перегородки между комнатами; убраны полати; в некоторых избах разбирается русская печь, проводится водяное отопление. Современный дом, как правило,

не имеет соединенного с ним хозяйственного двора и, характерных для традиционного домостроительства лузско-летских коми, пристроек улич, санник. Теперь необходимые хозяйственные постройки ставятся на усадьбе в некотором отдалении от жилища.

Литература

1. *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX – начало XX в. // Труды Института этнографии. М., 1958. Т. 45. С. 171–224.

2. *Бломквист Б.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 3–458. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. XXXI).

3. *Жеребцов Л.Н.* Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 97–107. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 38).

4. История Коми с древнейших времен до современности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар, 2011. Т. 2.

5. *Косарев М.С.* Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда. 1863 г. // ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130.

6. *Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н.* Отчет Прилузской этнографической экспедиции в 1959 г. Сыктывкар, 1960 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 48.

7. *Лукьянченко Т.В.* Жилище неславянских народов Севера Европейской России (Жилище кольских саамов, карел, вепсов, коми-зырян, коми-пермяков) // Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997. С. 104–125.

8. М.М. Среди пермяков // Волжско-Камское слово. Политическо-общественная газета. 1882. № 170.

9. *Семенова И.Г.* Типы поселений и жилище на Вятке // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 8: Этнография, фольклор / Областная писательская организация, Администрация Кировской области. Киров, 1998. С. 110–137.

10. *Супинский А.К.* Культура жилища коми (зырян). 1935 г. // НА МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 101.

11. *Чудова Т.И., Чудов С.И.* Традиционная архитектура коми (зырян): доместикация пространства: монография. Сыктывкар, 2013.

12. *Шургин И.Н.* От лесной избушки до церкви дивной. Деревянная архитектура коми. М., 2009.

Сокращения

ГАКО – Государственный архив Кировской области

НА МАЭ РАН – Научный архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук

ПМА – Полевые материалы экспедиции Бойко Ю.И. в Прилузский район Республики Коми в 2006–2012 гг.

НА Коми НЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

**Суеверная проза о домовом:
обзор современных полевых материалов
из Койгородского района Республики Коми**

П.А. Шахматская¹

В статье основное внимание акцентировано на обзоре устных рассказов о домовом. На основе современных полевых материалов, записанных в 2000-х гг., в работе рассматриваются традиционные представления о домовом: его облике, поведении, функциях, среде обитания. Выявлены запреты и предписания, а также практика выстраивания взаимоотношений с этим мифологическим персонажем.

Ключевые слова: демонология, суеверная проза, домовый, мифологический персонаж.

**Superstitious prose about the house spirit:
the review of modern field materials
from the Koyгородsky region of the Komi Republic**

P.A. Shachmatskaya

In the article the main attention is focused on the review of the oral stories about the house spirit. Based on contemporary field materials the paper discusses traditional ideas about the house spirit: its appearance, behavior, functions, habitat. The revealed prohibitions and regulations, practice of building relations with this mythological character.

Key words: demonology, superstitious prose, house spirit, mythological character.

В настоящее время отечественная фольклористика проявляет все больший интерес к изучению фольклорной культуры отдельных локальных традиций². Под локальным в фольклоре В.П. Аникин подразумевает «проявления местного бытования фольклора, все, что в нем отмечено печатью местности, то, что порождено спецификой местных социально-бытовых условий (Аникин, 1996. С. 344). В рамках этого направления интересны замечания Б.Н. Путилова о том, что «фольклорная традиционная культура в своем конк-

¹ **Шахматская Полина Александровна** – младший научный сотрудник сектора фольклора. Тематика научных исследований – устная проза локальных русских традиций Республики Коми, поэтика устной прозы, полевая фольклористика (ms.polina1989@mail.ru).

² Проблема изучения фольклора отдельных локальных / региональных традиций обозначена в отечественной фольклористике достаточно давно. К ней обращались такие исследователи, как Б.Н. Путилов (Путилов, 2003), Н.В. Соболева (Соболева, 1984), В.П. Аникин (Аникин, 1989. С. 3–24), В.И. Чичеров (Чичеров, 1982) и др.

ретном наполнении всегда региональна и локальна» (Путилов, 2003. С. 158). Исследователь отмечает: «Чтобы по-настоящему описать и охарактеризовать специфику фольклорной культуры региона, зоны, локального очага, нужны, по крайней мере, два условия: возможно более полное знание ее в синхронном разрезе и представление о ее историческом движении, а также возможность сопоставить с достаточно репрезентативными материалами по другим регионам, зонам и очагам» (Путилов, 2003. С. 161–162).

На территории Республики Коми примерами компактных русских локальных поселений могут служить села Усть-Цильма с прилегающими деревнями (Усть-Цилемский р-н), Серегово (Княжпогостский р-н), Лойма с населенными пунктами лоемского куста деревень (Прилузский р-н), а также горнозаводские поселения Нювчим (Сыктывдинский р-н), Кажым и Нючпас (Койгородский р-н).

Нючпас, Нювчим и Кажым – поселки, сформировавшиеся благодаря возникновению и организации в 50-х гг. XVIII в. Кажымских заводов. Группа Кажымских предприятий включала в себя три завода: Кажымский, Нювчимский¹ и Нючпасский, располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга². Для выполнения различных видов работ на заводы привозили крепостных работников из Архангельской, Вологодской, Вятской и других губерний России. В сознании жителей таких поселений еще жива «память о времени заселения территории и, возможно, об исторической родине первых засельщиков» (Власов, Канева, 2006. С. 24). Поэтому справедливо замечание исследователей о том, что «жанровый состав и функциональные особенности этих поздних традиций генетически привязаны к тем районам Русского Севера, из которых пришли предки современного населения» (Власов, Канева, 2006. С. 25).

Комплексные фольклорные исследования в поселках Нючпас и Кажым стали проводиться только в начале XXI в. В 1960-х гг. музыковедом П.И. Чисталевым был записан большой корпус песенных текстов³. Так как превалирующей задачей была фиксация образцов песенной традиции, прозаические жанры и другие материалы, характеризующие фольклорную культуру не фиксировались. Вновь интерес к заводским поселениям

¹ Отметим, что на Нювчимском заводе работали обученные заводскому делу крепостные крестьяне из Вятской и Великоустюжской губерний. Из трех заводов лишь на Нювчимском изготавливали кабинетное и художественное литье, получившее всероссийское признание.

² Пос. Нювчим расположен в 50 км от г. Сыктывкара, административно входит в Сыктывдинский район РК; пос. Кажым и Нючпас располагаются в Койгородском районе РК (Жеребцов, 1994; Иевлев, 2011).

³ Обработка полевых материалов выполнена Ю.А. Крашенинниковой, материалы частично опубликованы (Крашенинникова, 2010. С. 188–196).

возник только в 2000-х гг. В 2008, 2010, 2011, 2013 гг. сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН были осуществлены полевые выезды с целью комплексного обследования фольклорной культуры этих поселений, который позволил восполнить многолетний пробел в изучении локальных заводских традиций¹. Материалы обработаны и хранятся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН (Отчет 2013; Отчет 2014)², оригиналы записей находятся в секторе фольклора ИЯЛИ.

В ходе полевых обследований выяснилось, что выделяется большой пласт материалов, связанный непосредственно с суеверной прозой. В частности, наше внимание привлекли рассказы и представления о домовом³. Было зафиксировано свыше 60 текстов, различных по объему и содержанию (сюжетные тексты, краткие лаконичные суждения о мифологическом персонаже, его портретных характеристиках и функциях, поверья, запреты, предписания, описания обрядов и заговорно-заклинательных текстов, обращенных к домовому). Представим лишь отдельные наиболее интересные,

¹ Исследователями были осуществлены первые попытки описания собранного материала, в частности, опубликованы фольклорные материалы по заводской прозе пос. Кажым и Нючпас (Низовцева, Шахматская, 2013. С. 195–201), а также сведения о работе Нювчимского завода и выпускаемой на нем продукции (Бандура, Крашенинникова, 2011. С. 121–130; Зеленский, Крашенинникова, Бандура, 2009).

² См.: Лобанова Л.С., Низовцева С.Г., Рассыхаев А.Н. Отчет о полевых исследованиях фольклорных экспедиций в пос. Нючпас Койгородского р-на и пос. Нювчим Сыктывдинского р-на Республики Коми в 2011 г. Сыктывкар, 2014 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 804; Крашенинникова Ю.А., Рассыхаев А.Н., Шахматская П.А. Отчет о полевых исследованиях в Прилузском и Койгородском районах Республики Коми в 2010 г. Сыктывкар, 2013 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Материалы Отчета о полевых исследованиях фольклорной экспедиции в пос. Нючпас и Кажым Койгородского района Республики Коми в 2013 г. подготовлены, описаны и сданы на хранение в Научный архив Коми НЦ УрО РАН. В связи с этим мы делаем ссылки на полевые материалы.

³ Образ домового, его функции, происхождение и трансформация подробно рассмотрены в трудах Э.В. Померанцевой (Померанцева, 1975), Н.А. Криничной (Криничная, 2004), Е.Е. Левкиевской (Левкиевская, 2000), Л.Н. Виноградовой (Виноградова, 2000) и др. Кроме того, исследователями С.Г. Айвазян, В.П. Зиновьевым, Н.А. Гордеевой были систематизированы указатели мифологических персонажей, в том числе домового. См.: Айвазян С.Г. (при участии О. Якимовой). Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Э.В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 162–182; Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (дата обращения 03.02.2015); Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978/1984 гг.) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики. Межвуз. сб. науч. трудов. Иркутск, 1991. С. 99–112.

с нашей точки зрения, особенности суеверных рассказов и свидетельств о домовом, характерные для фольклорных традиций Кажыма и Нючпаса.

Домовым называют домашнего духа, который обеспечивает нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных. В рассказах информантов встречаются следующие наименования этого мифологического персонажа: *домовой, сусед, соседко, суседка, соседушко-буканушко, батюшко-соседушко, хозяин, батюшка, кокушка-буканушка*. При обращении к домовому с какой-либо просьбой (забота о членах семьи, уход за животными, присмотр за домом и др.) рассказчики применяют такие номинации как *«батюшка»*, *«батюшко-соседушко»*, подчеркивая тем самым теплое и уважительное отношение к этому домашнему духу.

Контакт с домовым происходит всегда неожиданно для человека², в рассказах отмечается словами и сочетаниями: *«почувствовала»*, *«как грохнет»*, *«затрещало»*, *«как возле печки трахнет»* и др. При описании домового информанты отмечают, что это существо мужского пола³, выде-

¹ Левкиевская Е.Е. Домовой // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 144–145.

² О психологии контакта человека с домашним духом подробно описывают С.И. Грахова, Н.И. Исмаилова. См.: Грахова С.И., Исмаилова Н.И. Устные рассказы о домашнем духе: психология контакта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–2 (31). С. 67–69.

³ Исключение составляют некоторые заговорно-заклинательные тексты, в которых встречаются следующие женские номинации: *«бабушка-соломонушка»*, *«матушка домовая»*, *«суседушко-матушка»*. Например: *«Ну кто домовой, бывает наверно домовенок какой-то. И это самое, а потом, наверно какой-то заговор бывает и снимает всё. [То есть можно избавиться от домового?] Наверно да. Жить в хороших отношениях с ним. [А как, что сделать, чтобы с ним в хороших отношениях жить?] А как, ой, поклониться на четыре стороны, да: «Батюшко домовой, матушка домовая. Батюшко домовой, матушка домовая»... Я в бане всегда помоюсь и говорю: «Батюшко, домовой, матушка домовая, батюшко домовой, спасибо за баньку, спасибо за пар». А в бане нас бабушки всегда парили и приговаривали, вот еще говорили: «Бабушка-соломонушка была, это по-другому, как она там <...> «жар да пар оставила, чтоб там ручки не болели, ножки не болели», чтоб там приговаривали все. <...> «Бабушка-соломонушка. У Христа была, мыла да парила. Нам жар да пар оставила <...> и доброе здоровьице» (Зап. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская 18.06.2013 г., Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Нючпас от Косаревой Эммы Николаевны (дев. фам. Данилова), 1948 г.р., урож. пос. Нючпас). Отметим, что образ бабушки Соломонии упоминается в заговорно-заклинательных текстах при мытье новорожденного младенца в бане, лечении грыжи, зубной боли и др. Аналогичный текст был зафиксирован в Вятской губернии. Ср.: *«Бабушка Соломонюшка Христа парила да и нам парку оставила. Господи благослови! <...>»*. Юдин А.В. Бабушка Соломония в восточнославянских заговорах и источники ее образа // Славянский и балканский фольклор. Винограде. Вып. 1. М., 2011. С. 215–216.*

ляя при этом разные типы внешности¹. В нашем корпусе текстов домовому присущи зооморфные черты; наиболее часто предстает в облике пушистого зверька (*«такой мохнатый», «маленький, мохнатенький такой», «серый, как кошка», «есть же лапы какие-то»*), реже в образе других животных (*«вроде бы курица – не курица», «лапы, как у гуся»*). Не менее популярны рассказы о домовом, имеющем антропоморфный облик. Так, домовый показывается в виде старика (*«старичок с бородой»*), маленького человека (*«небольшой человечек»*), в образе человека в шерсти (*«как человек, но весь лохматый»*), и др. Зафиксированы тексты, в которых информанты отмечают невидимость домового (*«невидимый», «просто мы его не видим»*), а также аморфные черты внешности этого мифологического персонажа (*«кто-то небольшой, маленький»*).

Место обитания домового – это дом, печь и печное пространство, хлев, сарай, подполье, полати, чердак (*«в хлеву», «он в доме живет», «домовой в каждом доме живет», «живут они в сарае кругом, и дома тоже», «видела на печке его», «за печкой», «под печкой», «на чердаке или где-то дома»*). Домовой обозначает свое присутствие чаще всего ночью, выдавая себя шумом, стуком, скрипом, треском, касанием человека и др.

В нашем корпусе текстов широкое распространение получили следующие мотивы: *домовой показывается людям в образе старика (Б1 1б); домовый показывается людям в виде человека в шерсти (Б1 1г); домовый ходит ночью по дому, оставаясь невидимым: стучит, шумит и т. д. (Б1 5ж); домовый портит скот: путает шерсть, гоняет животное (Б1 8б); домовый заплетает животным косы (Б1 8ц); домовый наваливается на спящего человека с целью предсказания будущего (Б1 9а); домовый наваливается на спящего человека с целью предупреждения об опасности/пожаре (Б1 13б).*

Поведение домового во многом зависит от взаимоотношений людей в семье. Поэтому, чтобы не рассердить этого мифологического персонажа, существует ряд предписаний и запретов, в частности, запрещается произносить бранные слова, кричать, ссориться и т. д.: *«[Ну а что нужно делать для того, чтобы домовому было хорошо?] Я не знаю, не ругаться ничё,*

¹ Некоторые исследователи выделяют пять типов внешности домового: зооморфный, антропоморфный, аморфный, загрязненный, невидимка. См.: Мифологическая проза славянского населения Красноярского края: в 2 т. Т. 1: Рассказы о домашних духах и людях со сверхъестественными способностями / Сост. Н.А. Новоселова, С.В. Калинина. Красноярск, 2011. С. 19–20.

² При выделении мотивов мы опирались на указатель В.П. Зиновьева. См.: Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (дата обращения: 03.02.2015).

жить, по-хорошему надо жить. Не пьянствовать, не ругаться матом, по-хорошему надо»¹.

Чтобы домовый не беспокоил по ночам, а также присматривал за домом и скотом, его стараются задобрить, оставляя в определенном месте (на столе, в углу дома) еду и воду (водку, чай): *«Ну, я как с детства помню, что на столе всегда надо было оставить что-то для домовушки, чтоб он не шалил, чтоб он покушал что-то из еды, да. [Всегда что-то должно стоять?] Да и еда, и чтоб водичка стояла. [А вот он человек или какой-то дух?] Ну как сказать, в старину думали, что это какой-то такой старичок-домовичок. Я как помню с детства. [А что про него рассказывали?] Ну, говорили, что если домовый в доме, значит всё в порядке, в дружбе надо [жить. – ПШ]. Вот и оставляли ему, чтоб он не шалил»².*

Большое распространение получили рассказы и свидетельства о том, что домовый давит спящего человека, тем самым предсказывая ему какое-либо событие³. В таких случаях у него нужно спросить: «К добру или к худу?». Если к плохому, то он ответит «кху» («к ху») или «к худу», если к хорошему, то ответит «к добру»: *«А тут у нас соседку давил, у нас в соседях там жила одна старушка, да. Он её давил, она только успела произнести: «К худу или к добру, говорит, давишь?» – «К ху, ху, ху»⁴. И у ней через месяц хозяин умер, да. Вот это правда было тоже, да»⁵.* В некоторых случаях люди сами обращаются к домовому с целью предсказания им будущего. В частности, был зафиксирован единичный сюжет, в котором девушки во время святочных гаданий⁵ обращаются к домовому

¹ Зап. Ю.А. Крашенинникова 6.07.2010 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Бурьловой Анны Андреевны (в дев. Овчинникова), 1933 г.р., урож. д. Большой Кашнур Советского р-на Кировской области.

² Зап. Ю.А. Крашенинникова, Н.А. Селиванова 2.07.2010 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Хариной Ираиды Николаевны (в дев. Чеглецова), 1923 г.р., урож. пос. Кажым.

³ Данный мотив встречается также в Новгородской и Архангельской обл. См.: Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М., 2009. С. 78–79; Традиционный фольклор Новгородской области. Серия Памятники русского фольклора. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999 гг. СПб., 2001. С. 236.

⁴ Зап. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская 24.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Гурьевой Нины Васильевны (в дев. Мелехина), 1938 г.р., урож. пос. Кажым.

⁵ Различные виды гаданий (при помощи золы, зеркала, лаптя, слушания и др.) с домовым или атрибутами, заменяющими его, подробно описывает Н.А. Криничная. См.: Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004. С. 182–192.

с просьбой указать дом жениха: <...> *Как же вон говорят: «Дом, домовой, укажи, говорят, дом родной». А как вот невесты иногда вот в Святки, значит, он помогает. [Как понять невесты в Святки?] Гадаят и говорят, вот так и говорят: «Дом, домовой, укажи, говорит, дом родной. Не дом, говорит, а семью, а не семью, дак его самого [жениха. – ПШ]»¹. Домовой может предупредить о пожаре. Например, был зафиксирован сюжет, в котором домовой разбудил хозяйку, когда загорелся дом²: «<...> А вот он-то [домовой. – ПШ], там-то все сгорело, дак может он не может себе места найти? <...> Ни рук ничё не было у меня, вот к стенке давит, давит к стенке, а не рук ничё же я не чувствовала. [Это когда пожар был?] Да. Я же не рук не чувствовала. [Вы уснули?] Да, сразу как-то я уснула. И потом чувствую, меня кто-то давит, к стене-то давит, да. Я глаза открыла. Ой, опять всю ночь не спать! Глаза так и закрываются. Снова меня давит. Я голову-то подняла, может, стоит кто-то, но я не чувствовала рук-то, не чувствовала, и свет этот увидела сразу. Наверно [домовой. – ПШ] спас <...>»³. В другом рассказе домовой оповестил информанта о том, что она забыла выключить свет и др.*

Широкое распространение получили сюжеты, связанные с воздействием домового на скот. Так как благополучие скота зависит от отношения к нему домашнего духа, то перед тем как купить лошадь или корову, хозяин старается узнать какую масть предпочитает домовой. Для этого в ночь, перед Пасхой, хозяин залезает на чердак, чтобы посмотреть какого цвета домовой: «У нас у одной бабы, кони раньше ж были, кони не, что не купят коня, так и загоняет. Загоняет он [домовой. – ПШ] его, они худые, красные. Она говорит, ну ладно. Полезу я на двенадцатую ночь [в полночь. – ПШ] в под Пасху. И начинают кричать: «Христос воскрес!». Она полезла на дом и пресветила [засветила слегка, еле-еле. – ПШ] свечку. Сидит он. Серый, как кошка. И вот такого она коня купила и сказала: «Такий конь был, что я видала». Серый, как кошка. [То

¹ Зап. Ю.А. Крашенинникова 6.07.2010 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Бурыловой Анны Андреевны (в дев. Овчинникова), 1933 г.р., урож. д. Большой Кашнур Советского р-на Кировской области.

² Аналогичный сюжет, строящийся по одинаковой схеме был зафиксирован в другой фольклорной традиции, в частности, в Воронежской обл. См.: Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. VI: Былички и бивальщины Воронежского края / Сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж, 2008. С. 192.

³ Зап. Ю.А. Крашенинникова 24.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Чистопрудовой Екатерины Александровны, 1936 г.р., урож. пос. Кажым.

есть она посмотрела, какого цвета домовой?] Да. <...> [Получился по двору¹ этот конь?] Да, по двору пошёл. И вот он, этот конь, аж блеснит, стал. А только чё не куплят – худеют, худеют, худеют, и ничё не можешь сделать. Эта баба говорит: «Ладно, доживём до Паски, я полезу на дом. Посмотрю, какой домовой». И полезла, коза на двенадцать ночи. И свечку засветила, сидит, глаза мелькают, мелькают. Она посмотрела, она с ним ещё поговорила. <...> «Сидишь?» – «Сидишь». – «Ну, сиди, я пошла»².

Не менее популярны сюжеты, характерные для общерусской традиции в целом, о любви / нелюбви домового к домашнему скоту. Если животное приходится не по нраву домовому, оно начинает болеть, худеть, терять шерсть и др. В таких случаях хозяин вынужден продать или зарезать животное: *«У нас, значит, у мамы, мама рассказывала, да. Она когда-то, говорит, пришла корову доить, и вот на то грешила, что сосед вот это, сосед, говорит, декуется»³. <...> Ужас, говорит, какая корова у меня была страшная. Он, говорит, всю её оплёл. Я, говорит, потом всё убирала, прямо убирала это всё. Вот не залюбит скотинку, потом даже скотинку резали. Не залюбит скотинку, говорит, вообще приходится убирать со двора»⁴. Чтобы этого избежать, стараются не только выбрать животное «по масти», но и правильно ввести его в первый раз в хлев. Перед тем как завести корову / лошадь в скотный двор, обращаются к домовому с просьбой хорошо следить за животным: «Батюшко-*

¹ При покупке выбор масти животного связывали с предполагаемыми предпочтениями домового. Если человек угождал ему, то домового приглядывал за животным, заботился о нем. Если хозяин не угадывал с мастью (цветом животного), то домового начинал всячески ему вредить (животное не «по двору» или «не по масти»).

² Зап. Ю.А. Крашенинникова 20.06.2013 г. Республика Коми Койгородский р-н, пос. Нючпас от Обрезановой Октябрины Николаевны (в дев. Данилова), 1937 г.р., урож. пос. Нючпас.

³ Дековаться (над кем-л.) – новг., твер., вологод., вят., яросл., перм., свердл., челяб., тобол., томск., забайк., енис. ‘издеваться, глумиться, безобразничать’ (Словарь русских народных говоров. Вып. 7: Гона – Деть / сост.: Н.И. Андреева-Васина, О.Д. Кузнецова, А.Ф. Марецкая, П.И. Павленко, И.А. Попов; гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1972. С. 337).

⁴ Зап. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская 24.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Гурьевой Нины Васильевны (в дев. Мелехина), 1938 г.р., урож. пос. Кажым.

*соседушко, пой да корми*¹, *за скотинкой следи*»²; *«Соседушка-батюшка, береги мою корову или скотину»*³; *«Кокушко-буканушко, люби мою скотинушку, пой да корми»* (НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 172); *«Соседушко-батюшка, прими мою скотину»*⁴; *«Кокышко-буканушко, пой, корми, люби»*⁵; *«Суседушко-боканушко, на тебе особинку. Люби да пой, корми»*⁶ и др.

Особое внимание уделяется домовому при переходе семьи в новый дом. Приглашение домового перейти из старого жилья в новое является необходимым условием переселения и сопровождается следующими словами: *«Ну, хозяин мой, пойдём домой»*⁷; *«Домовой, домовый, пойдём со мной, пойдём с нами в новый дом»*⁸; *«Домовой, домовый, мы здесь жили дружно, пойдём с нами в новый дом»*⁹; *«Соседушко-буканушка, давай будем жить*

¹ В приговорах домовому, произносимых при вводе нового животного в хлев, записанных от русского населения с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми, также зафиксирована заклинательная формула «пой, корми», амплификация которой происходит «за счет факультативных элементов («люби»; «гладь»; «рости»; «храни»; «ухаживай» и прочие)». См.: Крашенинникова Ю.А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма // Живая старина. 2009. № 3. С. 18.

² Зап. Ю.А. Крашенинникова 24.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Шишнева Дмитрия Николаевича, 1932 г.р., урж. пос. Кажым.

³ Зап. Ю.А. Крашенинникова 19.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Нючпас от Белых Дины Ивановны (в дев. Костина), 1938 г.р., урж. пос. Нючпас.

⁴ Зап. Ю.А. Крашенинникова 19.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Нючпас от Белых Дины Ивановны (в дев. Костина), 1938 г.р., урж. пос. Нючпас.

⁵ Зап. Ю.А. Крашенинникова 24.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Безносиковой Дины Дмитриевны (в дев. Комышева), 1938 г.р., урж. пос. Кажым.

⁶ Зап. Ю.А. Крашенинникова 25.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Косаревой Раисы Андреевны (в дев. Овчинникова), 1936 г.р., урж. д. Большой Кашнур Советского р-на Кировской обл., переехала в Кажым в 1956 г.

⁷ Зап. Ю.А. Крашенинникова, С.Г. Низовцева 18.06.2013 г. Республика Коми Койгородский р-н, пос. Нючпас от Кушховой Лины Николаевны, 1931 г.р. урж. пос. Нючпас., Обрезановой Октябрины Николаевны, 1937 г.р., Козловой Полины Николаевны, 1942 г.р.

⁸ Зап. Ю.А. Крашенинникова 19.06.2013 г. Республика Коми Койгородский р-н, пос. Нючпас от Шмидт Галины Тихоновны (в дев. Строганова), 1944 г.р., урж. Республики Карелия (родители из. пос. Нючпас).

⁹ Зап. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская 19.06.2013 г. Республика Коми Койгородский р-н, пос. Нючпас от Володичевой Маргариты Николаевны (в дев. Косарева), 1948 г.р., урж. пос. Нючпас.

*вместе, хозяйевать, домовать, хозяйевать»*¹; *«Кокышко-буканушко, поехали с нами, мы поехали на новое место, поехали с нами»*² и др. При переходе в новый дом хозяйка обращается к домовому также с просьбой о хорошем обращении с ее детьми: *«Соседушко-бокранушко, люби моих деточек. Пой, корми, не обидь»* (НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 116).

Зафиксированы тексты, в которых информанты отмечают, что для спокойного сна в новом доме нужно обязательно поставить в изголовье кровати горшок с кашей и сказать: *«Суседушко-матушка, пойдёте со мной зимовать, жить в мире, дружбе и благополучии»* (НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 164); *«Соседушко-буканушка, как-то, давай будем жить вместе, хозяйевать, домовать, хозяйевать»*³. К домовому обращаются также с просьбой охранять дом во время отсутствия хозяев: *«Батюшка, сохрани мой дом, никого нету, оставила одного, один дом»* <...> [При возвращении домой произносят. – ПШ] *«Спасибо, что сохранил, батюшка, ты у меня, всё у меня в порядке»*⁴.

В целом на исследуемой территории суеверная проза о домовом в жанровом отношении сохранила многие мотивы известных фольклорных сюжетов, характерные как для суеверной прозы Русского Севера, так и для общерусской традиции. Выделяются незначительные различия при описании контакта человека с домовым, в характеристике мифологического персонажа, а также в его номинациях.

Литература

1. Айвазян С.Г. (при участии О. Якимовой). Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Э.В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 162–182.

2. Аникин В.П. Общерусское и локальное творчество в фольклоре (К общей постановке проблемы) // Фольклор народов Поволжья: Проблемы регионального изучения. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола, 1989. С. 3–24.

¹ Зап. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская 22.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Добровой Ираиды Михайловны (в дев. Леушина), 1934 г.р., урож. пос. Кажым.

² Зап. Ю.А. Крашенинникова 24.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Безносиковой Дины Дмитриевны (в дев. Комышева), 1938 г.р., урож. пос. Кажым.

³ Зап. С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская 22.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Кажым от Добровой Ираиды Михайловны (в дев. Леушина), 1934 г.р., урож. пос. Кажым.

⁴ Зап. Ю.А. Крашенинникова, С.Г. Низовцева, П.А. Шахматская 20.06.2013 г. Республика Коми, Койгородский р-н, пос. Нючпас от Михайловой Галины Николаевны (в дев. Данилова), 1928 г.р., урож. пос. Нючпас.

3. Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций. М., 1996.
4. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. VI: Былички и бывальщины Воронежского края / Сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж, 2008.
5. Бандура С.В., Крашенинникова Ю.А. Культурное наследие Нювчима: из опыта презентации музейной коллекции через фольклорный текст // Славянская традиционная культура и современный мир. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: сборник научных статей. М., 2011. Вып. 14. С. 121–130.
6. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
7. Власов А.Н., Канева Т.С. К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения. Сборник научных трудов. Сыктывкар, 2006. С. 16–39.
8. Гордеева Н.А. Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978–1884 гг.) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 1991. С. 99–112.
9. Грахова С.И., Исмаилова Н.И. Устные рассказы о домашнем духе: психология контакта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–2 (31). С. 67–69.
10. Жеребцов И.Л. Где ты живешь: населенные пункты РК. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994.
11. Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (дата обращения 03.02.2015).
12. Иевлев А.А. Закрытие Кажимского и Нючпасского железоделательных заводов. Сыктывкар, 2011.
13. Крашенинникова Ю.А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма // Живая старина. 2009. № 3. С. 18–20.
14. Крашенинникова Ю.А. Полевые дневники П.И. Чисталева как источник для изучения песенной фольклорной традиции п. Нювчим // Музей и краеведение. Сыктывкар, 2010. С. 188–196. (Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 7).
15. Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
16. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М., 2000. (Мифы народов мира).
17. Левкиевская Е.Е. Домовой // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 144–145.
18. Мифологическая проза славянского населения Красноярского края: в 2 т. Т. 1: Рассказы о домашних духах и людях со сверхъестественными способностями / Сост. Н.А. Новоселова, С.В. Калинина. Красноярск, 2011.
19. Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М., 2009.
20. Отчет 2013 – Крашенинникова Ю.А., Рассыхаев А.Н., Шахматская П.А. Отчет о полевых исследованиях в Прилузском и Койгородском районах

Республики Коми в 2010 г. Сыктывкар, 2013 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 789.

21. Отчет 2014 – *Лобанова Л.С., Низовцева С.Г., Рассыхаев А.Н.* Отчет о полевых исследованиях фольклорных экспедиций в пос. Нючпас Койгородского р-на и пос. Нювчим Сыктывдинского р-на Республики Коми в 2011 г. Сыктывкар, 2014 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 804.

22. Отчет 2015 – *Крашенинникова Ю.А., Низовцева С.Г., Шахматская П.А.* Отчет о полевых исследованиях фольклорной экспедиции в пос. Нючпас и Кажым Койгородского района Республики Коми в 2013 г. (сдан в архив).

23. *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

24. *Путилов Б.Н.* Региональное / локальное начало в фольклоре // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In *metotiam*. СПб., 2003. С. 156–165.

25. Словарь русских народных говоров. Вып. 7: Гона – Деть / Сост. Н.И. Андреева-Васина, О.Д. Кузнецова, А.Ф. Марецкая, П.И. Павленко, И.А. Попов; Гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1972.

26. *Соболева Н.В.* Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. Новосибирск, 1984.

27. Традиционный фольклор Новгородской области. Серия Памятники русского фольклора. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999 гг. / Изд. подг. М.Н. Власовой, В.И. Жеулиной; Науч. ред. А.Ф. Некрылова. СПб., 2001.

28. Художественное литье Нювчимского чугунолитейного завода / Сост. В.С. Зеленский, Ю.А. Крашенинникова, С.В. Бандура. Сыктывкар, 2009. (Серия «Раритеты». Национальный музей Республики Коми. Вып. 3).

29. *Чичеров В.И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982.

30. *Юдин А.В.* Бабушка Соломония в восточнославянских заговорах и источники ее образа // Славянский и балканский фольклор. Винограде. М., 2011. Вып. 1. С. 215–224.

Сокращения

ФФ ИЯЛИ – фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар)

НА Коми НЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

РК – Республика Коми

УДК 811.511.1:82–13=30

Звуковые повторы в коми переводе «Калевалы» А.И. Туркина

Н.А. Ракин¹

Аллитерация является одой из основных стилистических особенностей «Калевалы». В работе рассматривается коми перевод «Калевалы» А.И. Туркина, анализ которого показывает, что и в коми тексте часто встречаются звуковые повторы. Количественные показатели позволяют предположить, что автор перевода стремился к нахождению созвучных слов и введению их в текст, однако аллитерация здесь всё же не является структурной (как в оригинале), а остается случайной. Она не является организующим и характеризующим текст фонетическим фактором.

Ключевые слова: «Калевала», аллитерация, коми перевод.

Alliteration in the translation of the «Kalevala» into Komi by A.I. Turkin

N.A. Rakin

Alliteration is one of the leading stylistic features characteristic of the Kalevala verse. This analysis of the translation of the «Kalevala» into Komi by A.I. Turkin shows that alliteration is fairly frequent in the target text. The examples of alliteration and data on the occurrences of alliteration in the translation allow suggesting that the translator may have attempted to make use of consonant words. However, alliteration observed in the translation cannot be regarded as a characteristic phonetic factor that participates in the organization of the text. It proves to be accidental, not structural (as it is in the original text of the «Kalevala»).

Key words: the «Kalevala», alliteration, the Komi translation.

¹ **Ракин Николай Анатольевич** – доктор философии (Doctor of Philosophy, PhD), научный сотрудник сектора языка. Тематика научных исследований – финно-угорская лингвистика, теория художественного перевода (лингвистические аспекты) (nikrakin@yahoo.com).

Аллитерация в «Калевале»

Термин аллитерация, по мнению исследователей, впервые появился в Италии. Однако в разное время, в разных культурах и языках, у разных авторов содержание, вкладываемое в этот термин, было различным. Под аллитерацией понимался, помимо повтора звуков в начале слова или в ударном слоге, повтор в каких угодно слогах каких угодно согласных и их сочетаний, а также повторение начальных гласных. Так, в Германии не разграничивают аллитерацию гласных и согласных. В Англии придерживаются аналогичной трактовки, хотя иногда под аллитерацией там понимают созвучие согласных (первых и других согласных слова). Русская аллитерация ограничивается консонансом, т.е. созвучием одинаковых согласных. Эстонские исследователи выделяют консонанс, являющийся синонимом аллитерации, и ассонанс – созвучие гласных. Вместе они образуют такое понятие, как начальная рифма (*algriiim*) (Leino, 1970. С. 11–12; Laugaste, 1962. С. 531; Семенова, 2001. С. 113).

Финские исследователи к аллитерации (*alkusointu, allitteraatio*) относят повторы согласных и гласных в начале слова. Степень созвучия может быть сильной и слабой (*vahva / heikko alkusointu*). Сильная степень наблюдается в тех случаях, когда в нескольких словах строки за одинаковыми начальными согласными следуют одинаковые гласные, или слова начинаются одним и тем же гласным звуком. При слабом созвучии после одинаковых согласных следуют разные гласные, или слова начинаются разными гласными (Leino, 1970. С. 11).

Сильная аллитерация наблюдается, например, в следующих строках «Калевалы»:

<i><u>P</u>ane <u>p</u>aita <u>p</u>alttinainen, <u>l</u>iit¹ä <u>l</u>iinan-aivinainen...</i>	Надень рубашку холщевую, Поверх добавь льняную...
(4: 171–172) ¹	
<i><u>O</u>tti <u>q</u>lkisen <u>q</u>rihin, <u>h</u>ernevartisen <u>h</u>evosen...</i>	Взял соломенного [цвета] жеребца, Горохового стебля [цвета] лошадь.
(6: 5–6)	
Слабая:	
<i><u>V</u>iikon <u>y</u>uotti <u>V</u>äinämöistä, <u>v</u>iikon <u>y</u>uotti, ei <u>v</u>äsynyt...</i>	Долго ждал Вяйнямёйнена, Долго ждал, не устал...
(6: 65–66)	
<i><u>E</u>i <u>o</u>llut iässä pilvi...</i>	Не была [это] на востоке туча...
(6: 87)	

¹ Здесь и далее: первая цифра – номер руны оригинала «Калевалы» или ее коми перевода; цифры после двоеточия – номера строк соответствующей руны.

Аллитерация является одной из ведущих стилистических черт звуковой организации так называемого калевальского стихосложения, которое подразумевает под собой использование восьмисложных трохеических строк. Звуковые повторы обычно находятся внутри строки, их местонахождение совершенно свободное. Несмотря на то, что звукопись является одной из отличительных особенностей калевальского стихосложения, она не носит обязательного характера: до 20 % калевальских строк не являются аллитерированными. По мнению исследователей, калевальский размер зародился в прафинскую эпоху, так как он известен у большинства прибалтийско-финских народов. Сама же аллитерация старше, чем восьмисложная калевальская строка: возникнув и развиваясь одновременно с появлением и развитием народной поэзии, она принимала участие в образовании формы калевальского стихосложения.

По мнению Э. Лаугасте, первоначально основой звукописи мог быть повтор слов, позже повторяющиеся слова начали изменять (или заменять) с целью варьирования: первый слог или звук оставался прежним, следующий звук заменялся, изменяли ударный согласный или гласный (Laugaste, 1962. С. 531). П. Лейно, ссылаясь на других исследователей, так описывает возможный вариант зарождения аллитерации (а также рифмы и вообще повторов звуков в строке): в группе выражений всегда случайно появлялись повторы звуков; как говорящий, так и слушающий инстинктивно чувствовали, что у подобных выражений с созвучиями была особая сила; их сохраняли в памяти и потом использовали в подходящих случаях с целью придать большую значимость произносимому; инстинктивно, но и сознательно создавали подобные же выражения, так использование аллитерированных (и рифмованных) фраз расширялось (Leino, 1970. С. 18).

Интенсивное культивирование аллитерации в прибалтийско-финских языках и прежде всего в рунах калевальского размера когда-то хотели видеть германским заимствованием. Однако данное явление у германцев и прибалтийских финнов зародилось и развивалось отдельно. Среди других финно-угорских народов начальная рифма обнаружена также в мордовском и марийском языках, ее пытались найти в венгерском, хантыйском и мансийском языках (Leino, 1970. С. 13; Laugaste, 1968. С. 1881). По мнению П. Лейно, аллитерация является естественным следствием возможностей конкретного языка, и её использование и распространение во многом зависит от его строения (Leino, 1970. С. 19). Э. Лаугасте в свою очередь отмечает, что она наиболее характерна для устного народного творчества тех народов, в языке которых ударение падает на первый слог (Laugaste, 1962. С. 532).

У аллитерации выделяются организующая (структурная), мнемоническая, эстетическая функции. Организующая речь функция заключается

в том, что одно какое-либо слово в строке требует появления определенного созвучного с ним слова. Эти слова являются в строке более связанными друг с другом, они с точки зрения содержания предложения более значимы, чем другие, их нелегко изменить и заменить. С помощью этих аллиментирующих друг с другом слов усиливается мысль предложения. Таким образом, аллитерация имеет большое влияние на выбор слов, на её основе со временем многие словосочетания стали постоянными, появились стереотипные словосочетания и строки. Это, в свою очередь, благоприятствовало превращению звукописи в системное явление (Laugaste, 1962. С. 531; Laugaste, 1968. С. 1874).

Мнемоническая функция аллитерации заключается в том, что она, ограничивая выбор возможных слов, содействует запоминанию и сохранению строк в памяти. Эта функция важна для исполнителей-передатчиков устной поэзии. Она реализуется при пении, а при малых формах – часто через стереотипные выражения и определенные сочетания слов. Подобные устойчивые словосочетания встречаются во многих песнях, не неся с собой информации о том, куда они первоначально относились.

Так как народное творчество передавалось дальше на слух с помощью пения и речи, в качестве звукового средства аллитерации присуще и сильное эстетическое влияние. Все эти три функции проявляются одновременно (Laugaste, 1968. С. 1874–1875; Leino, 1970. С. 21).

Исследователи часто отмечают связь аллитерации и параллелизма. Оба эти явления являются особыми видами широкой категории повторов. Множественные повторы звуков, слов, строк, эпизодов и идей, к которым относятся и аллитерация с параллелизмом, являются одним из естественных компонентов рунических стихов. Между частями параллельной группы наблюдаются синонимические отношения, из-за чего слова в строках взаимно обусловлены, так же как и при аллитерации. Через параллелизм развивается образ, и аллитерация играет свою роль в этом развитии. Она помогает исполнителю более ярко вести образ дальше (Laugaste, 1968. С. 1880; Leino, 1970. С. 18).

По данным Э. Лаугасте (Laugaste, 1968. С. 1879–1880), которые относятся к эстонской народной поэзии, но, на наш взгляд, применимы и к калевальским рунам, из частей речи аллиментируют чаще всего прилагательные, затем числительные, существительные и глаголы. Одна из причин этого заключается в том, что выражающие признак слова и числительные подбирались к главному слову с учетом аллитерации. То же относится к именам собственным (антропонимам и топонимам). Наречия, местоимения и союзы аллиментируют в меньшей степени. Из членов предложения связанные (зависимые) члены предложения бывают в созвучии в два раза

чаще, чем независимые друг от друга. Наиболее часто встречается аллитерация предиката и его дополнений.

Как правило, аллитерация наблюдается в пределах одной строки. Однако она может и переходить через строку, даже через две, три, реже четыре, образуя, таким образом, цепь. Это случается редко, и не имеет особой значимости, но все-таки это явление показывает более сильную связь параллельных строк (Laugaste, 1968. С. 1880; Laugaste, 1962. С. 537). Например:

<u>K</u> ävipä <u>k</u> ivehen <u>k</u> irves,	Наскочил на камень топор,
<u>k</u> aša <u>k</u> alkkoi <u>k</u> alliohon;	Угол лезвия на скалу;
<u>k</u> irves <u>k</u> ilpistyi <u>k</u> ivestä...	Топор отскочил от камня...

(8: 155–157)

В зависимости от местоположения созвучных слов внутри строки можно выделить следующие типы аллитераций: аллитерационные созвучия первого и второго слова строки (1+2: Suihki sukkula piossa (8: 11) 'жужжал челнок в пригоршне'); первого и третьего слова (1+3: Kutsui neittä korjahansa (8: 119) '[Он] позвал девицу в [свои] сани'); второго и третьего (2+3: peitti maassa marjan varret (8: 189) 'затопила [кровь] на земле стебли ягод') т.п.; созвучие двух разных пар слов одной строки: первого – со вторым, третьего – с четвертым (1+2, 3+4: rauta raukka, koito kuona (9: 272) 'железо бедное, несчастный шлак'); первого – с третьим, второго – с четвертым (1+3, 2+4: En liiku omin lihoini (9: 507) 'Не двигаюсь [я] своим телом'). Аллитерация двух разных пар слов возможна лишь в строках, содержащих четыре и более слова. При этом не все аллитерационные пары одинаковы по своей интенсивности: одна из них обычно находится в сильном созвучии, другая – в слабом (Семенова, 2001. С. 115–116).

Аллитерация не ограничивается калевальскими рунами и фольклором в калевальском размере, она встречается в пословицах, поговорках, загадках скороговорках, считалках, причитаниях и в прозаических жанрах. Значительна её роль в фразеологии. Она используется и в современной поэзии, нередко в языке рекламы, в лозунгах, названиях книг и кинофильмов. По этой причине аллитерация не является критерием, четко разграничивающим старый и новый фольклор, народную и современную профессиональную поэзию (Leino, 1970. С. 12–13; Laugaste, 1962. С. 531, 537).

П. Лейно выделяет структурную аллитерацию (обязательную и факультативную) и окказиональную (случайную), рождающую звуковые эффекты и распространенную в лирике. Главным критерием разграничения этих двух типов он считает частоту употребления звуковых повторов. Если она превышает частоту случайных аллитераций и является тем фонетическим фактором, который более сильно руководит выбором слов (а не,

например, рифма или ассонанс), т.е. остается активным на протяжении всего процесса, в результате которого рождается текст, тогда созвучия можно назвать структурными, а, если аллитерация активизируется единственно лишь в отдельных пунктах процесса, она является окказиональной (Leino, 1970. С. 22).

К структурной аллитерации относится звукопись «Калевалы», а к случайной, появляющейся эпизодически – звуковые повторы, например, в русском языке (Карху, 1978. С. 124).

Аллитерация в коми переводе «Калевалы» А.И. Туркина

К случайной аллитерации можно отнести и примеры звуковых повторов, встречающиеся в коми переводе «Калевалы», выполненного А.И. Туркиным (руны 1–10, 34, 40, 41, 44) (Калевала 1980; Калевала 1984; Калевала 1985а; Калевала 1985б; Калевала 1985в; Калевала 1985г; Калевала 1987; Калевала 1991; Калевала 1996; Калевала 1999; Калевала 2000а; Калевала 2000б; Калевала 2000в; Калевала 2000г; Калевала 2000д; Калевала. Карело-финской эпос. 44-öd сьыланкыв. Кантелелён чужом. Финской кыв выльыс вуджодіс А.И. Туркин. Рукопись. Музей истории просвещения Коми края. ОФ 16012). И хотя в одной из своих статей автор перевода пишет, что посредством коми языка невозможно передать данную стилистическую особенность эпоса (Туркин, 1985. С. 9), все же при детальном рассмотрении, оказывается, что аллитерация (в указанной выше финской трактовке данного термина) в тексте перевода встречается довольно часто.

В тексте переводов нами обнаружено 1539 строк, в которых имеются слова с аллитерацией. Всего «Калевала» на коми языке состоит из 5132 стихов. Таким образом, получается, что звуковые повторы встречается в 30 % строк коми текста.

В количественном отношении больше всего строк с аллитерацией содержит руна 9 (всего 211 таких стихов), за ней следуют руны 4 (165), 3 (149), 10 (120), 44 (119), 40 (111), 7 (108), 2 (106), 1 (97), 41 (77), 8 и 34 (по 73 каждая), 6 (66) и 5 (64). Относительно же общего количества строк одной отдельно взятой руны наиболее насыщенными звуковыми повторами являются руны 9 и 44, 36 % стихов которых содержат созвучные пары слов, немного уступают им руны 40 (33 %), 4 (32 %), 41 (31 %), 1 и 34 (30 % каждая). В остальных рунах количество строк с аллитерацией колеблется в пределах 26–29 %.

С точки зрения интенсивности в подавляющем количестве случаев наблюдается слабая аллитерация: 1235 стихов перевода содержат слабые созвучия (80 % от общего числа звуковых повторов), 249 – сильные (17 %), остальные 55 – смешанные аллитерационные созвучия двух разных пар слов одной строки (3 %).

Встречающиеся в тексте перевода слова с аллитерацией могут начинаться 28-ю различными звуками (из них 21 согласный и 7 гласных). Наиболее часто звукопись встречается среди слов, начинающихся на согласный к. Доля таких пар от общего числа созвучий составляет 34 %. Чуть реже встречается аллитерация слов с начальным в: на их долю приходится 23 %. Далее следуют пары на п (11 %), м (10 %) и с (5 %). 15 % созвучий приходится на такие звуки (в соответствии с уменьшением их количества), как *т, б, сь, л, ч, д, з, нь, й, ш, н, з, ж, дз, р, ль*. В 2 % случаев аллитерируют слова, начинающиеся на гласные *о, у, э, а, и, ё, ы*. Нами не обнаружены созвучия слов с начальными звуками *дь, дж, зь, тш, ть*.

Среди сильных аллитераций (т.е. когда полностью совпадает первый слог слов) чаще всего встречаются созвучия слов с начальными *ко, кё, во, вё, лу, ме, му, нё, кы, си, чу, до, по, йо (= ё), ве, сьы, ту, шо* (расположены по мере убывания частоты употребления). Всего же нами обнаружено 64 варианта слогов выступающих в роли сильной аллитерации. 25 % сильных аллитерационных созвучий приходится на повторения одного и того же слова, столько же приходится на однокоренные слова.

По количеству вступающих в созвучие слов можно выделить следующие типы аллитераций:

a-a,
a-a-a,
a-a-a-a,
a-a+б-б,
a-a+б-б-б

Первый тип может содержать либо сильную, либо слабую аллитерацию, остальные – как сильную или слабую, так и смешанную, т.е. одна часть компонентов одной и той же начальной рифмы может быть в сильном, а другая ее часть в слабом созвучии.

а-а

Самый многочисленный тип аллитерации. В тексте перевода нами выявлено 1365 (или 88 % от общего числа) строк, содержащих созвучия подобного вида. Подавляющее большинство из них содержит слабую аллитерацию, таких стихов 1138 (или 83 %), сильную же – 227 (17 %). Так как строка перевода может содержать до 5–7 слов, то в зависимости от нахождения созвучных слов внутри строки, нами выявлено 15 вариантов пар (из 20 возможных). Самыми распространенными из них являются следующие (примеры на сильную, слабую аллитерацию и аллитерацию гласных):

1+2 (всего 245 случаев):

Посни понѡль вожъяс костысь (1: 55) 'Из ветвей мелкой поросли';
Паръяс помся гилялѡны (1: 7) 'Губы без конца чешутся';
*Увйысь увйѡ чеч-
чалісны (41: 36) 'С ветки на ветку прыгали'*

1+3 (всего 269):

***Вы**на кияс **вы**лѡ мыджсис* (1: 326) 'На сильные руки опёрся'; ***Кай**яс чукѡртисны **кы**въяс* (1: 68) 'Птицы собрали песни'; ***О**илѡн паськыд **ор**дым вылын* (9: 127) 'На широкой тропе медведя'

1+4 (всего 161):

***Н**овлі лун и **нов**лі мѡдѡс* (4: 158) '[Я] носила день и носила второй'; ***М**едым луныс пуксис **ми**ча* (1: 99) 'Чтобы день настал красивым'; ***А**чым тѡда кѡртлысь **арт**мѡм* (9: 27) 'Сам [я] знаю железа рожденье'

2+3 (всего 204):

***К**ѡні **но**зис **но**зтор вѡчны* (1: 181) 'Где можно было гнездо сделать'; ***С**ійѡ **в**ѡлі **ва**лѡн мамѡн* (1: 141) 'Она была воды матерью'; ***М**еным **э**тиша **э**ськѡ ковмис* (4: 223) 'Мне мало бы понадобилось'

2+4 (всего 219):

***О**шлысь **ко**к туйяссѡ **кор**сьѡ* (9: 122) 'Медведя следы ищет'; ***Т**ѡлыс **п**ѡльтис сылы **пи**ѡс* (1: 132) 'Ветер надул ей сына'; ***Н**ырыс **из** щельяѡ **ин**мѡ* (7: 51) '[Его] клюв в каменистый обрыв попадает'

3+4 (всего 145):

***Л**эчыд шыпурт **дор**ччысь **дор**ис* (9: 98) 'Острый меч кователь выковал'; ***Ш**ѡвкысь чѡрѡс **ко**кад **к**ѡмав* (4: 171) 'Шёлковые чулки на ноги надень'; ***К**ор ме **а**ддза **а**слам синмѡн* (10: 115) 'Когда я увижу своими глазами'

Другие, реже встречающиеся варианты (по мере уменьшения количества): 1+5 (31 пример), 3+5 (29), 2+5 (28), 4+5 (22), 3+6 (6), 1+6 (2), 2+6 (2), 4+6 (1) 5+7 (1).

а-а-а

В тексте перевода встречаются такие строки, в которых аллитерируются три каких-либо слова. Таких строк нами обнаружено 107 (7 %). По своей интенсивности, т.е. соотношения слабого (далее С) и сильного (далее СЛ) созвучий, данный тип аллитерации может быть следующих видов: С–С–С (всего 61 случаев), СЛ–СЛ–СЛ (5 случая), СЛ–С–СЛ (17 случая), С–СЛ–СЛ (14 случая), СЛ–СЛ–С (10 случая). С точки зрения нахождения созвучных слов внутри строки в тексте перевода нами обнаружены 13 различных комбинаций. Наиболее часто встречающиеся из них (в следующей последовательности: С–С–С, СЛ–СЛ–СЛ, СЛ–С–СЛ, С–СЛ–СЛ, СЛ–СЛ–С):

1+3+4 (24):

***В**етлѡдлі ме **ви**дзьяс **вы**вті* (8: 53) 'Ходила я по угам'; ***К**ѡні **а**слам **к**ѡкан **к**ѡкѡ* (7: 299) 'Где своя кукушка кукует'; ***К**ок зьѡм **ку**зя **ко**к чунь вылас* (41: 193) 'По подъёму ноги на пальцы ног'; ***В**ѡрѡ муні **во**тѡс **во**тны* (4: 136) 'В лес пошла [я] ягоды собирать'; ***К**ѡні **д**орччан **к**ѡлуй **ку**йлѡ* (10: 269) 'Где кузнечные принадлежности лежат'

2+3+4 (14):

Сэтчө мөвпий менам муңны (10: 452) 'Туда мысль у меня ийти'; *Весиг дорччысь дүгдис дорны* (34: 20) 'Даже кузнец перестал ковать'; *Киссьөм пиңа пөрысь пөчө* (10: 208) 'Старая старушка с выпавшими зубами'; *Мунис вөтөс вөтны вөрө* (34: 210) 'Отправилась ягоды собирать в лес'

1+2+3 (23):

Синва саридзлөн сөдз ваысь (41: 202) 'Слезы из ясной воды моря'; *Гажтөм гажнас гажөдчөны* (5: 31) 'Невеселым весельем веселятся'; *Сингясысь сөдз синва петис* (4: 469) 'Из глаз ясные слезы пошли'; *Кывзы, корёны кор тэнө* (9: 406) 'Послушай, просят (зовут) когда тебя'; *Каттысь-кавишась көз пу вылас* (10: 135) 'Поднимись-залезь на ель'

1+2+4 (19):

Татчө төв ныр туйяс бокөд (10: 181) 'Сюда мимо путей вихрей'; *Петө пемөс бөрся пемөс* (41: 32) 'Выходит зверь за зверем'; *Вылас вөвлөн мыгөр вөлис* (6: 40) 'На верху фигура коня была'; *Пөрысь пөчө важ нас улын* (8: 248) 'Старая старушка под старой шубой'; Гласные: *Өкмыс өлөм мортлысь өлис* (1: 137) 'Прожила восемь человеческих жизней'; *Өла ассьым лөсьыд өлөм* (4: 112) 'Живу [я] своей хорошей жизнью'

Другие варианты (по мере уменьшения количества): 2+3+5 (8 примеров), 2+4+5 (4), 1+2+5 (4), 1+3+5(4), 3+4+5(2), 2+3+6 (2), 3+4+6 (1), 1+3+6 (1), 1+4+5 (1).

а-а-а-а

В переводе можно встретить также строки, содержащие четыре слова в созвучии. Всего нами обнаружено шесть подобных стихов (0,4 %). С точки зрения содержания сильной или слабой аллитерации, они являются следующего вида:

С–С–С–С: *Киас кызз пу корось кутис* (7: 151) 'В руках берёзовый веник [она] держала'

СЛ–С–СЛ–С: *Во выль вөөн вежсис-колис* (1: а2356241) 'Год новым годом заменялся-проходил'

С–СЛ–С–СЛ: *Кодыр көкан кутис көкны* (4: 501; 44: 188) 'Когда кукушка стала куковать'

С–СЛ–СЛ–С: *Кодыр көклысь көкөм кывза* (4: 510) 'Когда кукование кукушки слышу'

СЛ–С–С–СЛ: *Пуртөс пытшыс перйө пуртсө* (40: 188) 'Из ножен [он] достаёт нож'

а-а+б-б

Одна строка может содержать аллитерационные созвучия двух разных пар слов. Таких стихов в переводе нами выявлено 54 (3,5 %). По степени интенсивности, т. е. соотношения слабого и сильного созвучия, данный тип аллитерации может быть следующих видов: СЛ+СЛ (всего 17),

С+С (25), СЛ+С / С+СЛ (12). С точки зрения нахождения аллитерирующих слов внутри строки нами в тексте перевода обнаружены 13 возможных вариантов. Наиболее часто встречающиеся комбинации (СЛ+СЛ, С+С, СЛ+С / С+СЛ):

1+42+3 (12):

Войтыр, кодi коркө воас (9: 578) 'Народ, который когда-то появится'; Сьылі мичмодас мед сикөти (1: 166) 'Шею пусть украсят бусы'; Көрт пыр паныдасьны көсйис (9: 68) 'Железо всё встретиться хотело'; Кодыр нюрса нюйтын куйлін (9: 289) 'Когда в болотной тине [ты] лежало'

1+32+4 (11):

Позтөм көкыльс помтөм көкөм (4: 500) 'Нескончаемое кукование кукушки без гнезда'; Тани, меөн төдтөм мұас (7: 265) 'Здесь, в неизвестной мне земле'; Кодыр ставис көсьмис, сотчис (9: 382) 'Когда всё сохло, горело'; Кола дорьсы кыліс дорчөм (10: 50) 'От кузницы услышал кование'

1+42+5 (7):

Эн вөв ыждыд, эн вөв ичөт (9: 278) '[Ты] не было большим, не было малым'; Гашкө, коськ, а, гашкө, кер пом (40: 109) 'Может порог, а может обрубок бревна'

1+62+5 (8):

Пөжө лун, и мөд лун пөжө (1: 209) 'Высиживает день и второй день высиживает'

1+23+4 (7):

Кутиөм козин меным мыччан (7: 271) 'Какой подарок мне преподнесешь'; Көкөс көкөм вылө вордны (10: 416) 'Кукушек на кукование заклинать'; Узьысь Унтамо, вай висьтав (5: 16) 'Спящий Унтамо, давай скажи'

Другие варианты: 1+32+5 (2 примера), 1+43+5 (2), 1+24+6 (1), 1+52+3 (1), 1+24+5 (1), 2+34+5 (1), 1+53+4 (1), 1+52+4 (1).

а-а+б-б-б

Среди содержащихся в одной строке двух разных пар аллитерирующих слов встречаются и такие пары (всего 7; 0,45 %), один из членов которых состоит не из двух, а трех слов:

С+СЛ–С–СЛ: Мөвпөй сирасис сьөд сир моз (4: 213) '[Моя] мысль прилипла как чёрная смола', Ме оғ тэныд и оғ мөдлы (4: 21, 107) 'Я не тебе и не другому', Но эз вөв и выті ичөт (2: 113) 'Но не был и слишком маленьким', Көк вай, көкан, кыдз пу вылас (2: 364) 'Кукуй давай, кукушка, на берёзе'

СЛ+СЛ–СЛ–СЛ: «Шуд вай, шуд вай!» – коймөд шүө (4: 488) '«Счастье принеси, счастье принеси!» – третья говорит'

СЛ+СЛ–С–СЛ: Мунан лун, и мөд лун мунан (34: 143) 'Пойдёшь день, и второй день пойдёшь'

В переводе встречаются такие строки, все слова которых (либо их подавляющее большинство) аллитерируют между собой. Такие строки содержат созвучия типа а-а-а и а-а-а-а. Выше, рассматривая данные типы аллитерации, мы уже приводили строки, все слова которых созвучны. Ещё несколько примеров из разных рун:

*Сійō тэныд бур кыв сетас,
Кыдзи веськыд туйōд мунны,
Медым помōдз шог эз жугōд,
Майшасьōмысь медым мынны...
(5: 218–222)*

Она тебе хороший совет даст,
Как прямой дорогой идти,
Чтоб совсем горе не сломило,
От тревоги чтобы спастись...

*Ассьыс биа вужсō лэптис,
Веськыд пельпом бердас пуктис,
Лыйны лōсьōдчис да лōнис...
(6: 147–149)*

Свой огненный лук поднял,
К правому плечу приложил,
Стрелять приготовился и затих...

Дзизгигтырийи сійō лэбалō...

Жужжа он летает...

...
*Кодзувкотлысь кудзсō кыскō
(9: 237–...–242)*

...
Муравьиную мочу несет...

*Сэки Похьеласа инька
Сетис сёйны-юны сылы,
Пуксьōдис паруса пыжō...
(10: 455–457)*

Тогда Похьельская старуха
Дала есть-пить ему,
Посадила в лодку с парусом...

*Гашкō, Похьеласысь сюрō,
Коді кантелейн кужō
Бура ворсны, гажлун корсьны...
(40: 287–289)*

Может, в Похьэле найдется,
Кто на кантеле сможет,
Хорошо играть, радость искать...

*Ворсан везъяс вежыньтчисны,
Вōв бōж сiяс орласисны...
(40: 305–306)*

Игральные струны искривились,
Конские волосы оборвались...

Встречаются случаи, когда аллитерация переходит границы строки и связывает слова двух или нескольких строк:

*Шōвк сунисысь тывсō чōвтис,
Надзōн бōра-водза кыкис...*

Невод из шёлковой нити закинул,
Тихонько туда, обратно тянул...

...
*Вяйнōласа ваяс вывтi,
Калевала венōр вомōн...
(5: 141–...–147)*

...
По водам Вяинолы,
Через перешеек Калевалы.

*Кык дай кум войков бёрдис,
Кузь лунъясён синва кисьтис,
 Эз тёд, кытысь туйсё корсьны...
 (7: 125–128)*

Двое и трое суток плакал,
 Длинными днями слёзы лил,
 Не знал, откуда дорогу искать...

*Польё, пёлать дорын олысь,
 Еджыд тошка паччёр пёжысь...
 (8: 270–271)*

Старик, при полатах живущий,
 Белобородый печной соня...

*Тадзи коймёд во тиётти колис
 Сисьмём кык коз пу мыр костын,
Кыз пулён кум вуж улын.
 (9: 90–92)*

Так третий год [железо] провело,
 Между двух сгнивших словых пней,
 Под тремя корнями берёзы.

*Сэтчө мёвпöй менам мунны,
 Чужан муын медым кувны...
 (10: 452–453)*

Туда у меня мысль идти,
 В родной земле чтобы умереть...

*Мамыс медводдзаён корсьё,
Мамыс корсьё, мамыс шогсьё.
Ме и муні, коньёр мамöй...
 (34: 218–220)*

Мать первой ищет,
 Мать ищет, мать печалится.
 Я и отправилась, бедная мать...

*Мечнас зургис саридз гыё,
Пемыд ваё, пыжныс улё,
Пёрысь сирлы пельпомъясас...
 (40: 159–160)*

Своим мечом [он] ткнул в волну,
 В тёмную воду, под лодку,
 В плечи старой щуки...

Вышеприведенные примеры аллитераций, затрагивающих все (или почти все) слова строки, как и случаи цепочек созвучных слов, а также и удельный вес стихов со звукописью в общем объёме переведенного текста, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что А.И. Туркин, судя по всему, всё-таки стремился к нахождению по возможности созвучных слов и введению их в текст.

Несмотря на данное стремление, аллитерация в тексте перевода всё же не является структурной, а остается случайной. Она не является организующим и характеризующим текст фонетическим фактором. Причиной этого являются ограничивающие творческие возможности переводчика фонетические и лексические особенности коми языка, отличающие его и от языка «Калевалы», и от финского языка в целом. Сюда относится большее количество фонем: в коми языке их 33 (7 гласных и 26 согласных), тогда как в финском – 21 (8 гласных, 13 согласных) (СКЯ, I. С. 14; ISK. С. 37–38). Следствием этого является меньшее количество одинаково

начинающихся слов. Также свою роль играет и отсутствие необходимого количества пар синонимов (литературных и диалектных), среди которых можно было бы подобрать вариант, способный создать с каким-либо другим словом строки аллитерационное созвучие.

Венгерский исследователь Л. Листоцки сравнил количество аллитерирующих пар слов в оригинале и в пяти венгерских переводах. Для этого он произвёл подсчёты в трех отрывках из трех разных рун (2: 1–100, 4: 100–200, 9: 1–100). Результаты его подсчетов выглядят так (финский оригинал, Ф. Барна, Б. Викар, К. Надь, И. Рац, И. Сенте): 80, 21, 56, 56, 100, 194; 83, 19, 43, 51, 99, 137; 80, 23, 54, 67, 100, 174 (Varga, 2010. С. 124, 135; Kalevala 1871; Kalevala 1975; Kalevala 1980; Kalevala 1985a; Kalevala 2001).

На наш взгляд, интересно было бы с этой точки зрения рассмотреть и коми перевод И.А Туркина, дополнив сравнение данными из эстонского перевода А. Анниста (Kalevala 1985b) и русских переводов Л.П. Бельского (Калевала 1984б) и Э. Киуру – А. Мишина (Калевала 1998). Также интерес представляет сравнение в этом плане двух коми переводов 41-й руны: перевода В.И. Лыткина (Калевала 1929) и соответствующих им строк перевода А.И. Туркина.

Для наглядности приведем результаты подсчетов у Л. Листоцки и у нас в виде таблицы:

Руна, строки		2: 1–100	4: 100–200	9: 1–100	41
Оригинал		80	83	80	
Венгерские переводы	Ф. Барна	21	19	23	
	Б. Викар	56	43	54	
	К. Надь	56	51	67	
	И. Рац	100	99	100	
	И. Сенте	194	137	174	
Эстонский перевод	А. Аннист	97	87	81	
Русские переводы	Л.П. Бельский	35	28	29	
	Э. Киуру – А. Мишин	34	35	35	
Коми переводы	А.И. Туркин	35	51	48	33
	В.И. Лыткин				39

Таким образом, как видно из таблицы, эстонский перевод в общей сложности совпадает с оригиналом, не отставая от него и не превышая в значительной мере его показатели.

Различия, наблюдаемые между двумя русскими переводами, минимальны. На одинаковом уровне они находятся и по отношению к оригиналу. Большая разница с оригиналом продиктована типологическими и структурными различиями двух языков и тем, что авторы переводов,

осознавали, что попытка, во что бы это ни было, передать данную особенность оригинала или «...ни к чему бы не привела и только до крайности затруднила бы переводчика» (Бельский, 1915. С. XXIII), либо же привела к искусственности звучания (Мишин, 1998. С. 14).

Коми перевод А.И. Туркина превосходит русские тексты, но в 1,5–2 раза уступает эстонскому переложению и самому оригиналу. Так как ни переводчики на русский язык, ни переводчик на коми не стремились искусственно увеличить в тексте количество созвучных слов и встречающаяся в переводе аллитерация в подавляющем большинстве случаев носит случайный характер, то можно предположить, что коми язык более чем русский предрасположен к данному явлению. Эта предрасположенность является причиной большего числа аллитераций в коми переводе по сравнению с русскими.

Из венгерских переводов «Калевала» на коми языке сопоставима с работами Б. Викара и К. Надя, которые также не ставили перед собой задачу насыщения текста наибольшим количеством возможных аллитерационных пар (в отличие от И. Раца и И. Сенте), т.е. в большинстве случаев оставались в рамках случайного попадания созвучных слов рядом друг с другом. Данный факт даёт возможность говорить о том, что коми и венгерский языки с точки зрения их естественной предрасположенности к аллитерационным созвучиям находятся примерно на одном уровне.

Если же сравнить между собой два коми перевода 41-й руны (перевод в 91 строку В.И. Лыткина и соответствующие ему фрагменты перевода А.И. Туркина), то можно заметить, что они по насыщенности аллитерацией находятся примерно на одном уровне, а имеющиеся между ними различия несущественны. Так как первый был сделан, скорее всего, с русскоязычного текста «Калевалы» и его автор из-за этого, по-видимому, не был в курсе исследуемой здесь особенности формы оригинала, а автор второго перевода, по его собственным заявлениям, сознательно не стремился каким-либо способом передать звукопись оригинала, и из-за того, что эти два перевода, несмотря на то, что сделаны они с интервалом в 60 лет, всё же совпадают по степени созвучия слов, можно сделать вывод, что они отображают естественную предрасположенность коми языка к аллитерации, которая, следуя приведенным выше подсчетам, выше русской, находится примерно на одном уровне с венгерской, но в 2–2,5 раза ниже финской и эстонской.

Литература

1. Бельский Л.П. Предисловіе къ первому изданію // Калевала. Финскій народный эпосъ. Перевод Л. Бѣльскаго. Изданіе второе, исправленное и снабженное примѣчаніями. М., 1915. С. XIII–XXIV.

2. Калевала 1929 – Вејнемејнелөн кантѣлеён ворсѳм // Їльа Вас. Кывбурјас. Сыктивдінкар. С. 215–218.
3. Калевала 1980 – Вйянямѳйнен ворсѳ кантелеѳн. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 1980. № 6. С. 40–42.
4. Калевала 1984а – Калевала. Илмаринен дорѳ Сампо. Х сыланкыв. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 1984. № 4. С. 36–41.
5. Калевала 1984б – Калевала. Перевод с финского Л.П. Бельского. Л., 1984.
6. Калевала 1985а – Калевала. I сыланкыв. Водзкыв. Му пуксѳм. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 1985. № 7. С. 10–13.
7. Калевала 1985б – Куллерво аддзѳ батъ-мамсѳ. «Калевалаысь» 34-ѳд сыланкыв. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Югьд туй. 1985. 23 июля.
8. Калевала 1985в – Вйянямѳйнен вѳчѳ кантеле. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Югьд туй. 1985. 28 февраля.
9. Калевала 1985г – Вйянямѳйнен вѳчѳ кантеле. «Калевалалѳн» 40-ѳд сыланкыв. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Югьд туй. 1985. 5 марта.
10. Калевала 1987 – Му кѳдзѳм. Мѳд сыланкыв. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Югьд туй. 1987. 23 июня.
11. Калевала 1991 – Калевала. Коймѳд сыланкыв. Сылѳмѳн вермасѳм. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Коми му. 1991. 5 декабря.
12. Калевала 1996 – Калевала. Нѳльѳд сыланкыв. Вйянямѳйнен да Айно ныв. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 1996. № 7. С. 59–67.
13. Калевала 1998 – Elias Lönnrot. Kalevala. Eepinen runoelma karjalaisten ja suomalaisten muinaisten kansanrunojen pohjalta. Элиас Лѳннрот. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Перевод Э. Киуру и А. Мишин. Петрозаводск, 1998.
14. Калевала 1999 – Калевала. Сылан панас. Му пуксѳм. Вйянямѳйненлѳн чужѳм. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 1999. № 12 С. 3–9.
15. Калевала 2000а – Калевала. Витѳд сыланкыв. Велламолысь нывсѳ вугьртѳм. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 1. С. 3–7.
16. Калевала 2000б – Калевала. Квайтѳд сыланкыв. Ёукахайнен водзѳс мынтѳ. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 2. С. 56–69.
17. Калевала 2000в – Калевала. Сизимѳд сыланкыв. Вйянямѳйнен Похъ-ѳлаын. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 4. С. 60–66.
18. Калевала 2000г – Калевала. Кѳкъямысѳд сыланкыв. Войвывса ныв. Пыж вѳчѳм. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 6. С. 44–48.
19. Калевала 2000д – Калевала. Ёкмысѳд сыланкыв. Пидзѳс дой бурдѳдѳм. Вуджѳдіс А.И. Туркин // Войвыв кодзув. 2000. № 7. С. 37–47.
20. Карху Э. Перевод, не модернизация (О поэтических переводах рун «Калевалы») // От рун к роману. Статьи о карело-финском фольклоре, «Калевале», финской литературе. Петрозаводск, 1978. С. 118–137.
21. Мишин А. «Калевала» – поэма Лѳннрота // Elias Lönnrot. Kalevala. Eepinen runoelma karjalaisten ja suomalaisten muinaisten kansanrunojen pohjalta. Элиас Лѳннрот. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Перевод Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск, 1998.

22. Семенова М. Аллитерация по местоположению в карело-финских рунах и марийских языческих молитвах // Финно-угроведение. 2001. № 2. С. 112–118.
23. СКЯ I – Современный коми язык. Учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. проф. В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1955. Ч. 1: Фонетика, лексика, морфология.
24. Туркин А.И. «Калевалалы» – 150 во // Войвыв кодзув. 1985. № 7. С. 8–9.
25. ISK – Auli Hakulinen, Maria Vilkkuna, Riitta Korhonen, Vesa Koivisto, Tarja Riitta Heinonen, Irja Alho. Iso suomen kielioppi. Helsinki, 2010.
26. Kalevala 1871 – Kalevala. A finnek nemzeti eposza. Az eredetiből fordította Barna Ferdinánd. Pest, 1871.
27. Kalevala 1975 – Kalevala. Fordította Nagy Kálmán. Budapest, 1975.
28. Kalevala 1980 – Kalevala. Fordította, kísérő tanulmánnyal ellátta és felvételeket készítette Rácz István. Budapest, 1980.
29. Kalevala 1985a – Kalevala. A finn eredetiből fordította Vikár Béla. Budapest, 1985.
30. Kalevala 1985b – Kalevala. Koostanud Elias Lönnrot. Tõlkinud August Annist. Tallinn, 1985.
31. Kalevala 2001 – Kalevala. Fordította Szenté Imre. Szombathely, 2001.
32. Laugaste E. Eesti alliteratsioonist ja assonantsist // Keel ja Kirjandus. 1962. № 9. P. 531–537.
33. Laugaste E. Sõnaalguline ja sisealliteratsioon eesti regivärssides // Looming. 1968. № 12. P. 1873–1882.
34. Leino P. Strukturaalinen alkusointu suomessa. Helsinki, 1970.
35. Varga P.I. Hiisi szarvasától a csodaszarvasig. A Kalevala magyar fordításai. Erdélyi tudományos füzetek 266. Kolozsvár, 2010.

Поэтическое многоголосие в лирике И.А. Куратова

Л.Е. Сурнина¹

В статье представлены результаты анализа лирики И.А. Куратова сквозь призму ее субъектного строя. Было выявлено: лирическая система коми поэта является многосубъектной, содержащей разные способы выражения авторского сознания. Однако множественность сознаний характерна и отдельным стихотворениям И.А. Куратова.

Ключевые слова и фразы: коми поэзия, поэтическое многоголосье, образ героя, субъектная организация.

Poetic polyphony in I.A. Kuratov's lyrics

L.E. Surnina

The article presents the results of I.A. Kuratov's lyrics analysis through the prism of its subject structure. The lyrical system of the poet is polysubject, contains different ways of expression of author's consciousness. However plurality of consciousnesses is also in separate poems of I.A. Kuratov.

Key words and phrases: Komi poetry, poetic polyphony, hero's image, subject organization.

Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) при своей жизни и в течение нескольких десятилетий после смерти был известен как поэт только узкому кругу людей. На сегодняшний день известно, что часть куратовских произведений была утеряна, дошедший до нас корпус текстов составляют более 100 оригинальных стихотворений, «Нимтõм поэма» (Поэма без названия), отрывки из поэм «Пасьяс синтõмлõн» (Заметки слепого) и «Ягморт» (Лесной человек), а также фольклорные обработки, поэтические переводы русских и западноевропейских поэтов. Среди рукописей И. Куратова сохранились заметки по истории коми письменности, теории перевода, о проблемах политэкономии, истории и искусства, конспекты о грамматике и лексике коми языка, раздел русско-коми словаря². При жизни И. Куратову удалось опубликовать два лингвистических труда: «Зырянский язык» (1865) и «Рецензию на Зырянскую грамматику Флёро-

¹ Сурнина Лидия Егоровна – научный сотрудник сектора литературоведения. Тематика научных исследований – история коми литературы, творчество И.А. Куратова, начальный период развития коми лирики (surninalida@mail.ru).

² Из литературного и научного наследия коми поэта до наших дней дошли восемь тетрадей, хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми.

ва» (1864). В январе 1866 г. в «Вологодских губернских ведомостях» под видом коми народных песен были напечатаны пять стихотворений поэта: «Зон» (Молодец), «Том ныв» (Молодая девица), «Пёрьсы» (Старик), «Гёль зон» (Бедняк) и «Понкёд» (С собакой). После смерти И. Куратова его рукописи были отправлены родственникам. До начала 1920-х гг. они хранились в семейном архиве, а в 1923 г. оказались в поле зрения А.С. Сидорова. Об открытии куратовского наследия ученый писал: «В июне 1923 года в порядке краеведческих изысканий в архиве отца моей жены Л.С. Куратовой мною были обнаружены рукописи бывшего до этого времени мне неизвестного языковеда и первого коми поэта И.А. Куратова. Придавая важное культурно-историческое значение этим рукописям, мне удалось убедить владельца этих рукописей С. Куратова передать их Л. Куратовой для производства исследовательской работы и ознакомления коми общественности с творчеством писателя» (Лыткин, 1973. С. 6). И с этого времени начинается изучение творчества и публикация художественного наследия первого коми поэта.

Свое развитие творчество И.А. Куратова получает в период, когда в качестве одной из задач отечественной литературы выдвигается описание российских народов, их быта и нравов. Словесность Коми края XIX в. также подключена к созданию народоописательных очерковых сочинений на русском языке, сбору и публикации фольклорных и этнографических материалов. В это же время параллельно начинается процесс создания оригинальных произведений на коми языке, в основном – это стихотворные тексты – подражания народной лирике и переложения произведений религиозно-просветительской литературы. Из поэтических произведений, созданных в докуратовский период, современная наука располагает лишь отдельными текстами. Это стихотворные опыты П.Ф. Клочкова (1831–1853), преимущественно напоминающие народные лирические песни; собрание В.А. Куратова (1820–1862) «Бёрданкывъяс верёс сайё ныв сетём дырьи» (Причитания невесты при выдаче ее замуж), представляющее собой самое значительное произведение, записанное из уст народа в I половине XIX в. (Мартынов, 1980. С. 23); стихотворные произведения Г.С. Лыткина (1835–1907), близкие к народным причитаниям, и произведения П.В. Распутина (1820–1901), в которых ощутима опора на традицию переводов духовной литературы. Известно, что И. Куратов критически оценивал сочинения первых коми поэтов. В его рукописях сохранились литературно-критические высказывания, в которых он отмечал эстетическое несовершенство, лексическую безграмотность, беспомощность в стихосложении и низкие художественные качества произведений «известных пиитов зырянских» (Куратов, 1939. С. 209). В то же время он пишет: «Стоит ли читать вооб-

ще плохие сочинения?... Из десятка плохих книг можно больше извлечь, чем из одной плохой. Ошибки предков составляют наш ум...» (Куратов, 1939. С. 219). По сравнению со своими предшественниками, концентрирующими внимание на отдельных, варьируемых в народной и духовной лирике эмоциональных состояниях и сферах жизни человека, И. Куратов значительно расширил область эстетического освоения действительности. Место и предназначение поэта в окружающем мире, противоречия современной поэту общественной жизни, личные переживания реально-исторического человека, быт и нравственные ценности деревенского жителя, судьба родного языка и народа, вечное притяжение и противоборство жизни и смерти – таков тематический диапазон произведений коми поэта, определяющий национальное своеобразие и одновременно включенность его лирики в общий контекст отечественной и мировой литературы (Лимерова, 2007. С. 133). Расширение проблемно-тематического содержания коми лирики И. Куратовым повлекло за собой и освоение иных форм выражения авторского сознания, в том числе – субъектных. Так, произведения И. Куратова, семантика которых разрастается до философской, «организованы» такой формой авторского сознания, как собственно автор. Тексты, определяющим моментом которых является биография и личная судьба, «организованы» лирическим героем. Тематический цикл, в центр которой выведен крестьянин и через него – народные традиции коми, имеет субъектом высказывания ролевого героя и автора-повествователя, т.е. формы, характерные и для эпического искусства слова.

Следует отметить, что многосубъектна не только лирическая система И. Куратова в целом: «множественность сознаний» есть также в отдельных стихотворениях. Исследователями отмечается, что многоголосье в лирике II половины XIX в. становится одним из средств введения социального содержания в лирическую поэзию (Корман, 2006. С. 154; Бройтман, 1997. С. 115). Однако в лирике коми поэта «чужое» сознание и «чужое» слово служат не только демократизации стихотворения и освоению социальной темы, но и созданию образа героя как неповторимой индивидуальности и личности. Многоголосье внутри лирического монолога позволило И. Куратову средствами, присущими лирике, в пределах одного стихотворения дать читателю иллюзию близости к множеству социально разнообразных героев, у каждого из которых свой путь, свой голос и свое лицо.

Проникновение голоса героя в лирический монолог автора и достигаемая таким образом объемность картины мира могут быть показаны на примере стихотворения «Тима, дерт нин, пöрысь» (Тима, конечно же, стар, 1864). Главным героем произведения является старик по имени Тима, сельский балагур. Он громко рассказывает смешные истории, а свои глав-

ные шутки произносит шепотом, вызывая смех у толпящейся вокруг него молодежи, и только робкие девушки ускоряют шаг и заливаются краской, проходя мимо старика. Образ коми крестьянина-балагура, созданного И. Куратовым в XIX в., можно встретить и в коми литературе XX столетия: Сюзь Матвей – герой комедий «Райын» (В раю) и «Инасьтӧм лов» (Неприкаянная душа) В.А. Савина, Николай Курочкин – герой пьесы «Свадьба приданӧйӧн» (Свадьба с приданным) Н.М. Дьяконова, Макар Васька – герой комедии «Макар Васька – сиктса зон» (Макар Васька – деревенский парень) Г.А. Юшкова. Связывает всех этих героев такая общая черта характера, как любовь к шутке и острому слову.

Герой стихотворения И. Куратова «Тима, дерт нин, пӧрысь» (Тима, конечно же, стар) на первый взгляд, действительно, кажется весельчаком, да и только:

Бользӧ-кывберитӧ,	Болтает-пустословит,
Абусӧ и эмсӧ	Быль и небылицу
Ӗтилаӧ йитӧ.	Все в одно сплетает.
Тима бызгас-бызгас,	Тима все болтает,
А кор мыйкӧ вашкас,	А когда что-нибудь прошепчет,
Серамӧн зон брызгас.	Молодежь смехом брызнет ¹ .

В первых шести строфах стихотворения герой предстает в качестве старика-балагура, умеющего позабавить и развлечь окружающих. Здесь говорится исключительно о личных особенностях главного персонажа, раскрывающих черту характера, свойственную балагурам: *мыйкӧ излас нэмсӧ, бользӧ-кывберитӧ, кытчӧ сійӧ пуксяс, дінас том йӧз шуксяс, Тима бызгас-бызгас, а кор мыйкӧ вашкас, серамӧн зон брызгас, кодӧ тӧдас сӧрӧ мый сэн пеж вом тайӧ* (что-то лепечет вечно, болтает-пустословит, куда бы он ни шел, возле него молодежь все крутится, Тима болтает без умолку, а когда что-нибудь прошепчет, смехом молодежь брызнет, кто знает, какую брехню несет там его скверный рот).

Представление о пустословии, болтовне героя создается использованием глаголов, имеющих изобразительно-выразительную природу: *излас бользӧ-кывберитӧ* (болтает-пустословит), *бызгас-бызгас* (болтает без умолку), *вашкас* (прошепчет), *кашкас* (запыхтит). Поэт как бы дает прочувствовать нам характер разговора Тимы с окружающими, выражая, например, резкость и дерзновенность речи в звонких согласных *б, з, г, р* (сюда можно отнести и глагол *брызгас*, выражающий громкий и дружный хохот молодежи: *серамӧн зон брызгас*), приглушенные звуки – в шипящем согласном *ш* – *вашкас, кашкас* (прошепчет, пропыхтит). С этой точки зре-

¹ Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений И. Куратова выполнен автором статьи.

ния интересна четвертая строфа стихотворения, состоящая из глагольной рифмы:

Тима *бызгас-бызгас*,
А кор мыйкё *вашкас*,
Серамён зон *брызгас*,
Ачыс сёмын *кашкас*.

Собственно в выборе ономотопических звуков и сказался некоторый звукоподражательный элемент передачи речевого звучания, в том числе и характера поведения героя: громко рассказывает какие-то забавные и потешные истории, шутки же вольного характера на счет проходивших мимо молодых девушек он произносит шепотом, при этом вызывая оглушительный смех парней.

Вторая часть стихотворения «рисует» другую часть жизни старого Тимы. Здесь он показан человеком с серьезными жизненными установками, у которого всегда натоплена печь, он не пьяница, и не курит табак, не умеет он обманывать и воровать:

Мый весьшөрö и шуны,	Что зря и говорить,
Оз бара куж	Не умеет Тима
Тима пörьявны ни гуны –	Обмануть и украсть –
Медся на бур нима!	С самым добрым именем!
Сы ордыс на нэмён	От него за целый век
Омоль эз вöв петём.	Ничего плохого не было.
Оз мун йöзö могён,	Не пойдет он к людям от нужды,
Пыр нин ломтём пачыс,	У него всегда натоплена печь,
Оз тöд көні кабак,	Не знает, где кабак,
Оз ю табак...	Не курит...

Из вышесказанного мы видим, что индивидуальная характеристика героя дополняется социальной характеристикой жизни коми крестьянина. Поэт изображает тот образ жизни, который свойственен в целом сельскому жителю.

Тима – балагур, шутник и Тима – трудолюбивый, добрый, душевный человек – вот две взаимодополняющие стороны воссозданного И. Куратовым образа героя: балагурство, оптимизм помогают ему честно трудиться и не знать нужды. *Оз мун йöзö могён* (не пойдет он к людям от нужды) – говорит о нем поэт. Тима – хозяин, в его доме – изобилие (*пыр нин ломтём пачыс*), закрома его набиты не пылью и пустотой, а как у добротного хозяина – хлебом (*абу бара йöртöд сёлён жугйён тыртём*):

Оз мун йöзö могён,	Не пойдет он к людям от нужды,
Пыр нин ломтём пачыс.	И всегда у него печь натоплена.
Мый весьшөрö шуны,	Что зря и говорить,
Медся на бур ним!	С самым добрым именем!

Было уже отмечено, что стихотворение «Тима, конечно же, стар» построено по принципу многоголосия, что также связано с раскрытием образа главного персонажа. Характеристика Тимы принадлежит в основном автору-повествователю. Однако некоторые строки стихотворения при формальном сохранении того же субъекта речи включают в себя манеру речевого поведения героев повествования, т.е. в тексте повествователя появляются элементы чужой речи, характерные то для одного, то для другого персонажа. Каждое иноречевое включение вводит в стихотворение нового условного героя и контурно изображает целую ситуацию. Так, например, третья строфа стихотворения приобретает форму диалогости двух персонажей, хотя в тексте диалог графически и не выражен:

Кытчö сійö пукяс,
Куль кö кыскö сэтсö!
Дінас том йöз шукяс!

«Куда бы он ни шел, Бес как будто тянет туда! Возле него молодежь все крутится» – так мог бы иронично сказать о Тиме ровесник героя. А дальше следующий стих: *Сы дінö пö петсö* (К нему, они говорят, тянет) – формально можно отнести к ответному слову молодого парня. О передаче чужой речи свидетельствует использование частицы пö. В коми языке, как и в русском, существуют особые слова, выполняющие функцию кавычек, т.е. вводящие прямую речь и отмечающие вообще границу чужого текста: в русской речи такую роль играют слова (частицы): «мол», «де», «дескать»; в коми их аналогами являются – «пö», «шудö».

С этой точки зрения своей субъектной организацией интересны восьмая и девятая строфы стихотворения. Приведенный отрывок содержит слова *пö, шудö*, также создающие эффект передачи чужой речи: *Абу бара йöртöд Сылön жугийön тыртöм; Быдсö иган, кöртöд – Сьöмыс пö тай быртöм* (Нет Даже замка, задвижки – Говорит, деньги нескончаемы), *Оз тöд кöні кабак, Чуньлыскысь пö юö Кывтас; Оз ю табак, Ныр-вам ляссьö, шудö* (Не знает, где кабак, С наперстка, говорят, пьет, Не потягивает табак, Лицо пачкается, говорит). Эта краткая характеристика героя может принадлежать и ему самому, хотя в данном случае его личные слова о себе передает читателю повествователь. И таким образом, происходит совмещение высказываний, принадлежащих и самому говорящему, и тому, про кого он говорит. Или же можно говорить о том, что повествователь приводит мнение о Тиме сельского коллектива, хорошо знающего старика. Но и в этом случае герой представлен в своей речевой манере, передаются его личные чувства и мысли, при этом угадывается характерный для этого героя текст, именно от его лица и его интонацией произнесена фраза: деньги у меня нескончаемы, не курю табак, потому что лицо пачкается.

Строки: *Kodī tōdas, sōrō mый сэн пеж вом тайō* (*Кто его знает, несет брехню что там скверный рот он*) звучат в стихотворении двойственно:

– в сочетании с предыдущими строками могут быть восприняты как выражение мыслей молодых девушек:

Ныв кō сэтī мунас,	Если девушка там пойдет,
Асьсō быдсōн яндзим сотас,	Её смущенье обжигает,
<i>Kodī tōdas, sōrō</i>	<i>Кто его знает, несет брехню</i>
<i>Мый сэн пеж вом тайō</i>	<i>что там скверный рот он</i>

– а в связи с последующими строками: *Kodī tōdas, sōrō mый сэн пеж вом тайō*, Енногаяс шōрō сійōс, дерт, он вайō (*Кто его знает, несет брехню что там скверный рот он*, К людям, подобных богу его, конечно, не приведете) – как выражение точки зрения, принадлежащей «енногаяс» (букв. перевод: людей, почитающих бога).

Текст строится так, что читатель попеременно принимает точку зрения разных персонажей стихотворения. В результате образ героя складывается из совокупности разных характеристик и оценок, данных ему и повествователем, и сельским коллективом, что делает его необыкновенно объемным. Сельский персонаж, который мог бы быть воспринят как отрицательный, у И. Куратова оказывается по-своему обаятельным и колоритным. В стихотворении присутствуют эмоционально разные оценки героя, но все вместе они подтверждают значимость старика в сельском обществе. Прием многоголосия, в которое подключен и голос повествователя, раскрывает его способность взглянуть на людей изнутри этого общества. Повествователь говорит о герое на правах давнего знакомого, имевшего возможность наблюдать этого человека на протяжении всей его жизни, или, во всяком случае, достаточно долго для того, чтобы судить об устойчивых свойствах его характера и поведения.

Принцип многоголосия, используемый И. Куратовым, внутри монолога основного субъекта речи оказывается не только средством изображения центрального персонажа стихотворения, но и характеристики его статуса в деревне. Его оценочные суждения не противоречат оценкам, данным Тиме другими героями (или даже совпадают с ними). Повествователь является частью крестьянского общества, и его голос – это один из голосов в многоголосии, в «народном хоре». Таким образом, герой оценивается не только повествователем, но и крестьянской средой.

Элементы поэтического многоголосия есть и в стихотворении «Грездса ныв карса баринлы» (Деревенская девушка городскому барину, 1862). В стихотворении перед читателями – деревенская девушка, воспитанница крестьянского коллектива, знающая себе цену. Героиня отвергает уха-

живания городского барина, предлагающего ей переехать в город, обещая при этом достаток, спокойную и легкую жизнь. В заключительной строфе стихотворения читатель узнает, что у девушки есть любимый сельский парень, готовый защитить ее честь и достоинство:

Мый тэ ме вылѓ сідз воан,	Что ты на меня так смотришь,
Мича барин – сьѓлѓмшѓр?	Хороший барин – сердечный?
Весьшѓрѓ тай нюмыд петѓ,	Напрасно мне ты улыбаешься,
А ме ас пиѓ ог тѓр...	А я места себе не нахожу...
Аргалан-ѓ тэ, мый менам	Думаешь ли ты, что у меня
Абу дасьтѓм грездса зон?	Нет в деревне любимого?
Мездас тѓян вокысь, сѓмын	Он спасет от вашего брата, только
Шуны кыв... Ой, бѓб морт, пов!	Сказать слово... Ой, дурак, бойся!

С точки зрения субъектной организации стихотворение построено как монолог-ответ девушки на предложение городского барина, посулившего взамен любви жизнь в городе: *«Мый тэ ме вылѓ сідз воан»* – «Что ты на меня так смотришь», *«Эн тѓ видзѓд меным синмѓ»* – «Не заглядывай мне в глаза», *«Эн тэ чабрав киѓс мем»* – «Не хватай меня за руки», *«Сэні вежсян, роч кодь лоан»* – «В городе будешь словно русский (т.е. посторонний. – Авт.)».

Предложение барина, предшествующее ответному слову девушки, не оформлено в качестве самостоятельного монологического слова, о нем лишь можно догадаться из постоянных обращений девушки к своему собеседнику: *«Весьшѓрѓ тай нюмыд петѓ, Вейшѓ сэтѓиѓм сѓрнинад, Ышмин, кокныѓд барин, ышмин, Эн тэ видзѓд, Эн тэ чабрав, Он тэ окышит, Он тэ малышит»* (Напрасно мне улыбаешься, Отойди с такими разговорами, Расшалился, несерьезный барин, расшалился, Не смотри ты, Не хватай ты, Не поцелуешь ты, Не погладишь ты). Эти строки свидетельствуют об адресности монолога девушки: барин находится где-то рядом с ней.

А речь барина в преобразованном виде включена в монолог героини:	
Видлы, шуан, карлысь кѓрсѓ;	Попробуй, говоришь, вкус города;
Оз кѓ сьѓлѓм вылѓ во,	И если не придется по сердцу,
Бѓр мед муна муса грездѓ;	Назад чтоб вернулась в милое село;
Некод кутысь сѓк оз ло?	Никто удерживать меня не станет?

Здесь есть фрагменты реплик городского барина. *«Попробовать вкус города», «не придется по сердцу, вернешься обратно», «никто удерживать не станет»* – эти слова полностью можно отнести к его речи, к его взглядам, манере мышления, его представлениям о возможном счастье. Для героини же такая точка зрения недопустима: *«Оз воны паныѓд тѓлысь шондѓкѓд»* (не сойдутся вместе никогда луна и солнце) – объясняет она. *«Оз воны паныѓд тѓлысь шондѓкѓд»* – это устойчивое сочетание, народная поговорка, с помощью которого поэт стремится охарактеризовать нацио-

нальное сознание героини (а может и коми человека вообще): уехать с багрином – это все равно что нарушить закон природы. Таким образом, прочитав стихотворение, мы видим перед собой сцену с двумя участниками, у каждого из которых свой «монолог».

Следует отметить, что И. Куратов стремится воплотить мысль о внутреннем единстве сельского коллектива и на геройном, и на структурно-субъектном уровне. Путем подключения повествователя к точке зрения героев он сам оказывается включенным в мир, т. е. подключенным к общенародной традиции. Авторское сознание в лирических произведениях коми поэта материализуется не только в сфере субъектной организации, получая грамматическую оформленность в границах высказывания, но и в самой структуре текста, каждый элемент которой (художественное пространство, образный ряд, мотивный комплекс, предметный мир, композиция, сюжет) так или иначе становятся средством репрезентации авторского дискурса и рассматривается как компонент структуры сознания.

Литература

1. *Бройтман С.Н.* Субъектно-образная структура русской классической лирики XIX века // Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. М., 1997. С. 85–211.

2. *Корман Б.О.* Чужое сознание в лирике и проблема субъектной организации реалистического произведения // Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 137–162.

3. *Куратов И.А.* Высказывания И.А. Куратова о литературе, поэзии и искусстве // И.А. Куратов. Художественные произведения. Сыктывкар, 1939. С. 201–220.

4. *Лимерова В.А.* Куратов Иван Алексеевич // Литература Коми: словарь школьника. Сыктывкар, 2007. С. 131–141.

5. *Лыткин В.И.* Куратовӧс тӧдмалан историяысь (Из истории изучения И. Куратова) // Куратовские чтения. Т. 1 Сыктывкар, 1973. С. 5–15.

6. *Мартынов В.И.* У истоков национальной литературы // История коми литературы: в 3 т. Сыктывкар, 1980. Т. 2. С. 22–32.

**Художественное пространство
в трагикомедии А. Попова «Вой, кодї некор эз вїв»
(Ночь, которой никогда не было)¹**

Н.В. Горинова²

Статья посвящена исследованию художественного пространства трагикомедии современного коми драматурга А. Попова «Ночь, которой никогда не было». Автор статьи выявляет аллегоричность пространства трагикомедии, раскрывает его художественные возможности в отображении противоречий современной действительности.

Ключевые слова: коми драматургия, А. Попов, трагикомедия, художественное пространство, метафора.

**Artistic space in tragicomedy of A. Popov
«Voi, codi nekor ez vov» (Night that never was)**

N.V. Gorinova

The article investigates the contemporary art space of tragicomedy of modern Komi playwright A. Popov «A night that never was». The author of article reveals the allegorical space of tragicomedy, reveals its artistic possibilities in displaying the contradictions of contemporary modern reality.

Key words: Komi drama, A. Popov, tragicomedy, art space, a metaphor.

Алексей Вячеславович Попов (год рождения: 1950) обращается к драматургическим жанрам в 1990-е гг. будучи уже известным прозаиком. Его перу принадлежат многочисленные рассказы и несколько повестей, которые были опубликованы в 1970-е гг. Исследователи коми литературы, анализируя прозу А. Попова, обращают внимание на оригинальность его произведений, на стремление автора к новаторству (Кузнецова, 2003. С. 38; Лисовская, 2004. С. 26, 31). Подобные черты свойственны и его драматургии. Пьесы драматурга «Мыйла и волісны» (Зачем и приезжали, 1993), «Мыйсяма йӧз» (Что за люди, 1994), «Вой, кодї некор эз вїв» (Ночь, которой никогда не было, 1994), «Туналӧм ордым» (Заколдованная тропа,

¹ Работа подготовлена в рамках комплексной программы УрО РАН 2015 г. (проект № 15-13-6-14) «Коми литература: Опыт художественного развития в связи с классическим наследием».

² **Горинова Наталья Васильевна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения. Тематика научных исследований – коми драматургия (ngorinova@mail.ru).

1997), «Йиркап» (2001) отражают склонность драматурга к экспериментированию. А. Попов начинает в русле традиционного для драматургии реалистического направления. Для первых его пьес «Мыйла и волісны», «Мыйсяма йёз», характерно стремление к жизнеподобию изображаемого. Большой интерес вызывают последующие драмы: «Вой, кодї некор эз вёв», «Туналõм ордым», «Йиркап». В них автор отображает жизнь, прибегая к условным формам, что позволяет ему перейти на новый уровень художественного обобщения.

В трагикомедии А. Попова «Вой, кодї некор эз вёв» значительной степенью условности обладает сценическое пространство. Место действия в пьесе – морг. Это не только и не столько место действия трагикомедии, но метафора, характеризующая кризисное общество постперестроечного времени. В центре внимания автора – современная молодежь, драматург осмысливает нравственные ценности, жизненные позиции, нормы поведения поколения 1990-х гг. Изображенные А. Поповым в трагикомедии сцены удручают: персонажи Павел и Олег устраиваются работать ночными сторожами в морг, куда обманным путем приводят девушек Валентину и Ольгу. Начинается вечеринка – музыка, танцы, спиртные напитки. Несколько раз за ночь приезжает заведующий моргом Максим Васильевич, в конце концов он увольняет нерадивых сторожей. Игнорирование нравственных законов, несоблюдение социальных норм поведения, стремление к беспечному образу жизни – именно такие характеристики дает автор персонажам трагикомедии. Выбор места действия пьесы «Вой, кодї некор эз вёв», таким образом, определен стремлением автора обозначить свое понимание современной действительности, раскрыть ужасающие стороны современной жизни. Образ морга проецируется на современное общество, отвергающее моральные законы, всецело подчиненное своим материальным и плотским потребностям. Герои трагикомедии распивают спиртные напитки на работе, вступают в связь с замужними женщинами или изменяют мужьям, лгут, доводят людей до сумасшествия. По мнению драматурга, его современники – глубоко деморализованные люди, поэтому автор отождествляет их с мертвецами. Морг выступает моделью современного общества, полного людей, пренебрегших своим духовным развитием, ставших духовными мертвецами.

Наиболее полно художественное своеобразие места действия в трагикомедии «Вой, кодї некор эз вёв» выявляется в рассмотрении данного произведения в контексте драматургии коми. В коми литературе сложилась определенная традиция в изображении сценического пространства: в драмах избирались топосы вполне устоявшиеся – ими выступали деревенская околица или сельская изба. Казалось бы, основная функция художествен-

ного пространства в пьесах коми драматургов – служить изображению фона событий, характеризовать место происшествия, которым чаще всего выступал деревенский дом, так как в пьесах чаще всего решались производственные проблемы села. Однако эти пространственные ориентиры запечатлевают в себе глубокие экзистенциальные смыслы. Дом в культурологическом аспекте выступает в роли уменьшенной модели Вселенной, символизируя также освоенное, покоренное, одомашненное пространство, где человек находится в безопасности. В пьесах коми драматургов образ дома, вбирая в себя перечисленные значения, становится также символом устоявшегося и крепкого уклада жизни. Являясь емким образом цельного гармоничного миропорядка, дом в пьесах коми концентрировал в себе традиционные ценности крестьянской жизни, служил ее защитой и оплотом. По сути своей, деревенская изба в драме коми, несмотря на свою невзрачность и неказистость, является обобщающей моделью Родины, России.

В первой пьесе А. Попова «Мыйла и волісны» традиции изображения такого дома еще продолжают развиваться: действие пьесы происходит в городской квартире, но наличие добротного деревенского дома все же предполагается – именно оттуда в гости к дочери приезжают главные герои. Конфликт в названной драме основан на оппозиции город-деревня, и предпочтения автора явно на стороне представителей деревни – в них он запечатлеывает нравственную красоту, внутреннее достоинство, силу духа, желание и умение трудиться. Предполагаемый деревенский дом в пьесе становится метафорой крестьянского миропорядка того времени, нравственно здорового и нерушимого. Первая пьеса А. Попова проникнута пафосом сохранения этого крестьянского мира, его моральных и этических ценностей. Но уже во второй драме А. Попова – «Мыйсяма йӧз» – изображение жизни деревни предстает в резко негативных тонах: в пьесе персонажи беспрестанно пьянствуют, сквернословят, не выполняют свои обязанности по работе, неуважительно относятся друг к другу... Драматург, отображая удручающие картины деревенской жизни, выявляет отрицательные последствия реформ времен «перестройки», а также раскрывает необратимые изменения, произошедшие в самой крестьянской душе – крестьянин превратился в поденщика, пьяницу, труд ему опостылел. Сценическое пространство названной драмы сконцентрировано вокруг постройки нового детского сада на месте старого разобранного дома. Выстроенное здание детского сада в конце пьесы отдают под административное учреждение. Разрушение старой крестьянской избы становится аллегорией, выражающей процесс разрушения прежнего традиционного крестьянского уклада, вековых устоев, идеальных прочных нравственных опор. Строительство нового детского сада на месте старой полуразрушенной избы вселяет на-

дежду на возрождение деревни, духовного восстановления сельской общины, детский сад в силу своей «детскости» выступает как первоначальный этап, как новый еще неиспорченный лист биографии деревни. Однако эта надежда угасает с перепланировкой построенного здания. Жилой дом в пьесе заменяется конторой. По своему символическому наполнению контора противостоит жилому дому, как освоенному, покоренному, «одомашненному» пространству, где человек находится в безопасности. По пьесе А. Попова, контора становится знаком современной деревни, т.к. прежние живые семейные отношения, основанные на доверии, доброте, дружеской поддержке, соучастии, глубокой нравственности (включающимися в семантику жилого дома), заменяются деловыми и бездушными, современная деревня теряет свою «семейность», родственные связи разрываются, необходимость дома как сосредоточия Семьи, Рода, Деревни упраздняется. Поэтому образ избы уходит из пьесы коми. В драме «Мыйсяма йӧз», таким образом, художественно осмысливается глобальная по своему характеру проблема деревни, ее постепенного вымирания, потеря ею духовных основ, нравственных связей с прошлым.

В следующем драматургическом произведении А. Попова – трагикомедии «Вой, кодӧ некор эз вӧв» – место действия еще в большей степени подвержено трансформации. Автор пьесы, отображая современную социальную действительность, останавливает свой выбор на морге как месте действия, которое выступает емкой метафорой современного состояния мира. Морг, по терминологии Ю. Лотмана, – одна из разновидностей так называемых «лжедомов» или «антидомов». Морг в пьесе А. Попова представляет собой «чужое, дьявольское пространство, место временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир» (Лотман, 2001. С. 313). Возможно, отождествление современного морга с «загробным миром», например, Данте или Гомера, не лишено патетики, однако художественная концепция трагикомедии вполне оправдывает такие аналогии. Так, тема загробного мира получила широкое распространение в эпосе и волшебной сказке. Последняя генетически связана с обрядами инициации – ритуалами временного пребывания в ином мире, предшествующего повышению социального статуса и женитьбе героя. Очевидно, с той же символикой связаны и сюжеты эпосов – Одиссею необходимо посетить загробный мир, чтобы вернуться на родину, Энею – прежде чем обосноваться в Италии. Данте в аду и чистилище «Божественной комедии» испытывает ужас и сострадание, которые постепенно приводят его к очищению-катарсису. Персонажи А. Попова, помещенные в «мир мертвых», также проходят своеобразный обряд инициации. Подобно героям сказок и эпосов, герои трагикомедии в морге преисполнены страха,

который должен привести их к «взрослению» (по сказке) или нравственному «очищению» (по эпосу). Еще одну аналогию можно провести между драматическим произведением А. Попова и романом Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Как известно, основу романа составляет евангельский сюжет о Лазаре, который после своей смерти три дня пребывал в гробу, и на четвертый день был воскрешен Христом. Проецируя метания Раскольникова на болезнь и временную смерть Лазаря, Ф. Достоевский дает новое прочтение Евангелия: Раскольников – «житель подполья, комнаты-гроба, которые сами по себе – пространства смерти, – должен, «смертию смерть поправ», пройти через мертвый дом, чтобы воскреснуть и возродиться» (Лотман, 2001. С. 314). Персонажи трагикомедии А. Попова, подобно герою классика, побывав в мертвом доме, имели возможность нравственно воскреснуть, стать духовно богаче, пересмотреть свои жизненные позиции. Зритель видит некоторые изменения, происшедшие в персонажах. Павел, узнав о том, что Валентина замужем и готова изменить мужу, сердится и выгоняет ее и Ольгу из морга. Павел и Олег, сжалившись над Клавди пѳч, чей внук умер и на данный момент находится в морге, стремятся помочь в организации его похорон. Валентина, не любящая своего мужа и изменяющая ему, узнав, что ее муж умер и в данный момент находится в морге, сразу возвращается туда. Смерть мужа отрезвила ее, дала возможность осознать происходящее. Проведя ночь в морге, каждый из персонажей, можно сказать, должен умереть и выйти из морга другим, духовно обновленным и понимающим чувства других людей. Морг, по замыслу автора, должен оказаться своего рода «чистилищем», чтобы изменить персонажей драмы. Однако этого не происходит. Валентина в конце пьесы вновь забывает о своем муже, Олег и Павел отказывают в помощи Клавди пѳч. Автор на протяжении всей пьесы не меняет места действия, поэтому образ морга воспринимается как модель всего мира, – люди в нем остаются духовно мертвыми, хотя и принимают уроки судьбы, которые должны были бы изменить их.

Пассивность персонажей А. Попова определяет жанр пьесы «Вой, кодї некор эз вѳв» – это трагикомедия, межжанровое драматургическое образование, сочетающее художественные признаки комедии и трагедии. Тема смерти и последующего воскресения изначально заложена в жанре трагедии: ее возникновение связано с древними ритуальными жертвоприношениями в честь Диониса, бога полей и виноградарей, который в процессе кровавого обряда погибал и переживал благоговейное чудо второго рождения – воскрешал, что ассоциировалось у греков со смертью и воскрешением всего мира. Нарастающие общественные противоречия усложняли и социализировали природную основу этих ритуалов: сферой

осмысления трагедии становятся «всемирно-исторические противоречия, фундаментальное несовершенство бытия, сказывающееся на судьбе личности» (Борев, 2003. С. 478). Пьеса А. Попова, прибегая к обрисовке частного случая в морге, отражает духовное состояние всего общества конца XX в., обветшание всех социальных и нравственных понятий, разрушение всего абсолютного и незыблемого. Восстановить «связь времен» или «вывих века» (слова Шекспира) способен лишь трагический герой, современный Гамлет, который обладает достаточной силой духа, чтобы противостоять жизненным обстоятельствам, отстоять свои принципы и идеалы, бороться, не страшась смерти. Как утверждает Т.В. Журчева, «Трагический герой, осознавая безысходность ситуации, продолжает по собственной воле действовать, чтобы ее изменить. Он знает, что результатом станет его собственная гибель, но идет до конца. Благодаря этому и возникает великое потрясение, именуемое катарсисом, которое должно способствовать тому, чтобы мир стремился к идеалу, открытому для художника и для его героя, но еще не достигнутому остальными людьми...» (Журчева, 1997. С. 79). Персонажам трагикомедии А. Попова перечисленные черты не присущи: они не желают бороться, поэтому терпят поражение, тем самым разоблачают себя, свою ничемность и моральную пустоту. Они вполне соотносимы с героями трагикомедий, в которой «прямое воздействие человека с ситуацией нарушено, само наличие идеала... повергается сомнению. Тем более недостижимым представляется достижение идеала. Человек пассивен по отношению к ситуации, в которую он попадает...» (Журчева, 1997. С. 79). В этом угадывается вторая составляющая жанра трагикомедии в пьесе «Вой, кодї некор эз вїв» – комедии. Несостоятельность персонажей пьесы – суть комического в трагикомедии: через их характеры автор высмеивает и разоблачает деградирующее общество во имя утверждения идеалов прекрасного.

Комическое в пьесе А. Попова развивается в иных пространственных плоскостях. Если трагическое в произведении автора связано с символическим посещением персонажей «загробного мира», то возникновение комического в трагикомедии обусловлено созданием персонажами мира театрального. Персонажи пьесы «Вой, кодї некор эз вїв» довольно часто прибегают к разыгрыванию различных представлений. Так, Гудырев попадает в морг совершенно случайно: он приезжает в город из деревни по делам, но опаздывает на обратный автобус. Поэтому, нуждаясь в бесплатном ночлеге, Гудырев отправляется на поиски вытрезвителя (хотя является абсолютно трезвым) и встречает Павла, который приводит незадачливого приезжего якобы в вытрезвитель, а на самом деле в морг. С приходом Гудырева в морг начинается театральная игра, в которую вовлекаются не только подвыпившие студенты, которые отрекомендовались представителями власти,

но и окружающая обстановка. Часть морга, отведенная для сторожей, получает название приемной вытрезвителя, другая комната морга – местом для выпивших. Лежащие на нарах трупы становятся живыми, но изрядно выпившими людьми. Гудырев начинает играть роль беспробудного пьяницы, когда мнимые милиционеры грозят ему побоями. Испугавшись наказания, Гудырев соглашается с ними – ведь он не сам пришел в вытрезвитель, а его привели, прежде вытащив из ямы, куда он, напившись, попал. Далее Павел и Олег разыгрывают спектакль перед Ольгой и Валентиной, будто бы их пригласили не в морг, а в снятую студентами квартиру. Затем Олег и Павел играют перед заведующим моргом роль трезвых людей. Игра персонажей не лишена комического эффекта: сценические «перевоплощения» морга и его служащих, плохая игра персонажей рожают массу нелепых случайностей, вызывающих смех у зрителя... Разыгрываемые персонажами трагикомедии «представления» являются составной частью не только данной пьесы, они – суть жизни молодых людей современности. Как отмечает заведующий моргом, молодежь везде устраивает увеселительное мероприятие, стремление неопременного времяпровождения за выпивкой зачастую заставляет их импровизировать, лгать, надевать соответствующие для ситуации маски. Автор, развивая комические составляющие действия пьесы в «театральном пространстве», типизирует склонность персонажей к обману, к сценическим перевоплощениям, выявляя эти черты не только в раскрываемых им характерах, но и во всем современном обществе. Неискренность, фальшь, лицемерие, по мнению драматурга, пронизывают современную действительность, заставляя почти каждого носить маску благочестивого человека, скрывающую духовную опустошенность своего «хозяина». «Маскарадное действо», проистекающее в социальной реальности, по мысли А. Попова, чревато трагическими последствиями: ложь, неискренность чувств становятся причиной гибели Николая, мужа Валентины – он не выдерживает постоянных измен жены и кончает жизнь самоубийством. Измены Валентины в пьесе «Вой, кодї некор эз вѳв» – это больше чем банальная неверность супруги, для Николая они означали разрушение всего мира, крах веры в людей, в добро и любовь. Причина гибели Николая – его чуждость лживому обществу с его искусственными, условными, античеловеческими законами, обществу, в котором нет места цельным глубоким личностям. Отобразив драму Николая, А. Попов выявляет трагическое состояние современного общества, отталкивающего духовно сильных людей, обрекающего их на одиночество и отчуждение.

Соединяя трагическое и комическое в пьесе «Вой, кодї некор эз вѳв», драматург передает ощущение кризисного времени, периода оскудения, истощения нравственного начала в обществе. Персонажи А. Попова – ко-

медийные персонажи, становящиеся жертвами своих ошибок. В конце концов, эти ошибки неумолимо ведут персонажей к нравственной гибели и в итоге начинают восприниматься как трагическая ситуация. Автор, стремясь найти выход из сложившихся трагических обстоятельств, подвергает персонажей «смертельным» испытаниям, проводя их через испытания «моргом», желая тем самым «воскресить» их дух. Однако ожидаемые изменения не происходят, сюжет пьесы возвращается к своему началу.

Пространственные характеристики в пьесе «Вой, коді некор эз вöв», таким образом, обусловлены жанровым своеобразием произведения А. Попова: развиваясь в двух – трагическом и комическом – направлениях, оно «функционирует» в двух пространственных плоскостях – в морге / загробном мире и на импровизированной театральной сцене. Возникшее в пьесе двоемирие, а также скитания персонажей между двумя мирами, создает впечатление размытости границ между жизнью и смертью (живыми людьми и покойниками), реальной жизнью и театральной игрой, истиной и ложью, здравомыслием и сумасшествием, комедией и трагедией... Двуплановость пьесы А. Попова усиливает идею пограничного состояния современного общества, порождает ощущение зыбкости и относительности всех критериев жизни, еще больше подчеркивая «рубежность», «пороговость» состояния мира в конце XX в.

Литература

1. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2003.
2. *Журчева Т.В.* Трагикомическое мироощущение как отражение маргинального сознания XX в. (к постановке проблемы) // Культура и текст. 1997. № 1. С. 79–83.
3. *Кузнецова Т.Л.* Мөвпалö, уджалö, гижö... (А. Поповлöн гижöдъяс йылысь) // Кузнецова Т.Л. Литература сöвман туйяс: гижысь да кад. Сыктывкар, 2003. 33–54 л. б.
4. *Лисовская Г.К.* Коми рассказ 90-х гг. XX века // Современная коми литература: проблематика, герой, стиль. Сыктывкар, 2004. С. 21–32. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 64).
5. *Лотман Ю.М.* Символические пространства // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 297–335.
6. *Попов А.* Вой, коді некор эз вöв // Попов А. Мыйсяма йöз. Повестьяс, вись-тьяс, пьесаяс. Сыктывкар, 1994. 235–271 л. б.

**Антитетичность как форма мировидения
(на материале лирики коми поэтесс
А. Мишариной и А. Ельцовой)¹**

А.В. Малева²

В статье проводится сопоставительный анализ лирики известных коми поэтесс – авторов разных творческих поколений; выявляются особенности антитетичности их поэтического мышления и функциональная значимость художественного приема антитезы.

Ключевые слова: Современная поэзия, женская лирика, лирическая героиня, художественное мировидение, антитетичность, антитеза.

**Antitetichnost is as a form of world view
(on the basis of lyrics of komi poetess
A. Misharina and A. Yeltsova)**

A.V. Maleva

The article presents a comparative analysis of the lyrics of famous komi poetess – writers of different generations; features of an antitetichnost of their poetic thinking and the functional importance of antithesis come to light.

Key words: Modern poetry, female lyrics, lyrical heroine, poetic world view, antitetichnost, antithesis.

Антитеза как древнейший художественный прием отражает онтологическое свойство человеческого сознания, которому свойственно воспринимать мир дуально: либо в диссонирующих оппозициях, либо в неразложимом единстве его контрастов. Общеизвестным является тот факт, что единство и борьба противоположностей является одним из главных свойств бытия и человеческого сознания, посредством которого и происходит процесс познания мира. В литературоведении антитеза определяется как средство художественной выразительности, стилистическая фигура, обеспечивающая явное или намеренно скрытое контрастное противопоставление (сопоставление противоположных) элементов художественного

¹ Работа подготовлена в рамках комплексной программы УрО РАН 2015 г. (проект № 15-13-6-14) «Коми литература: Опыт художественного развития в связи с классическим наследием».

² **Малева Анастасия Валерьевна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения. Тематика научных исследований – современная коми поэзия, женская лирика (malana84@mail.ru).

произведения (характеров, образов, сюжетных и композиционных деталей и т.д.). Функция антитезы в художественном тексте тесно взаимосвязана как с «мировоззрением» литературной эпохи, так и с особенностями восприятия мира отдельного автора. Антитеза как художественный прием встречается в творчестве каждого автора, однако из локального художественного приема она может перерасти «в мировоззренческий гносеологический феномен» (Песков, Турбин, 1981. С. 33–34), «в принцип поэтики и мышления» (Щемелева, 1987. С. 29). Так, в комической поэзии формой мировосприятия антитетичность становится в лирике А. Мишариной и А. Ельцовой¹.

А. Мишарина (1946–2013) пришла в литературу в конце 1960-х гг., зарождение лирики А. Ельцовой приходится на 1990-е гг., тем не менее поэтика их творчества обнаруживает много общего, в частности, тяготение к классической – структурно упорядоченной, рифмованной – форме стиха^{2,3}, а также к приему антитезы как доминирующему способу воплощения лирического ощущения мира. В основе антитезы поэтов лежит особая «структурированность» их поэтического мышления⁴, которая находит выражение также и в такой особенности речевого поведения лирической героини, как склонность к информативности и рационализации эмоционального переживания, формирующих убедительность, неоспоримость их поэтической мысли. Художественное пространство стихотворений А. Мишариной и А. Ельцовой – это четко очерченный мир, для которого характерны логичность, иерархичность, взаимовытекаемость: героиня находит ответ на поставленные вопросы и часто сама конструкция вопроса уже подразумевает утверждение, ее поэтические рассуждения причинно

¹ Антитетичность в лирике А. Ельцовой отмечает также и комический литературовед Т.Л. Кузнецова (Кузнецова, 2003. С. 111).

² «К поэтам-традиционалистам относят признанных мастеров традиционных форм и поэтического слова, блестяще владеющих техникой стиха и часто пользующихся рифмой и устоявшейся метрикой <...> Отличительные черты, присущие поэтам-традиционалистам: точность описаний, реалистичность...». См.: Кэтрин ван Спэнкерен Традиционализм // Кэтрин ванн Спэнкерен Краткая История американской литературы. 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/spankeren/38.php (дата обращения: 10.11.2013).

³ В зрелый период творчества А. Ельцовой наблюдается нередкое отступление в сторону безрифменной свободной формы стихотворения, а также к жанру лирико-прозаической миниатюры.

⁴ Как справедливо отмечает исследователь феномена амбивалентности в бытии человека Е.А. Цветухина, «в основе антитезы лежит простое разделение на два и более начал в целях структурирования мысли» (Цветухина, 2014. С. 77).

обусловлены, а вызвавшее эмоциональный всплеск переживание, как правило, перерастает в разумное, мотивированное приятие случившейся ситуации: *Позьё мой торйёдны Шонді да Му!*, Разве можно отделить друг от друга Солнце и Землю!¹ (Мишарина А., 1991); *Сійё сисьясыс абу-ё ми?*, Эти свечи – разве не мы? (Ельцова А. Еджыд вичко, Белая церковь, 1997); *Бурлунтё бурлун и чужтё, / Лёклунлы – лёк вочакыв. / Бурнас кё лоны эн куж тэ, / Йёзсянь буртё он кыв*, Добро добро и рождает, / Злу и ответ злой. / Добрым человеком если не сумел стать, / И от людей не услышишь доброго слова (Мишарина А. *Мыйла оз нюмъявны арлы?*, Почему не улыбаются осени?, 1977); *Оти здук. Тайё олёмыс – здук. / Оти воськов – и гёрддзасяс туйыс. / Кадлысь мунёмсё нинём оз дзуг: / Отчыд ёзйивны олёмыс шуис*, Мгновение. Эта жизнь – лишь мгновение. / Один шаг – и завяжется узел. / Поток времени ничем не остановить: / Жизнь дает лишь единожды вспыхнуть (Ельцова А. *Оти здук. Тайё олёмыс – здук*, 1997); *Дерт жё, ме йылысь дыр тэ эн тёд, / И мёд морт тэнсьыд сьёлёмтё шонтіс. / Но и мед, ме и сы вылё рад, / Мый тэ олёмё нэм кежлё пырин*, Конечно же, обо мне ты долгое время не знал, / И другой человек согревал твоё сердце. / Ну и пусть, я и тому уже рада, / Что ты в жизнь мою навсегда вошел (Мишарина А. *Менам муса, тэ сьёлёмнад том...*, Мой любимый, ты сердцем молод..., 1991); *Бурёд асьтё, сьёлёмтё эн пес <...>/ Аски асьыв ставыс лоё мёд, / Сёмын колё овны тайё войсё*,³ Успокойся, сердце не береби <...>/ *Завтра утром будет все иначе, / Только нужно эту ночь прожить* (Ельцова А. *Ставыс вежсяс*, Все изменится, 2010). Рациональное, логическое начало мышления лирической героини А. Мишариной и А. Ельцовой наглядно представлено строгой, четкой стихотворной композицией, их речь тяготеет к полноструктурным, сложноподчиненным предложениям. Лирика поэтесс представляет собой не столько поиск истины, сколько – утверждение уже готовых формул-ценностей, выражающих сложившуюся на данный момент жизненную позицию, которая при этом у авторов имеет существенное различие. Так, если героиня А. Мишариной видит гармонию в самой земной жизни, утверждает ее самооценку, то героиней А. Ельцовой существование гармонии на земле однозначно отрицается. В силу данной полярности мировосприятия антитеза в лирике поэтесс будет иметь различную функциональную значимость.

1960–1980-е гг., несмотря на сложность и противоречивость социокультурной ситуации в стране, характеризуются исследователями как новый этап в истории советской литературы и поэзии в частности – как время ее расцвета, постепенно поступательного «освобождения» от норм эстетики соцреализма (Лейдерман, Липовецкий, 2013. Т. 1. С. 115–116; Т. 2. С. 13;

¹ Здесь и далее перевод подстрочный наш. – М. А.

Зайцев, 2009. С. 99–100, 191–192, 332; Бараков, 2004. С. 38; Ванеев, Демин, 1980. С. 168, 176–177, 201–202). Как отмечают исследователи, комипоэзия этого периода «осознает свою высокую миссию в нравственном воспитании человека, в воспитании высокой культуры чувств» (Ванеев, Демин, 1980. С. 191), для нее характерно «стремление увидеть светлые стороны жизни, окрыленность <...> открытое отношение к миру, возвышенность чувств <...>» (Кузнецова, 2004. С. 596). Мир героини в ранней поэзии А. Мишариной «бесконфликтен», ощущение мира созвучно как лирическому настроению «эстрадной» поэзии, которое характеризовалось «юношеским восторгом, чувством свежести, порой возвышенных надежд, романтической верой в светлое будущее» (Лейдерман, Липовецкий, 2013. Т. 1. С. 120), так и т.н. «тихой» лирике, обратившей внимание на повседневную жизнь и внутренний – индивидуально-уникальный – мир современника. Так, ранняя лирика поэтессы активно дидактична, во многом патетична, «пропитана» эмоционально-восторженным любованием земной жизнью и душевной красотой созидающей ее личности (*Мед некор оз кус тайо шуда бур оломыс...*, Пусть никогда не погаснет эта счастливая ладная жизнь..., 1980). Лирика А. Мишариной этого периода – это «воспевание» сельских будней, неброской красоты северной природы, «человека профессии», нравственных составляющих внутреннего мира современника, даже мук любви – обобщенно и целостно, в светлых красках воссозданная жизнь природы и общества в лирике поэтессы пока что более ценностна, нежели глубинные процессы собственного внутреннего мира. Внимание автора сосредоточено на непреходящих формах гармонии объективной земной действительности, заключенной в будничном, ежедневном, на что и стремится обратить внимание читателя лирическая героиня. Чувство гармонии и единства с миром – одно из самых сильных в этот период творческой деятельности автора. Неслучайно сознание советского человека определяют как «двойное» – «...индивидуальное и коллективное. В индивидуальном сознании он осознает себя как личность, ответственную за свои действия <...> а в коллективном – как часть общего (коллектива, общины, народа, Вселенной...)» (Попов).

Статичные, незыблемые основы миропонимания поэтессы находят выражение в приеме антитезы, которая в творчестве автора выполняет в большей степени композиционную функцию – функцию поэтического «конструирования» окружающей действительности, жизни в целом. Прием в лирике поэтессы не только традиционно выступает как средство самохарактеристики и характеристики Другого (*Лыдьёдёлм*, Считалка, 1991; *Кор съёлмыд измёма*, Когда сердце превратилось в камень, 1996), воссоздает столкновение веры, желания, мечты, отношения к объекту

и противоречивой, живущей по своим законам реальности (*Сувтны эськõ пельсыõн*, Стать бы мне рябиною, 1977), жизненных невзгод и духовной стойкости (*Буждысь коз, 3 Ель на песчаном берегу, вымываемом рекой*, 1977; *Менам съõлõм*, *Мое сердце*, 1977), но и становится способом утверждения диалектичности природы-погоды (*Õти тулыс мисьтõмджык кõ лоõ...*, *Если одна весна будет менее красивой...*, 1977), внутреннего мира человека (*Бурлункõд леклуныс орчõн на олõ...*, *Добро со злом рядышком шагают...*, 1977), жизни-мироустройства в целом (*Олõм*, *Жизнь*, 1991; *Олõмыд олõм на*, *Жизнь она жизнь и есть*, 1991):

Ставыс вежсьõ, олõмыс оз сулав,	Все меняется, жизнь не стоит на месте,
Кодкõ ловзьõ, кодкõ и, дерт, кулõ,	Кто-то вновь обретает жизнь, кто-то же ее теряет,
Быдторлы тай воõ аслас кад. (Вежсьõм, 1977)	Всему и каждому – свое время. (Обновление, 1977)

Мысль о диалектичности жизни и внутреннего мира человека находит выражение в антитетичном композиционном приеме, при котором автор «изображает» непредвиденные, неожиданные повороты событий в жизни человека. Так, в стихотворении *Виччысьтõм тõв* (Нежданная зима, 1977) проводится параллель между резкой сменой погоды и поступком молодой девушки, которая неожиданно для всех вышла замуж. Две последние строки стихотворения Ёртлы (Другу, 1977) «нейтрализуют» развиваемую на протяжении всего поэтического текста мысль героини о душевной близости с человеком, с которым многое было пережито вместе: *И кызд нõ тэнад / гаж весиг оз быр?*, И как же так / Ты даже не соскучилась?. Эффект неожиданности характеризует и юмористический стихотворный рассказ *Отпускын* (В отпуске, 1980), в котором желание героини приехать в село и заниматься творчеством на лоне природы оборачивается сельской работой по просьбе мамы. Юмор в лирике А. Мишариной играет значительную роль: ироничность по отношению к любой «конфликтной» ситуации становится способом ее разрешения. Так, в стихотворении *Тэсьнь письмõ волõ шоча...* (От тебя письма приходят редко..., 1977) посредством антитезы происходит столкновение между тем, что ожидаемо читателем: в конце поведанной ему «истории» и тем, что происходит на самом деле: читатель ожидает дальнейшего развития дисгармоничных ощущений лирической героини, так и не дождавшейся письма от любимого человека, однако «погружения» в переживания не происходит: *Тõдмав, зонмõй, ачыд эсэся, / Тэñõ радейта ли ог*, Узнай, парень, теперь тогда сам, / Люблю тебя

иль нет¹. Если в лирике А. Ельцовой антитеза, в основе которой – нереализованность мечты, мысль о диалектике жизни, формирует атмосферу драматического фатума, то в лирике ранней А. Мишариной «драматичное» преодолевается особенностями ее позитивного отношения к миру.

Приятие земной жизни в ее диалектичности – источник оптимизма, жизненной силы, духовной стойкости лирической героини А. Мишариной: *Ме олом вуджа шуда дойон*, Я жизнь проживаю со счастливой болью (Войся гостя, Ночная гостя, 1991). Антитеза в ранней лирике поэтессы в буквальном смысле «перерастает» саму себя, свою сущность: через противопоставление она выполняет функцию единения и примирения, раскрывая целостность внутреннего мира героини с ее потребностью объединять, взаимосвязывать, гармонизировать все в окружающем мире. Показательны в этом отношении стихотворения *Медым ывлaыc кo бyкyд...* (Даже если пасмурно..., 1977) и *Эн шoгcьы, чужан cиктoй...* (Не горюй, родное мое село..., 1977): в первом – хмурый и серый городской пейзаж не противопоставляется солнечной деревне и не вызывает ощущение дисгармонии в душе героини: невзрачность внешнего облика городского пространства (в данном случае плохая погода) не становится в лирике поэтессы причиной для «конфликтной» ситуации; во втором – два разнородных по природе жизненных пространства формируют одно единое гармоничное целое в сознании героини: *Мем кaрыc – юр вeсьт шoндi, / Тэ мeнaм – кoк ув мy*, Мне город – солнце над головой, / Ты – моя основа под ногами. Героиня не находит в климатических и других внешних особенностях города причины для его порицания в сравнении с горячо любимым родным селом, а потому образ Сыктывкара, как правило, не приобретает в лирике поэтессы черты антагонистического пространства: он также характеризуется как «горт» («дом»), «ас» («свой»). Функцию единения и примирения антитеза выполняет также и в таких стихотворениях, в которых героиня находит оправдание чужим недостаткам. Так, в стихотворении *Усьысь лымйыс оз шeдoдчy кio...* (Падающий снег не попадает в руки..., 1977) казалось бы ожидаемая реакция на обиду – противодействие обидчику – неожиданно для читателя перерастает в мирное разрешение ситуации: *Ме и aчым oд*

¹ Схожие черты наблюдаем и в лирике удмуртской поэтессы 1960-х гг. Степаниды Ивановой: «лирическая героиня поэтессы не драматизирует одиночество, ей присуще чувство задора и юмора. Она находчива, на невнимание любимого реагирует легкой иронией <...> Степанида Иванова обогатила женскую поэзию игривостью, иронией, любовную лирику – жизнеутверждающим пафосом». См.: Федорова Л.П. История удмуртской женской литературы: поэзия 60-х годов // Финноугристика на пороге III тысячелетия: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 472.

кодэськё пышъя, / Сідзкё, мыжавны тэнё ог кут, Ведь и я также от кого-то бегу, / Так что, винить тебя я не стану.

Антитеза в ранней лирике А. Мишариной выражает склонность ее героини к размышлениям, готовность сталкиваться с непознанным и осмысливать его в позитивном русле, ее экстравертность, открытость миру. Данный стилистический прием формирует «диалогический монолог», противостояние разных точек зрения на одну проблему (ситуацию). «Диалог» представлен не столько как конфликт, сколько как процесс взаимопересечения мировосприятия разных людей и непременно заканчивается единогласием – зарождающиеся дилеммы находят разрешение: *Тэ тóрыт шуин, вунёді / мый тэнё, / И бара воим тэкёд зыкё-венё <...> / Вай самёвартё өдйёджыка пузьёд, / А рытыс миянлы оз ло нин кузьён*, Ты вчера сказала, что забыла / я тебя, / И опять пошел у нас конфликт <...> / Давай самовар быстрее вскипяти, / И вечер нам не будет уж казаться длинным (*Тэ тóрыт шуин...*, Ты сказала вчера..., 1991). Посредством антитезы автор создает резкие переходы между спором и примирением, что и позволяет раскрыть на конкретном примере диалектику сложной человеческой жизни. Не случайно мы можем наблюдать прием тройной, образующей кольцевую композицию антитезы, как, например, в ст. *Ме эг эскыв* (Я не верила, 1991), в котором противоположные друг другу формы восприятия смерти сталкиваются с третьей – более расширенным вариантом первой (вера трансформируется в знание), к которой героиня приходит в зрелом возрасте: *Ме эг эскыв, мый ме дзикёдз быра, / Коркё сэсся / кыз му улё пыра. / Тёді, дерт, мый / мортыс кулё коркё. / Тиёкыдакодь смертьыс / воліс гортё. / Но ме эски – / лолёй вуджас мёдлы, / кокныда зэв, ачым ог и мёдлы. / Ичёт нывка пиын кута овны, / Сідзкё, кулёмсьыс и немся повны. / Ёні тёда, мортыд дзикёдз быран, / Мёд вир-яйё этша нин тай пыран. / Тёда кётъ, но / бырис менам полём – / Коляс му вылас / ме бёрся олём*, Я не верила, что я насовсем исчезну, / Когда-нибудь / войду в сырую землю. / Знала, конечно, что / человек когда-нибудь умирает. / Нередко смерть / заходила в мой дом. / Но я верила – / моя душа перейдет к другому человеку, / так легко и незаметно. / Среди маленьких девочек жить я буду, / Поэтому и смерти незачем бояться. / Сейчас же знаю, человек исчезает без следа, / Вряд ли в другое тело ты войдешь. / Хоть и знаю, но / страх мой прошел – / Ведь останется на земле после меня жизнь.

Если в ранней лирике А. Мишариной прием антитезы как способ поэтического «конструирования» объективной реальности, средство воссоздания закономерно-объективных событий жизни насыщен пафосом жизнеутверждения и оптимизма, то в зрелой лирике (сборники стих. 1996 г.

и отчасти 2005 г.) прием «интровертируется», насыщается семантикой некоторого драматизма, тяготеет к критическому осмыслению действительности: *Карад тулысыд няйт, / Сиктад – сөстөм да мича / <...> / Сиктын быдымлыом йөз, / Мыйла нетикусым карё, / Сэсь, көн энэжэс лөз, / Шондй мыччысьлө яра?...* В городе весна грязная, / В селе – чистая и красивая / <...> / Люди, что родились и выросли в селе, / Почему сорвались мы в города, / Оттуда, где небо голубое, / Солнце светит ярко?.. (*Карад тулысыд няйт...*, 1996). Антитеза позволяет сопоставить время былое – более гармоничное, стабильное, «целостное» – с противоречивым и насыщенным коллизиями настоящим (*Мый «Ураһн!» мунис...*, Что раньше было «на Ура!»..., 1991), прием акцентирует перелом в сознании героини, связанный с переосмыслением былых представлений о мире: *Шондй вөлі югыд. / Быд морт торъя шань. / Ёні ставыс гуга / Лоис, шондйбан*, Солнце было яркое. / Каждый человек особенно приветлив. / Сейчас же все наоборот, / Стало, очень жаль (1996); <...> / *Том дырйи ёнасё ме эг и шогсьы, / И энэвтычлі водзвыз пуктөм могсьыс – / Но шуда вөлі!*, <...> / В молодости я много не горевала, / И оставляла ранее поставленные цели – / Но счастлива была! (*Ме шуда вөлі, Я счастлива была*, 1996). Антитеза в лирике поэтессы начинается знаменовать зарождение душевного диссонанса, берущего свое начало во внешнем – социальном, т.к. ее внимание все глубже сосредотачивается на актуальных проблемах современной действительности. Антитеза в зрелой лирике поэтессы насыщается психологизмом, т.к. находит воплощение в чередовании стихотворений об усталости от жизни со стихотворениями, выражающими чувство глубокой привязанности к самой ее сути, воссоздает столкновение измученной жизненными превратностями личности и непреходящей самооценности данного (дарованного) ей существования.

Иные тенденции развития принимает лирика авторов, которые пришли в коми поэзию в конце 1980-х – 1990-е гг. Акцент на изображении окружающего мира, позиция автора как наблюдателя заметно уступают место глубоко личному и интимному, центр внимания лирического сознания перемещается внутрь себя, вдохновение, идеализация сменяются подчас драматическими и эсхатологическими раздумьями о бытии и назначении человека. Лирический герой находится в переосмыслении существующей системы ценностей, в поисках самого себя в заданной системе мироустройства, напряженно прислушивается к мельчайшим ощущениям, вызываемым окружающим его миром. Если в лирике А. Мишариной человек – созидатель-творец собственный судьбы и жизни на Земле, то героиня А. Ельцовой тонко ощущает воздействие неких «тайных» законов на судьбу человека (*Тавой энэжас ёти кодзув...*, В эту ночь на небе лишь одна звезда..., 1997). Лирика Алены Ельцовой отличается глубоко минор-

ной тональностью стихотворений, меланхоличностью мироощущения: условно творчество поэтессы можно было бы назвать «лирика-тоска» – тоска по неосуществленному, быстротечно ускользаемому, невоплощенному совершенному: *Сõмын тай некор оз мыччысь / Шондiкõд войыслõн пи. / Нэмтõ кõtь сiйõс тэ виччысь – / Шудыс оз мыччывлы ки*, Только никогда не появится / Рядом с солнцем ночи сын. / Хотя целый век его ты жди – / *Счастье не протянет руки (Тэкõд ми..., С тобою мы..., 1997)*. Мотивы утраты, расставания и увядания, душевной боли и одиночества, данной, но упущенной возможности и робкой надежды на «ускользающее» счастье – одни из основных в творчестве автора; лирические переживания А. Ельцовой насыщены ощущением краткости и скоротечности человеческой жизни, особо бережным отношением к хрупкой красоте окружающей природы, восприятием мира сквозь призму воспоминаний и сновидений.

Совершенно справедливо, на наш взгляд, В.А. Латышева характеризует состояние внутреннего мира лирической героини А. Ельцовой как «полное застывших желаний» (Латышева, 2005. С. 116). Столкновение мечты и реальности зачастую представлено в лирике поэтессы в ситуации неожиданного и непредсказуемого вопреки ожиданиям героини поворота событий, формирующего атмосферу неумолимого фатума: *Ме пыр виччыси. Виччыси. Виччыси. / А тэ донанад сiдз эн и шу*, Я все ждала. Ждала. Ждала. / *А ты дорогой так и не назвал (Тэнõ ачымõс воштымõн корси ме..., Тебя, саму себя потеряв, искала я..., 1997); А õд кутишõм нин вõлi со матын – / Сõмын нюжõдлы китõ да босьт. / Но эз артмы тай – шудьяõй татõн / Меным õдзõсõ асьыс эз восьт*, А каким близким оно казалось – / Протяни лишь руку и возьми. / Но не вышло, нет – это счастье / Не открыло мне двери свои (*Киссьõм сикõтиш*, Рассыпавшееся ожерелье, 1997); *И кодьяскõ бара на локтасны рытнас ме ордõ, / Но сiйõ, мый виччысь, / талун ни аски оз ло*, И кто-то опять придет в этот вечер ко мне, / Но то, что так жду я, / ни сегодня, ни завтра не случится (*Ме гажтõмча тэысь..., Я скучаю по тебе..., 2010)*.

Антитеза позволяет сформировать образ равнодушного к желаниям и чувствам героини окружающего мира, «диалог» между ними в некотором роде нарушен, отсутствует взаимопонимание и взаимосвязь: *<...> / Сõмын йизьõдысь турõб / Шогõм менсьым эз кывлы. / Ичõт кадõс тиõти дуриг / Сiйõ лэбõдiс вывлань, Леденящая же вьюга / К моей тоске была глуха. / Какое-то время еще пошалив, / Она умчалась далеко ввысь (Эн коль менõ, челядьдыр, Не покидай меня, мое детство, 1997); Сё киа дой / Косьявлõ менсьым сьõлõмõс / Посни торпыригõдз. / А тэ пукалан воча, / Гусьõник ас кежсьыд нумъялан <...>*, Столапая боль / Разрывает мое сердце / На мелкие куски. / А ты сидишь напротив, / Украдкой про себя улыбаешься *<...>*

(*Сё киа дой...*, 2010). Несмотря на преобладающую сентиментальность и сенситивность, героине поэтессы свойственна категоричность рассуждений, а потому прием антитезы передает не только романтическое столкновение мечты, желания героини с более «суровой» действительностью, но и ее способность выражать основы своего мировидения через позицию несогласия, отрицания, протеста: *Шудыс абу, а чайтлм – эм, Счастья нет, а думали есть* (Коркё, Когда-то, 1997); *Меным некор сійёс не суны, / А ме котёрта мырдён сы бёрся*, Мне никогда его не догнать, / Но я упорно бегу вслед за ним (*Тёдтём чужёмъяс, дзормём синъяс...*, Незнакомые лица, посевшие глаза..., 1997).

Как и в творчестве А. Мишариной, в лирике молодой поэтессы ярко выражено и ощущение диалектики жизни, или особая чуткость к смене состояний природы и настроения, взглядов на жизнь, отношения к человеку и мн. др., однако чувство это интровертно, направлено вглубь собственно внутреннего мира: *Тадз он и тёдлы, гожём шёрын / Друг аддзан: гёгёр еджыд лым <...> / Здук сайын вёлі шуд да радлём / А со нин кыпыдлунлы пом*, Так и не заметишь, среди лета / Вдруг видишь: вокруг один лишь белый снег <...> / Мгновение назад было счастье и радость / И вот уже воодушевлению пришел конец (Кад, Время, 1997); *Мый шулін тэ, ог вермы ёні казътывыны, / А чайтсис сэк, мый тэын сёмын бур*, Что говорил мне ты, не вспомню я сейчас, / Тогда ж казалось, что в тебе один лишь смысл (*Мый шулін тэ...*, Что говорил мне ты..., 1997); *Тэнад синъясыд – юкмёс, коді джуджыдён вёвлі, / Коді воштыліс пыдёс лэзов энэжыс моз. / Ёні – пыддотём гуран, көні дзебясъё чёвлун. / Тэнад синъясыд – юкмёс. Коді важён нин кос*, Твои глаза – колодец, который когда-то был глубок, / Дно которого было бездонно, словно синее небо. / А сейчас – бездонная яма, в которой затаилось безмолвие. / Твои глаза – колодец. Который давно уже пуст (*Тэнад синъясыд – бипур, коді ньёжйёник ваймё...*, Твои глаза – костер, который потихоньку догорает..., 1997).

В лирике А. Ельцовой находит воплощение антитеза преходящего и вечного, индивидуально-уникального и множественного: наблюдения героини за формами угасающего, временного, недолговечного, изменчиво-непостоянного также формируют атмосферу романтической «обреченности»: *Кусём сисьсё вежас коркё мёд. / Чужас сідз жё – тёдлытёг да гусьён / Сёмын, нимкодясиг, оз на тёд / Мый и сійё тадз жё сылб-усьё*, Погасшую свечу когда-нибудь заменит другая. / Родится так же – нечаянно, украдкой. / Только, наслаждаясь жизнью, еще не знает, / Что и она так же растает-упадет (*Усис кодзув, Упала звезда*, 1997); *А тёдан, – / Тёрыт бара локтіс тёв, / И еджыд лымйён тыртіс / Лэбач поэъяс... / <...> / И тёддан тэ, / Мый арыс оз нин ло*, Ты знаешь, – / Вчера опять пришла зима, / И сне-

гом белым застлала / Гнезда птичьи... / <...> / И знаешь ты, / Что осень уже не вернется (*А тōдан...*, 2010); *Коляс вой и ме лоа дзик мōддōн, / Сōмын важ кодъыс некор нин ог*, Пройдет ночь, и я стану совсем другая, / Только прежней уже никогда (*Локтысь тōлыслōн лов шыыс кōдзыд...*, Холодное дыхание наступившей зимы..., 2010). Мотив движения в лирике поэтессы выстраивает хронотоп как по горизонтали (образ бесконечной дороги, реки, неприкаянного ветра), так и по вертикали (образ дождя, падающих листьев и звезд, снегопада, качель). При этом можно наблюдать противопоставление движения и статичности (образы льда, сугробов, холодной зимы, состояние сна): так, осмысление героиней Богом поставленной жизненной цели, необходимости процесса «жизнепознания» сталкивается с отрицанием счастья и гармонии на Земле, состоянием растерянности, нерешимости, неверия в собственные силы (*Пыр мунан, мунан, а помыс абу...*, Идешь, идешь – конца не видно...; *Важōн мунисны кымōръяс-юсьяс...*, Давно ушли лебеди-тучи...; *Ме гажтōмча тэысь...*, Я скучаю по тебе...). Более того, физической молодости лирической героини «противопоставлен» возраст психологический, характеризующийся мироощущением глубокой зрелости (частое обращение к эпитету «седой», чувство усталости, предощущение конца жизненного пути и др.). Природа в изображении поэтессы, как правило, также контрастно противоречивая: либо уравновешенная, освежающе прохладная, дремлющая, побуждающая к раздумьям (образ природы – храма), либо тяжело вздыхающая, плачущая, неприкаянная, порывистая, мятущаяся...

Таким образом, можно отметить, что антитеза – это универсальный прием с разной функциональной значимостью, во многом зависимой как от индивидуально-психологических особенностей личности автора, так и от социокультурных установок общества. В лирике А. Ельцовой антитеза в восприятии мира становится следствием реакции на события и явления несовершенного мира, формой выражения собственного несогласия с ним, приемом, организующем диалог героини с жизнью. Антитеза в лирике А. Ельцовой – это явление в большей степени психологической, мировоззренческой природы, в то время как в лирике А. Мишариной – способ изображения, воплощающийся в композиции (прием построения объективной картины мира). В лирике ранней А. Мишариной – это путь к единству через столкновение разнородного, в лирике А. Ельцовой – противопоставление собственной позиции объективной земной данности. Героиня А. Мишариной мыслит ценностями и категориями, выработанными обществом, ее антитеза основывается на контрастах будничной жизни, антитеза же А. Ельцовой тяготеет к выражению особенностей организации внутреннего мира героини. Осмысление диалектики жизни в лирике

А. Мишариной формирует атмосферу созидательного, жизнеутверждающего начала, в лирике А. Ельцовой – атмосферу драматического фатума в силу обостренного переживания героиней утраченного, неумолимо ускользающего – преходящего. Таким образом, антитеза определяется в контексте рассмотренных нами стихотворений как средство утверждения ценности жизни в ее диалектичности, поиска самой себя в собственных внутренних противоречиях и самопрезентации через позицию отрицания несовершенной реальности.

Литература

1. Бараков В.Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция. Монография. Вологда, 2004.
2. Ванеев А.Е., Демин В.Н. Поэзия // История коми литературы: в 3 т. Сыктывкар, 1980. Т. 3. С. 176–202.
3. Ельцова А. Кассяна во (Високосный год). Кывбурьяс. Сыктывкар, 1997.
4. Ельцова А. Аския лун водзын (Перед завтрашним днем). Сыктывкар, 2001.
5. Ельцова А. Кадлӧн воськовьяс (Поступь времени). Сыктывкар, 2010.
6. Зайцев В.А. Лекции по истории русской поэзии XX века (1940–2000). М., 2009.
7. Кузнецова Т.Л. Литература сӧвман туйяс: гыжыс да кад (Статья чукӧр). Сыктывкар, 2003.
8. Кузнецова Т.Л. Развитие коми литературы: 60-е – 80-е гг. // История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 595–599.
9. Кэтрин ван Спэнкерен. Традиционализм // Кэтрин ванн Спэнкерен Краткая История американской литературы. 2005. [Электронный ресурс] // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/spankeren/38.php (дата обращения: 30.05.2013).
10. Латышева В.А. Женская лирика коми // В.А. Латышева Классики и современники: Сборник статей о литературе. Сыктывкар, 2005. С. 114–133.
11. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX в.: в 2 т.: учебное пособие Т. 1: 1953–1968. М., 2013.
12. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX в.: в 2 т.: учебное пособие Т. 2: 1968–1990. М., 2013.
13. Мишарина А. Тэ менам – кок ув му // Мишарина А.П., Напалков В.Е., Некрасов А.В. Куим сыланкыв. Сыктывкар, 1977. С. 7–45.
14. Мишарина А. Войвыв дзоридз (Северный цветок). Сыктывкар, 1980.
15. Мишарина А. Рыгтя серни (Вечерние беседы): Кывбурьяс. Сыктывкар, 1991.
16. Мишарина А. Сьӧлӧм дой (Боль в сердце). Кывбурьяс. Нюмсерьяс. Сыктывкар, 1996.
17. Мишарина А. Шань сьӧлӧмӧн сыла (Пою от сердца доброго). Сыктывкар, 2005.
18. Песков А.М., Турбин В.Н. Антитеза // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 33–34.

19. *Попов С.В.* «Идут по России реформы...» (размышления невольного участника) // Кентавр, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://uchebana5.ru/cont/2875783-pall.html> (дата обращения: 25.10.2013).

20. *Федорова Л.П.* История удмуртской женской литературы: поэзия 60-х годов // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 471–474.

21. *Цветухина Е.А.* Амбивалентность как особый тип бинарных отношений // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131). С. 77–79.

22. *Щемелева Л.М.* Антитеза // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С. 29.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.....	6
Белицкая А.Л. Остатки деревянных конструкций на курганных могильниках Европейского Северо-Востока	6
Вишнякова Д.В. Демографические факторы формирования трудовых ресурсов на территории Коми края (конец XIX – начало XX века).....	19
Попов С.А. Взаимоотношения органов крестьянского самоуправления с представителями уездной власти Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века	34
Таскаев А.М. Школы и библиотеки Коми автономной области, их влияние на уровень грамотности населения по данным Всесоюзной переписи 1926 года.	45
Нисковский А.А. Особенности реализации советской административной реформы 1929 года в Коми автономной области.....	51
Карачиев В.Н. Обзор источников по исследованию деятельности органов исполнительной власти Коми автономной области в 1921–1937-х годах	59
Мацук А.М. Статистические источники первой половины 1980-х годов о состоянии автомобилизации Коми АССР	67
ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР	73
Бойко Ю.И. Традиционное жилище лузско-летских коми: типология и конструктивные особенности	73
Шахматская П.А. Суеверная проза о домовом: обзор современных полевых материалов из Койгородского района Республики Коми	84
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	96
Ракин Н.А. Звуковые повторы в коми переводе «Калевалы» А.И. Туркина	96
Сурнина Л.Е. Поэтическое многоголосие в лирике И.А. Куратова	112

Горинова Н.В. Художественное пространство в трагикомедии А. Попова «Вой, кодї некор эз вїв» (Ночь, которой никогда не было).....	121
Малева А.В. Антитетичность как форма мировидения (на материале лирики коми поэтесс А. Мишариной и А. Ельцовой).....	135

ISBN 978-5-906394-28-6

Научное издание

STUDIA JUVENALIA (SJ)

**Сборник статей молодых ученых
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН**

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Технический редактор – Н.К. Забоева
Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Формат 60 x 90 $\frac{1}{16}$. Подписано в печать 17.12.2015.
Уч.-изд. л. 8,72. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 300. Заказ № 78.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.